

Троиза Византии



Гроза Византии: романы. А.Красницкий, Д.Л.Мордовцев. //Терра, Москва, 1996
ISBN: 5-300-00657-2
FB2: "Miledi ", 09.09.2007, version 1.25
UUID: 7c3ef2f1-7cd8-102a-94d5-07de47c81719
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Иванович Красницкий

В дали веков

В книгу включены три романа известного русского писателя начала XX века А.И.Красницкого (1866-1917), которые увлекательно расскажут о призвании варягов на Русь, об их взаимоотношениях с русичами и о многочисленных походах и сражениях: «В дали веков», «Гроза Византии», «Красное Солнышко».

В качестве приложения в книгу включены очерк Д.Мордовцева «Русские исторические женщины» и «Сага об Эймунде».

Содержание

#1	0007
К ЧИТАТЕЛЮ	0007
ИЛЬМЕНЬ	0009
1. ПРОРОЧЕСТВО	0009
2. В СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ	0019
3. ПЕРВАЯ ИСКРА	0026
4. СЛАВЯНСКИЕ РУЧЬИ И РУССКОЕ МОРЕ	0036
5. КУДЕСНИК	0046
6. ЗАВЕСА ГРЯДУЩЕГО	0057
7. НА ВАРЯЖКЕ	0065
8. В ОБЪЯТИЯХ СМЕРТИ	0074
9. СТАРЫЙ НОРМАНН	0079
10. МИЛОСТЬ НЕВЕДОМОГО БОГА	0087
11. ВЕРОЛОМСТВО	0093
12. ЖРЕЦ ПЕРУНА	0102
13. МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ	0111
14. РАДОСТЬ И ГОРЕ	0117
15. СПАСЕННЫЙ	0124
16. ПРЕДСКАЗАНИЕ	0134
ВАРЯГИ	0145
1. СОКОЛ	0145
2. ПРОБУДИВШИЙСЯ БОГАТЫРЬ	0156
3. ПОСЛЕ НЕВОЛИ	0166
4. ОТЕЦ РУССКИХ ГОРОДОВ	0172
5. ВЕЧЕ	0180

6. ГОСТОМЫСЛ0187
7. СРЕДИ ВИКИНГОВ	0199
8. НАБЕГ	0206
9. БИТВА	0211
10. СМЕРТЬ СТАРОГО НОРМАННА0219
11. ВОЗВРАЩЕНИЕ0226
12. «ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА» .	.0231
13. ТОМИТЕЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ	0237
14. НА ПУТИ0247
15. «ПРИВЕТ ТЕБЕ, СОЛНЫШКО НАШЕ!» .	.0257
16. РУСЬ ЕДИНАЯ0265
17. КНЯЖЬЯ ПРАВДА	0274
18. ВАДИМ0282
19. ПОСЛЕДНЯЯ ВСПЫШКА0290
20. ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ0297
21. КОНЕЦ ЗЛА0302

Александр Красницкий

В дали веков

АЛЕКСАНДР КРАСНИЦКИЙ

В дали веков



К ЧИТАТЕЛЮ

Вопрос о варягах на Руси принадлежит к наиболее спорным в русской историографии.

Первые гипотезы о происхождении Русского государства встречаются уже в летописях XVI века, а научное изучение варяжского вопроса началось в Академии наук сразу же после ее основания в 1724 году. Прежде всего привлекали ученых легенды о призвании варяжских князей и вполне удовлетворительные объяснения имен Рюрика и Трувора как скандинавских. Чуть сложнее обстояло дело с именем Синеус. Однако теорию основания Русского государства норманнами опровергнуть достаточно легко, ибо значение скандинавского завоевания весьма преувеличено.

Походы викингов на Русь, начавшиеся в конце VIII века являются разбойничьими набегами, которые довольно трудно отделить от «торговых поездок». По мере того как местное население училось обороняться от набегов норманнов, всю большую роль начинала играть мирная торговля.

Одновременно с этим громадное значение для скандинавов имела возможность наняться на службу в дружину к русским князьям.

Что же касается термина «варяг», то ученые-скандинависты предлагают несколько его толкований: в древнерусском словоупотреблении это и скандинавские дружинники, приходившие на Русь за данью, и наемные воины на службе у русских князей, и торговцы.

Некоторые ученые выводят слово «варяг», «варенег» от западнославянского слова, обозначающего «меч». Известный лингвист М. Фасмер связывал «варяг» с древнесеверным «var» – «клятва», «присяга».

В языке же самих скандинавов это слово применяется только к воину-наемнику, в том числе и на службе у базилевсов в Византии.

Вот об этом обо всем вы и узнаете из очередного тома нашей серии.

Счастливого плавания на викингских драккарах!

ИЛЬМЕНЬ

*«Благословен грядый во имя Господне!»
Св. Евангелие*



1. ПРОРОЧЕСТВО

Э то было вскоре после крестных страданий и смерти Иисуса Христа.

Он умер на кресте плотию, заповедав всему миру кроткую братскую любовь, плату добром за зло, но благая весть о Его святом учении пока хранилась и распространялась в одном только еврейском народе и едва-едва, в виде неясных туманных слухов, достигла до более или менее отдаленных от Палестины народов древнего мира.

Но Божественный Учитель наш еще до своей крестной смерти заповедал ближайшим своим ученикам разнести эту благую весть повсюду, где только есть люди.

Могли ли они забыть завет Того, за Которым последовали, оставив все земное, все земные радости, печали, горе, счастье? Все это, все было принесено в великую жертву служения человечеству, над которым тяготел в то время беспросветный мрак язычества.

И вот, святые апостолы разошлись по всему тогдашнему миру, всюду проповедуя слово Божие и всюду разнося радостную весть кроткой братской любви, всепрощения и тихого мира в сердцах человеческих.

Одни из апостолов избрали для проповеди страны более близкие к Палестине, где протекала жизнь их Божественного Учителя, где Он страданиями своими искупил грех прародителей. Они пошли в Грецию, в Рим, в Африку. Там уже сам языческий мир своим особым складом мышления приготовил благодатную почву для восприятия нового учения. Предстояла, правда, борьба, тяжелая борьба с язычеством, но апостолы и их ученики были уверены, что в этой борьбе они победят, рассеяв своим убежденным словом тяготевший целые века над человечеством мрак.

И они пошли туда, смелые, готовые на все,

даже на самые страшные мучения, ради исполнения своего святого долга.

Другие же из них для себя избрали совсем иной путь.

Он пошли в неведомые страны, в земли, на которые даже гордый Рим не находил нужным обращать свое внимание. Среди них был и святой апостол Андрей, который был одним из первых учеников Иоанна Крестителя, а потому и назван Протоклетосом, то есть Первозванным.

Он вместе с братом своим пошел принести благую весть о спасении совершенно «варварским» народам, обитавшим на южных, восточных и северо-восточных берегах Черного моря. Самой плохой славой пользовались эти народы в древнем мире. Чем-то нечеловеческим отзывалось в представлении даже образованнейших народов того времени – римлян и греков – понятие «скиф».

Целые легенды сложены были о них. Говорили, что скифы не обыкновенные люди, а ужасные существа, имевшие наполовину туловище человека, наполовину – лошади.

Они, скифы, были рассеяны на огромном

пространстве земли.

Жили они отдельными племенами, не зная никаких других занятий, кроме охоты. Между ними не было никакой связи, хотя они все говорили на одном языке и молились одним богам. Каждый, даже самый маленький род управлялся по-своему. Твердых начал власти у них не было и в помине. Вечно они вели между собой ожесточенные войны, и никогда между ними не было дружбы и согласия.

К этим-то ужасным скифам и понес благую весть перевозванный святой апостол.

Постепенно он обошел все побережье Черного моря и, наконец, прибыл со своими спутниками в таинственную, пустынную Скифию.

Напрасно искал апостол людей, которым бы он мог проповедовать благую весть. Их было слишком мало на этих беспредельных пространствах, сплошь покрытых или девственными лесами, или заросшими гигантской травой степями. Однако апостол не был смущен этим. Он смело шел вперед по неведомому дикому пути, пока не достиг устья великой реки – Днепра. Совершенно верное пред-

положение, что по берегам этой реки должны были жить люди, заставило апостола скорее идти к ее верховьям.

Чудная природа страны также влекла его в эту неведомую даль, где он должен был впервые возвестить ее диким обитателям слова любви и мира. Эта природа не была так пышна, как на его родине – в Галилее. Солнце здесь не палило землю лучами своими, напротив, оно только ласково обогревало ее, как бы возвращая к жизни после всемертвящего сна долгой северной зимы. Трава степей, зеленая листва дубрав не была слишком ярка, но в них преобладал нежный оттенок. Сам климат был нежен, воздух не дышал зноем. Ветерок в своих легких порывах то и дело приносил отрадную прохладу.

Да и сами обитатели этой неведомой никому дотоле страны были совсем другие.

Рослые, статные, дышащие физической мощью, с русыми длинными волосами, с открытым доверчивым взглядом голубых, как само небо над ними, глаз, как резко отличались они от соотечественников апостола Андрея, грубых, алчных, фанатичных до мозга

костей израильтян, от хитрых, вероломных, всегда готовых на любое предательство греков, от гордых, презирающих все на свете, уверенных в своей мировой силе римлян, уже близких тогда к упадку.

Это был новый, свежий народ, в котором на много-много тысячелетий хранился запас великих душевных сил.

Этого народа-младенца пока еще не коснулось разложение.

Он жил, как дитя, но в этом дитяти свежи и без гнили таились семена правды и любви. Этот народ нелегко отдавался первому своему впечатлению. Он не был способен на эффективное мученичество, но был готов тихо, незаметно умереть за то, что считалось правым. Он жил по заветам своей страны, был верен этим заветам, но врожденный здравый смысл в то же самое время позволял ему ясно видеть и то хорошее, что могло быть вне преданий его дедов и прадедов.

Этим народом были славяне, наши предки.

К ним-то и явился с вдохновенной проповедью апостол Божий.

Он со своими спутниками шел вверх по ве-

ликой реке славянской – Днепру. Он шел, и с каждым его шагом вперед по этой неведомой стране высшая сила, сила небесная, озаряла вдохновенную душу апостола.

Одаренный высшим разумом, он своим взором, проникавшим через завесу будущего, ясно видел, что этой стране предстоит великое дело – стать истинной хранительницей заветов Христа, что придет время, когда свет истины засияет в ней и многие тысячелетия будет гореть ярким пламенем в сердцах ее обитателей.

С такими мыслями дошел апостол до того места, где берег Днепра отвесной стеной возвышался над гладью реки. Это была целая гора, покрытая в то время лесом у своей подошвы.

Апостол не замедлил взойти на самый верх этой горы.

Чудная картина открылась перед ним.

Синей лентой извивался, идя из неведомой дали, величавый Днепр, а вокруг него, насколько мог видеть глаз, тонули в беспредельном пространстве необозримые зеленые степи.

Сердце апостола забилося. Он чувствовал, что сошла в его душу неземная сила, и, не желая бороться с овладевшим им волнением, он, благословив все, что было перед его глазами, пророчески воскликнул:

– Благословение Господа Нашего над землей этой. Отныне и во веки воссияет здесь благодать Господня!

Прошли века.

Вскоре после провозглашения великой воли небес, апостол Андрей Первозванный, призвавший благодать Господню на земли славянские, мученически кончил жизнь свою. Во время проповеди на Патрасе он был схвачен по приказанию римского проконсула Эгея и распят головой вниз на восьмиконечном кресте.

Так закончилось вдохновенное свыше дело святого проповедника благого учения Христа на земле.

Но с земной его кончиной его великое дело не умерло, не заглохло, а все росло и укреплялось. За Христом следовали уже целые народы. Ради Него христиане тысячами гибли на арене римского Колизея. Христиан-

ство все более проникало и развивалось в Риме и Греции. Оно вступило в отчаянную борьбу с язычеством, и близко было то время, когда оно должно было великим светом любви победить этого своего врага.

В Скифии, однако, ничто не подтверждало собой пророчества апостола, ничто не указывало на его близкое исполнение. Там все было по-прежнему. По-прежнему ласково, нежно светило с голубых небес солнышко. Так же, как и прежде, голубой лентой извивался среди безграничных степей и непроходимых лесов красавец Днепр.

Изменились только те горы, с которых вдохновенный проповедник вещал свое пророчество о великом будущем земли славянской.

Поредел дремучий лес на этих горах. Видны повсюду стволы вековых лесных великанов, под корень срубленных острыми топорами, видны невыкорчеванные пни, слышны веселый шум голосов, бряцанье железа, крики.

Птицы, привыкшие к недавнему еще безмолвию этой местности, с испугом улетают

прочь. Они понять не могут, что делают здесь эти люди, зачем пришли сюда и разом нарушили царившую целые века мертвую тишину. Но птицы должны были бы привыкнуть ко всему происходящему теперь на этих высотах.

Не первый уже день, много-много десятков лет тому назад началось это.

Как это началось и как все устроилось – рассказать обо всем этом читателям и будет задачей нашего повествования, а для того, чтобы выполнить ее, нам необходимо перенестись нашим воображением на берега великого славянского озера Ильмень, вокруг которого жили племена коренных русских славян.

2. В СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

*«Отраден солнца яркий свет, он душу
оживляет»...*

Старинное стихотворение

«Что за чудный летний день!»

Право, давным-давно уже не выдавалось такого денька на суровом севере. Над Ильменем вечно небо хмурится, бродят по нему грозные тучи, каждый миг буря зареветь готова, гром – загрохотать, молния – засверкать.

А тут.

С выси поднебесной ярко, радостно веселое солнышко смотрит. Рассылает оно свои лучи по поднебесью, заливает светом своим веселым, радостным и поля, и дубравы, и Волхов старый.

Кто бы мог подумать, что с течением времени не только человек, но и сама мать-природа меняется. И заметно меняется. Многими фактами доказано, что с небольшим тысячу лет назад на севере нашей необъятной матушки России климат не таков был, каков он

теперь.

В самом деле, в те времена глубокой древности, когда начинается это повествование, климат России был совсем другой. Пока дикие, непроходимые леса покрывали собой всю среднюю и южную полосу от севера до востока, климат южной России был куда благоднее нынешнего. На севере же России и в средней полосе между лесами и болотами было значительно холоднее, чем теперь.

Да что древние времена! Еще в XVII веке виноград зрел в Киеве под открытым небом, а в южной России и представить себе никто из ее обитателей не мог таких холодов, который свирепствуют там в настоящее время.

Теперь климат нашей матушки России уравнился. На юге стало холоднее, на севере теплее. Прежде не то было. Оттого-то так и радуется народ приильменский веселому солнечному деньку. Редки они, деньки-то такие.

Особенно веселятся в роду приильменского старейшины Володислава, занявшего место над самым Новгородом, на левом берегу Ильменя, вблизи Перыни-холма, где стоял, возвышаясь над озером и сушей, гигантский

идол грозного славянского бога Перуна-громовержца.

Могуч и богат этот род Володиславов. Немногие роды приильменские сравняются с ним в могуществе, богатстве и многолюдьи. Сколько у него пушных одних товаров заготовлено к проезду людей урманских – видимо-невидимо! Меха у него и довольствия разного, на самом деле, обилие такое, какое другим родам и во сне не снилось.

Не только богат и могуч, но и самостоятелен род Володиславов. Ни от кого не зависит он. Даже к пятинам Ново-города не приписан, а уж на что этот последний усилился после того, как перенесли его со старого городища на левый берег да стали в него съезжаться и весь, и меря, и кривичи, и мужи торговые из далекой Скандинавии, направляясь из-за бурного моря славянского Нево по великому пути своему в далекую и пышную Византию.

Родовой старейшина Володислав никого не боится, а с ним никого не страшатся и его родичи.

Вот и теперь поет, играет родовая молодежь, собравшись на лугу за своим селеньем.

Молодежь и тысячу лет тому назад была молодежью, даже, пожалуй, еще лучшею, чем теперь. Искренности в ней было больше, чувства не притупились еще, а о «нервах», без которых теперь никто «обойтись не может», и понятия не имели. Оттого-то всем так и от- радно, всем так и весело. Слышен искренний веселый смех – смех здоровый, раскатистый, видны раскрасневшиеся от удовольствия лица, а нет-нет порой зальется, зазвенит и рас- сыплется звонкою трелью веселая песня.

А солнышко ласково, приветно смотрит на развеселившихся под его лучами молодцов и девиц-красавиц.

Даже старики выползли и греют на солнце свои старые кости. Сам Володислав с ними. Степенно, серьезно ведет он беседу, а сам нет- нет да и кинет любовный взгляд в сторону ве- селящейся молодежи, где с другими резвятся, поют и хоровод водят его дети.

– Слышал ты? – говорит Володиславу седой с выветрившимся лицом старик. – Есть из Но- ва-города вести, да такие, что очень позаду- маться приходится.

– О Гостомысле ты?

– О нем, о посаднике новгородском.

– Больно мудрит он, да солеварам с Варяжского мирволит.

– Так ведь у них племянник его, Избор, старшинствует.

– Из-за него и поблажает! Как бы от этих солеваров беды всему Приильменью не было. Большую они силу собирают.

– Много их за море уходит, да не мало и остается. Гостомысл с ними такую силу заберет, что весь Ильмень должен Новгороду будет кланяться.

– И то уже слухи идут об этом. Беда с нашими варягами да и только!

Немало споров возбуждено было по поводу этого названия «варяг». Одни толкователи видели в нем какое-то отдельное племя, другие под этим названием подразумевали вообще наемного воина без различия национальности, третьи же настаивают, что «варяг» – слово русское, корень которого сохранился до настоящего времени в слове «пре-ва-рять». Вообще же, по мнению последних, название «варяг» означало человека смелого, предприимчивого.

Наконец есть указания на производность слова «варяг» от корня «вар» – «варить». Есть данные, по которым можно заключить, что у славян ильменских были свои собственные варяги. Так назывались отщепенцы и изгнанники разных славянских родов, поселившиеся на берегах впадающей в Ильмень реки Варяжки и занимавшихся там солеварением. Многие из них уходили за Нево к скандинавам и поступали там в дружины викингов, сохраняя, однако, свое славянское наименование. С течением времени у скандинавов так стали называться вообще пришельцы, и так образовались варяжские дружины на скандинавском Севере. Очень может быть, что к общему названию для отличия одних пришельцев от других, то есть для различия их по национальностям, прибавлялось еще какое-нибудь особое прозвище и так образовались в Скандинавии варяго-россы, иначе говоря, выходцы с Руси – с Ильменя, которые потом были призваны для устройства порядка на Ильмени, так легко укоренившиеся там благодаря своему славянскому происхождению.

Мы отвлеклись несколько от нашего по-

вестования, но, на наш взгляд, подобное толкование спорного слова объясняет многое, и его мы примем в дальнейшем.

Теперь возвратимся к той беседе, которую вел со стариками Володислав.

– Слышал я, отец Витимир, слышал я все это, – отвечал говорившему старцу старейшина. – Что-то затевает Гостомысл.

– Не без этого. Недаром они всех созывают на вече: и из родов приильменских, и весь, и мерю, и кривичей. Что-то надумал он?

– Мудр Гостомысл и любит он родину свою, все свои помыслы направляет на счастье ее.

– Да вот, мудр он и разумен. А только не славянщину он любит.

– Что же?

– Новгород свой. Прирожденный новгородец, он об одном только Нове-городе и думает.

Новгород всегда был бельмом на глазу у всех приильменских славян. Разговор от Гостомысла и намерений мудрого посадника перешел к этой столице северной славянщины.

– Ох, посмотрите, не сносить нам от него, от Нова-города, своей головы, – толковали

оживленно старики. – Нельзя ему такой силы давать.

– Чего там! Много нас ведь на Ильмене. Да и не один Новгород срублен мужиками славянскими. Забыли, что ли, кроме Нова-города, Киев, Смоленск, Чернигов есть, а кто из них сильнее?

Долго еще продолжался спор между стариками на эту тему.

3. ПЕРВАЯ ИСКРА

«Русь сильна единой державною властью».

Историческая фраза

С особенным почтением все в кругу, не исключая и Володислава слушали древнего, высохшего от пережитых лет старика.

Это был Радбор, самый старей человек в роде Володислава. Долго жили тогда люди: никто из родичей не знал, сколько ему лет. Все, даже старики, помнили его седым и сторбленным.

Несмотря на ветхость и древность, память Радбор сохранил прекрасно. Он живо помнил

старину и любил рассказывать про нее. Как только выдавался теплый денек, выползал Радбор на солнышко подставлять свое высохшее тело под ласковые лучи его, грелся и нежился, а вокруг него в это время собирались родичи, знавшие, что у Радбора всегда есть в запасе интересные рассказы про старину седую.

Так и теперь, когда повелась общая беседа, взоры всех обратились на Радбора. Все ждали, что он скажет, и всем интересно было знать, каково будет его мнение об ожидающихся событиях.

Когда в беседу вмешался Радбор, спор шел о могуществе славян.

– Сколько нас по лицу земли рассеялось! – горячился разговаривавший до того с Володиславом старик Витимир. – Разве по одному только Ильмену сидят роды наши? Куда ни пойдешь от моря Варяжского и до Сурожского, и до Хвалынского морей, везде однородцы наши есть, всюду гомон славянский слышишь, везде одним богам кланяются.

– Так, так! Верно говорят! Много нас, сильны мы, – слышались одобрительные вос-

Клицания.

– Что и говорить! Вот наши города хотя бы взять! Чем не велик наш Новгород? Во всех странах, за всеми морями известен.

– Именно, везде известен! Мало, что ли, «гостей» с разных стран сюда собирается!

– А Киев-то!

– И Киев тоже! Родной он Новгороду.

– Да один ли Киев да Новгород в славянщине? А Изборск у кривичей, а Смоленск. Сильнее-то народа славянского нет нигде!

– Сильны мы, очень сильны! Что и говорить! – раздался слабый, дрожащий голос. – А всякий нас и обидит, и под пяту, коли захочет, положить может.

Это говорил Радбор.

Все в кругу с любопытством обратились в его сторону.

– Что же, отец? – слышались спешные вопросы. – Скажи нам, почему это так?

– Да, отец, объясни нам, научи нас! Много ты на своем веку повидал, мудрость твоя известна всему Ильмену, так поведай нам, почему ты говоришь, что при всей силе нашей слабы мы и всякий, кто ни захочет, покорить

нас может.

– Нас вот на Ильмени никто не покорял.

– Так на то вы и ильменские! Сюда, на Ильмень, и птица не всякая залетает, и зверь не всякий заходит, кто же вас сюда в полон брать придет? Разбежитесь по дубравам – и нет вас. А вот кто посильнее, придут и заберут всех, и данью обложат всех вас – все роды.

– Так мы прогоним их!

– Что ж, что прогоните! Сегодня прогнали, а завтра они опять придут и опять завладеют вами. А потому, что слабы вы, даже и на Ильмени, как все остальные.

Радбор, видимо, устал и остановился, чтобы перевести дыхание.

– Вот живем мы, а как, в самом деле, живем-то? – снова заговорил он. – Правда, много нас на земле живет, и все мы по одному говорим и одним богам кланяемся, а только беда наша в том, что нет согласия между нами никакого. Не живут в мире постоянном не только племена, но и роды даже. Всегда между нами бой смертельный идет. Древляне с окольными полян, что по Днепру живут, обижают, вятичи до радимичей идут, дреговичи криви-

чей воюют, и всегда где-нибудь бой идет, кровь льется. И какая кровь-то? Братская! Ведь и древляне, и бужане, и полочане, и дреговичи, и лутичи, и мы, ильменские, – все родные братья, все от одного корня происходим, а вот от раздоров этих и беды на нас разные идут.

Старик снова остановился.

Его слушали с затаенным дыханием, так как правдивость его слов была очевидна.

– Какие же беды, отец? – слышался робкий вопрос.

– Вот хотя бы с дулебами.

– Что с дулебами? Расскажи!

– Давно уже это было, а память все еще свежа.

– Расскажи, расскажи, отец, что случилось в старинные времена с дулебами, мы же послушаем, да поучимся. Опыт разуму учит!

– Слушайте же, если знать хотите. Пусть рассказ мой в прок идет. Жили дулебы на истоках своего Немана, жили тихо, смиренно, по зверя в леса ходили, рыбу ловили, никого они не трогали, только их самих иногда древляне дикие обижали. Братья-то Кий, Щек и Хорив

только что с Дуная пришли и на днепровских горах у полян сели. Никто и подумать не мог тогда, что будет здесь город великий и нашему Нову-городу равный. Это он уже потом, спустя много-много времени так вырос.

– А расскажи отец, как Киев-город построился, – раздался чей-то вопрос.

– Киев-то? Да много слышал я о Киеве разного. Чему и верить, не знаю. Каждый о Киеве по-своему толкует.

– А вот ты сейчас нам рассказал, что братья с Дуная пришли.

– Говорили мне так, когда я был в землях Полянских. Пришли три брата из далеких стран, что за Дунаем-рекой лежат, пришли они с дружиною сильной и осели на высотах приднестровских, благо поляне их добром пустили и боем на них не пошли. А осели они здесь с тем, чтобы с людей торговых, которые за Русское море в Византию ходили, дань собирать. Место-то там удобное – обе стороны с гор далеко вдаль видно, кто чуть на Днепре появился, сейчас видно, а снизу если кто пойдет, так пороги там, иначе, как волоком, и идти нельзя. Так и начали жить на высотах дне-

провских три брата с сестрой своей Лыбедью, а с их старшего брата по имени и городок Киевом прозван был.

– А городок-то как основался?

– Известно как! Братья тоже ведь не одни пришли – была с ними и дружина. Как осели они, сейчас к ним и от полян кое-кто присоединился. Вот и городок.

– А по-другому как рассказывают об его основании?

– По другому-то? А говорят, будто Кий, брат из трех старший, просто перевозчиком был. Перевозил через реку, кому это нужно было, с берега на другой – около этого и кормился, а народу тут переходило много, так много, что братьям и не справиться было. Люди задерживались, подолгу оставались тут, ну и чтоб время не терять, кто товары при себе имел, за торг принялся, а тут мужи свейские, кто из варяг в греки шли, тоже приставать начали, менять там, что у кого было, и пришлось осесть у ворот днепровских, осели и зажились, сперва селенье устроилось, а потом и город огородили.

– Ты бы, отец, про дулебов-то нам доска-

зал, – вернул один из слушателей старика на прежнюю тему.

– Да, про дулебов! Вот ведь они, бедные, какую беду внесли.

– Какую, отец, какую? – раздались голоса.

– Пришли к ним мужи обрские, пришли с оружием и стали воевать дулебов; те народ мирный, не ратный, не могли против них силы выставить, и победили их обры. А были они телом великие и умом гордые.

– Что же, данью обложили их обры?

– Данью одной, это ничего еще было бы. Не в первый раз племенам славянским дань платить, привыкли они к этому. А обры всячески надругались над покоренными. Вот тут и пострадали роды дулебские!

– Мучили их обры?

– И это бывало. А больше всего надругались. Вместо коней и волов они были у них!

Общий крик негодования прервал Радбора. Лица слушателей побледнели, глаза за сверкали. Сказалось родственное племенное чувство. Ведь дулебы, как бы далеко они ни жили от Ильменя, но все-таки они, как выразился Радбор, были братьями им. Всякая оби-

да, нанесенная им, гулко отдавалась во всех сердцах славянских! Текшая во всех славянских жилах одна кровь брала свое. Ссорясь и воюя между собой постоянно, славяне никогда этого не забывали, и, при всякой дурной вести из славянских племен, они готовы были кинуться за них на врага, но, увы, не было между ними объединяющего начала, единой власти, которой так сильна стала матушка-Россия в более поздние времена.

– Как куда нужно поехать обрину, – продолжал свой рассказ старый Радбор, – сейчас приказывает он запрячь в телегу свою не волов и не коней, а жен славянских, садится сам, так и едет!

– И возили? – слышался вопрос.

– Повезешь! Трех-четырех впрягали проклятые обрины!

– А мужи дулебские, что же?

– Слабы они были. Где же им одним на обров пойти, а древляне, им соседние, по своим лесам рассеялись. Поди, лови их там.

– Как же избавились от обрского ига они?

– Сами боги на помощь им пришли. Пошла ходить по обрам болезнь страшная, кто ни за-

болеет – все умирали, и дулебов много здесь погибло, но они все-таки остались, а обры так и перемерли, так что на земле дулебской ни одного обрина не осталось!

– И теперь на землях днепровских говорят, – заметил внимательно слушавший рассказа Володислав, – «погиб, как обры!».

– Это про тех, кто рода после себя не оставил, – добавил к его замечанию Радбор.

Некоторое время весь круг молчал.

– Вот к чему ведут несогласие и раздоры, – заговорил опять старик, – восстанет в землях славянских род на род, и не будет правды, а тут враг близко, с родами славянскими делает, что только хочет! А они все спорят между собой, кровь льют!

– Как же быть-то?

– Сплотиться всем воедино. Выбрать князя, чтобы всеми делами верховодил, на врага водил и от врагов со своими дружинами оборонял. Да чтобы ни вятичей, ни радимичей, ни полян, ни древлян, а были бы они все славяне. Вот тогда мы и сильны будем. Не найдется врага, который бы одолел нас! Сами всех и все сокрушим, как вода из прорвавшейся запру-

ды все затопим, и не погибнет славянство во веки веков!

– Прав старик, прав! – раздались голоса.

Первая мысль об единой державной, все сплачивающей власти была заронена.

4. СЛАВЯНСКИЕ РУЧЬИ И РУССКОЕ МОРЕ

«Славянские ручьи сольются в русском море...»

А.С.Пушкин

*«И стены древние Софии
В возобновленной Византии
Пусть осенит Христов алтарь!
Пади пред ним, о царь России,
И встань, как всеславянский царь!»*
Ф.Тютчев

Если посмотреть на карту современной Европы, то непременно бросится в глаза огромная площадь, занимаемая нашей матушкой-Россией. В то время, когда начинается наш рассказ, славянские племена жили на большем, пожалуй, еще пространстве, чем занимаемое Россией ныне.

Они говорили на одном, всем им понятном языке, проникнуты были одним духом, образ правления у всех был одинаковый – выборный, и религия, за немногими исключениями, одна и та же.

Широко во все стороны раскинулись земли, занятые русскими славянами, составляющими ядро славянщины, – то русское море, в котором рано или поздно должны слиться остальные славянские ручьи. Тысячу с небольшим лет назад, когда только что начало образовываться русское государство, большая часть страны была покрыта дремучими лесами и болотами. Между ними, как будто на островах, по возможности ближе к рекам и озерам, жили отдельные славянские общины. Каждая из них управлялась своим старейшиной, но все эти общины составляли особые племена. В свою очередь эти племена придерживались двух главных союзов: северного и южного. Во главе первого стоял Новгород, во главе второго – Киев.

Такое первенствующее положение Новгорода и Киева в союзах славянских племен имело последствием то, что в них ранее,

чем в других городах, развились торговля, гражданское устройство, просвещение. Здесь появились первые поэты-летописцы, в них сохранялись народные предания, память о всех делах союза, в них, наконец, творились суд и расправа и сосредотачивалась общеславянская деятельность.

Может быть, по этим соображениям северные саги называют Россию «Гардарики», то есть страной городов, а византийские историки и восточные писатели называют Киев, близкий и более знакомый им, столицей земель славянских.

Первенствующим поселением в северном союзе были славяне новгородские. Они занимали площадь, вдававшуюся клином на север по Волхову, к озеру Нево (Ладожскому), на юг область новгородских славян простиралась не далее реки Межи, на восток примыкала к рекам Тихвинке, Чадогаще, Мологе, за которыми жили финские племена, и, наконец, на западе граничила с Ижорой, или Ингерманландией, и Эстляндией – маамиссами (чудью). Другим могучим славянским племенем были кривичи, занимавшие нынешнюю Витеб-

скую, Псковскую, Тверскую, Смоленскую губернии и часть Могилевской. Они, кроме того, занимали верховья Днепра, Западной Двины и Волги. Затем шли полочане – ветвь кривичей, жившие по берегам реки Полоты; драговичи – между Припятью и Двиной, в нынешней Минской и Витебской губерниях, дубы – в нынешней Гродненской губернии.

В южном славянском союзе главенствующее положение занимали тихие и кроткие поляне, населявшие нынешнюю Киевскую губернию и распространившиеся по Днепру.

Далее, в лесах нынешней Волынской губернии жили древляне; по Бугу, впадающему в Вислу, – бужане. За бужанами к югу – воляняне; северяне – на берегах Десны и Семи, в губернии Черниговской; суличи – на Суле, литичи и тиверцы по Днестру, до Черного моря и Дуная; в губернии Подольской, части Галиции, Молдавии, Бесарабии – хорваты или карпаты, одноплеменные с белохрватами, принадлежавшими к союзу польских славян и жившими в части Галиции, примыкавшей к губерниям Волынской и Подольской; радимичи – в Могилевской и Смоленской губерниях,

по реке Сож; вятичи – по Оке, в губерниях Калужской, Тульской, Орловской.

Так разлилось русское море по лицу земли славянской. Им одним, русским славянам, удалось образоваться в крепкое, мощное государство с первых лет своего основания. Много бед потерпело оно в течение тысячелетней жизни, но не сломилось под ударами их, а напротив, окрепло верностью и преданностью своим обычаям, заветам старины, установленным по собственной своей воле и почину единодержавной власти.

Кроме чисто славянских племен, составлявших ядро славянщины, непосредственную связь с ними имели, а затем целиком вошли в состав образовавшегося Русского государства племена: чудь, обитавшая на пространстве от Лифляндской губернии через Чудское озеро, верховья Плюссы и Луги до Невы и Ладожского озера в северной половине Лифляндской, Эстляндской и северо-западной части нынешней Петербургской губернии; весь, жившая от верховья Онеги через Бело-озеро, Шексну, Мологу, до Тверды – в южной части Олонецкой, северо-восточной части Новгородской, поло-

вине Тверской и прилегающей к ней части Ярославской губерний, и мера, обитавшая в остальной, наибольшей части Владимирской и Московской губерний, занимая пространство по обеим сторонам Волги между Мологой и Унжой и простираясь на юг через Клязьму до Москвы-реки и на север до водораздела между верховьями реки Костромы и Унжи и бассейном Северной Двины (Сухоны и Юга).

На юго-востоке ближайшими соседями русских славян были и находились в безусловной тесной связи с их судьбой козары, кочевья которых простирались от Крыма и низовий Днепра чрез нынешнюю Екатеринославскую, юго-восточные части Харьковской и Воронежской губерний, и землю донских казаков до Нижней Волги, Саратовской и Астраханской губернии, а на юг до Кубани и Терека.

На западе соседствовали с русскими славянами их соплеменники, славяне вислянские – поляки, и на северо-западе племя литовско-латышское, по всей вероятности, тоже однородное со славянами.

Два главных племени российских славян,

новгородское и киевское, стояли даже во времена глубокой древности на гораздо более высоком уровне развития, чем остальные славянские племена. Северные славяне, живя по соседству с враждебной Литвой и финскими племенами, волей-неволей должны были войти с ними в близкие и дружеские отношения, установившиеся, по всей вероятности, после долгих кровопролитных войн, в которых то одно, то другое племя попеременно выходило победителем.

В северном союзе чудь, племя сильное и многочисленное, имело большое влияние в последующие времена; оно было постоянным союзником ильменских или новгородских славян во всех их битвах за независимость и принимало участие в делах государственных. Это впоследствии привело к тому, что чудь слилась с славянами и вошла в общий состав их племен.

Между собой два главных союза славянских жили далеко не мирно. С одной стороны, не было крепкой власти, которая бы прочно соединила их, с другой – интересы их, в особенности интересы торговые, постоянно стал-

кивались. Кажется, именно это соперничество и порождало всегда неприязненные отношения между киевлянами и новгородцами. Все славяне торговали одним товаром, следовательно, встречаться им приходилось как конкурентам, а отсюда возникала и рознь.

Казалось, сама судьба готовила ильменских (северных) славян к той роли, которую потом пришлось им сыграть в общем ходе исторических событий.

Славяне русские, и в особенности северные, всегда любили жить в больших селениях и деревнях. Это способствовало развитию у них начал демократии, усовершенствованию ремесел и поддержанию духа общительности и соперничества. Малороссийские хутора и тогда, как и теперь, были неизвестны на севере. Вообще, славяне были охочи до многолюдных собраний и терпеть не могли уединения. Нестеровы «игрища» на улицах и за селениями существуют и поныне. Женщины пользовались полною свободою, принимали всегда участие в забавах и играх и даже первенствовали в них. До позднейших времен – татарщины – не в обычае было у наших предков за-

пирать своих жен и дочерей в терема, напротив, они пользовались полной свободой.

Пища у наших предков была та же самая, что и теперь у простого народа – мещан, мелкого купечества, но в этом отношении славяне ильменские, северные, значительно разнились от своих южных сородичей. Кушанья одних были совсем не употребительны и даже не известны другим. На севере любимыми блюдами были щи, каша, пироги, холодное мясо, кисель, квас. На юге – борщ, вареники, пампушки, жареное мясо. На севере не умели и не умеют печь южного хлеба, на юге не знали и не знают северных саяк, калачей.

В одном только отношении сходились как будто наши предки: пиво и хмельной мед варились везде, и на Ильмене, и на Днепре и, как кажется, везде по одному и тому же рецепту – как можно крепче, даже во времена глубочайшей древности.

Одежда северных славян всегда отличалась своим покроем от одежды южных.

Длинная одежда в старину употреблялась только почетными гражданами, одежда простых славян была короткой, до колен: полу-

шубки, полукафтаны и несуровое исподнее платье. Нарядные шапки всегда были высокие. Покрой так называемой «русской рубахи» не употреблялся южными славянами. Русские древние сарафаны, кокошники, кички, повязки неизвестны и теперь на юге. Там женщины обертывают голову холстом в виде тюрбана, а летом ходят в одном белье, надевая только поверх него паневу. Неизвестно, когда южные славяне стали брить бороду и голову, оставляя только чуб, но северные никогда не трогали волос ни на голове, ни на бороде, считая последнюю украшением мужа.

Наконец, даже сами жилища славян северных и южных значительно различались между собой. В общем смысле жилище одной семьи называлось двором. Дом и все хозяйственные строения и в городах и в селениях на севере носили название избы, на юге – хаты. Курная изба – это необходимая принадлежность севера, но нет никакого сомнения, что более зажиточные люди жили в городе в светлых и чистых покоях.

Занятием северных славян главным образом были звериный и рыбный промысел, пче-

ловодство и затем уже земледелие. Южные славяне преимущественно занимались скотоводством, земледелием, пчеловодством, а звериной и рыбной ловлей не пренебрегали только в зимнее время.

Таково было «славянское море» в то время, когда начинается наш рассказ. Да простит нам читатель это отступление, но мы надеемся, что, прочтя эти строки, он будет иметь понятие о быте предков.

5. КУДЕСНИК

*«Скажи мне кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною».*

А.С.Пушкин

Красив лицом и статен фигурой единственный сын Володислава, молодой Вадим, – красивее его, пожалуй, и во всем Приильменье нет. Только не такого сына хотелось иметь Володиславу. Нельзя сказать, чтобы Вадим трусом был, нет, этого не было, а только он характером какой-то странный выдался. Хитры, ох, хитры были наши предки, но вместе с тем и прямодушны. Хитры в охотничьих

уловках, в гоньбе за зверями, в борьбе с врагом, зато в отношениях друг с другом, между собою, прямодушнее их людей не было.

А старейшинский сын совсем каким-то вырождаком казался.

С малых лет в нем вероломство замечалось. Обмануть хотя бы первого друга, насмеяться над ним, зло ему безо всякой причины сделать, на все это Вадим, как никто, способен был.

И вечно он в каком-то беспокойстве находился.

Чего-то постоянно боялся старейшинский сын, чего-то искал все и не находил.

Так и теперь. Веселится молодежь, смеется, поет, хороводы водит, а Вадим грустный и задумчивый сидит поодаль и, не обращая ни на что внимания, смотрит, словно бесцельно, вдаль.

Сильно побаивался Вадим ночи, которая должна была последовать за этим днем. Много для себя ждал он от нее. Задумал он узнать свое будущее и в эту ночь тихонько ото всех своих домашних решился отправиться в чащу дремучего приильменского леса к

выходцу из стран болгарских Малу, которого все в Приильменье считали ведуном будущего – кудесником.

Путь предстоял далекий и трудный. Нужно было обскákat на коне по едва заметным лесным тропинкам чуть не пол-Ильменя, чтобы добраться до той чащобы, где жил старый Мал.

Да еще и это не все. Старый кудесник не ко всякому выходил на зов. К нему ездили многие – и из приильменских родов, и из Новгорода, но чаще всего возвращались ни с чем. Мал не откликался на зов, а те, кто пробовал искать его, только блуждали напрасно по лесу, и были случаи, что даже пропадали там, не находя дороги.

К этому-то Малу и собрался старейшинский сын Вадим.

Едва только стемнело, он потихоньку вывел за околицу оседланного коня и, даже не простившись с матерью Богумилой, не замеченный никем, помчался в свой далекий и опасный путь.

Скоро после коротких сумерек над землей славянской спустилась тьма. Все на Ильмене

заснуло. Вадима пугала мертвая тишина. Он затрясся всем телом, когда дорога пошла, наконец, по лесу. Привычный конь, однако, осторожно пробирался по узкой, едва заметной тропинке, храпя и прядая ушами. Вадим бросил на шею коня поводья и отдался инстинкту чуткого животного, заботясь только о том, чтобы не удариться головой о густо переплетшиеся ветви гигантских деревьев.

Лес становился все гуще, все мрачнее.

Чем дальше в лесную чащу пробирался конь, тем сильнее сплетались ветви деревьев, и лес высокой стеной вставал перед всадником.

«Что это, никак я сбился с дороги? – подумал Вадим. – Не может быть. Слишком хорошо мне указывали путь к старому Малу. Именно здесь должна стоять его избушка».

Блеснувшая на небе зарница на мгновение осветила мрачную прогалину, на которой остановился Вадим. Высокие столетние сосны задирали свои зеленые макушки. Старейшинский сын ясно различил три из них, одиноко стоящие среди прогалины.

– Здесь, здесь, вот и сосны, о которых мне

говорили, – радостно прошептал он и быстро соскочил с коня.

Привязав скакуна к толстому суку ближайшего дерева, Вадим вышел на середину прогалины и, приложив ко рту руку воронкой, закричал, что только было силы:

– Мал! Старый Мал! Мал, проснись и выйди ко мне, я стою здесь, у трех сосен, и жду тебя; ты мне нужен, Мал, ты знаешь волю богов, я пришел к тебе узнать ее. Ты должен мне поведать ее! Выйди, Мал! Явись, старый Мал!

Но никто не ответил Вадиму на его призыв. Только могучее эхо разнесло громкий крик, вторя ему во всех уголках дремучего леса.

– Мал, приди! – повторил еще громче Вадим.

Он уже начинал терять терпение. Ему стало казаться, что его обманули, сообщив, что здесь, в этой лесной чащобе, живет славный кудесник Мал – выходец из стран болгарских. Все прибрежные земли Ильменя были полны славою этого кудесника. Мало кто его видел, но те, кому повезло, уходили с полной уверенностью, что Мал – любимец богов и по силе

своих прорицаний не уступит, пожалуй, и самому перунскому жрецу Велемиру.

«Только Мал мне и может помочь», – решил однажды Вадим и, разузнав дорогу к хижине болгарского кудесника, при первом же удобном случае помчался туда.

Долго он призывал к себе Мала, но лес по-прежнему оставался безмолвным. Даже разбуженные громкими криками Вадима птицы, попривыкнув к ним, замолкли и перестали летать в ночной тьме.

Вадим, не слыша никакого ответа на свои призывы, пришел в отчаянье. Больше всего его смущало то, что придуманный им верный план мести и уничтожения врага не удавался – Мал не хотел выйти из своей берлоги.

Начинало уже светать. Сквозь чащу деревьев видно было, как заалело небо, послышалось щебетанье ранних птичек, подул холодный легкий ветерок, этот первый вестник наступающего дня.

Вадим, постояв в раздумье, решил было уже отправиться восвояси.

– Мал! Выйди! – еще раз крикнул он.

Но вдруг, заметив зашевелившиеся ветви

деревьев, Вадим задрожал всем своим телом.

Росший по окраинам лесной прогалины кустарник несколько раздвинулся и пропустил какое-то существо, мало походившее на человека.

Оно было согнуто в три погибели и, благодаря палке, на которую опиралось, казалось каким-то трехногим диковинным зверем. Длинная грива седых волос спускалась по плечам и спине почти до самой земли. Лица под высокой, с острым верхом шапкой и волосами не было видно. Только одни глаза светились почти юношеским блеском.

Это и был Мал – кудесник болгарский.

Вадим перепугался. Появление этого страшного существа, которого он незадолго перед тем так страстно желал видеть, наполнило теперь его душу ужасом. Он весь дрожал, как в лихорадке, а страшный Мал подходил все ближе и ближе.

– Добро пожаловать, княжич! – прохрипел кудесник. – Заждался ты меня, да ничего это, другие и еще дольше ждут старого Мала. Только для тебя одного вышел я так скоро. Знаю я, как рвется на части твое сердце моло-

дое, знаю, чего ты ждешь от меня, все знаю. Не утаишь ты от меня ни одной думушки своей сокровенной. Что же стоишь? Чего дрожишь, как лист древесный осенью? На смерть идти не боишься, а тут тебя человек обыкновенный пугает. Эх, эх! Не такие молодцы на родине моей в славном Ателе-городе. Так-то! – Мал в упор посмотрел на смущенного и перепуганного Вадима и громко захохотал.

– Кто ты, страшный старик, скажи? – вскричал юноша.

– Кто я? А зачем это тебе знать, гордый старейшинский сын? Сам ты должен был знать это, прежде чем ступить на эту прогалину и вызвать меня. Да, впрочем, скажу я тебе. Далеко-далеко отсюда, на большой реке у моря Хвалынского, стоит славный Атель, чтобы попасть в него, через много племен пройти нужно. Болгары, узы, печенеги путь смельчаку преграждать будут и, если только не родился под звездой счастливой, забелеют его кости в степях печенежских. Оттуда и я родом. Ханам казарским я верным слугою был и в их земле постиг премудрость кудесническую. Все по-

стиг я, и дорого мне стало это. Видишь, теперь я какой? А ведь когда-то и мой стан был так же прям, как и твой, и мое сердце билось любовью к красным девицам. Ох, давно, давно это было. Согнулся стан мой, крепости нет в руках моих, ноги не держат, без помощи ходить не могу. Умер я телом, в прах, в тлю превратился. Зато духом живу. Умерло тело, проснулся дух. Все я постиг на белом свете, все знаю; и ход светил там, на небе, мне известен, и тайна жизни и смерти, и будущего. Умею и думы читать чужие, и знаю, чье сердце чем бьется. Знаю, зачем ты пришел ко мне. Хочешь, скажу, не дожидаясь, что ждет тебя в грядущем?

Вадим в волнении слушал отрывистую речь кудесника. Оторопь охватила его. Ему казалось, что какая-то невидимая сила заставляет его слушать Мала, приковывает к месту.

– Хочешь, хочешь? – приставал тот, пристально смотря своими маленькими сверкающими глазами на юношу.

– Скажи, – тихо проговорил тот, не будучи в силах оторвать своего взгляда от страшного

старика.

Мал залился тихим смехом, от которого задрожало все его старое тело.

– Так пойдем же, пойдем ко мне, – схватил он за руку юношу, – пойдем. Но прежде чем нож тебе заговорить, будущее я тебе покажу. Узнай, что ждет тебя в тумане грядущего. Узнай и помни, того, что увидишь, не избежать тебе. Рано или поздно исполнится оно над тобою.

Он потащил Вадима через кустарник.

Густые заросли отделяли эту прогалину, на которой происходил их разговор, от другой, небольшой. На ней, под низко нависшими ветвями елей и сосен, стояла жалкая лачуга Мала. Ни дверей, ни окон не было. Низкое и узкое отверстие вело внутрь. Даже Мал должен был согнуться, чтобы пройти через него, а высокому Вадиму пришлось пробираться внутрь ползком.

Удушливый запах гари и каких-то трав стоял в лачуге. Вадим чуть не задохнулся, попав в нее. Мал заметил это.

– Не прогневайся, сын старейшинский, – сказал он, – убоги мои палаты, но ты сам,

незванный, пришел в них.

Он раздул едва тлевший посреди лачуги уголек.

Вспыхнул костер, и тут только Вадим мог разглядеть внутренность странного жилища. Со всех сторон глядели на него, разинув беззубые челюсти, человеческие черепа.

В одном углу бился черный, как смоль, слепой ворон.

Пол лачуги кишел ужами, ящерицами. Вадим едва смог подавить в себе чувство гадливости, но, взглянув на Мала, он вдруг удивился.

Перед ним был вовсе не дряхлый, сторбленный старик. Стан кудесника выпрямился, клюка валялась далеко от него. Он казался сразу помолодевшим на много-много лет.

– Ты хотел знать свое грядущее, я покажу тебе его, не страшись только, – громко проговорил он.

6. ЗАВЕСА ГРЯДУЩЕГО

«Грядущего годы таятся во мгле...»
А.С.Пушкин

У Вадима вдруг закружилась голова от внезапно распространившегося по лачуге одуряющего запаха какой-то едкой травы. Огонь в костре разом вспыхнул. Повалил из него густой дым, который сперва тянулся по потолку, а потом, не находя себе выхода, наполнил всю лачугу. Наконец, дым спустился так, что окутал собой совершенно фигуру болгарского кудесника. Теперь Вадим перестал совсем различать окружающее. Слепой ворон отчаянно захлопал крыльями, мечась из угла в угол.

Юноше показалось, что земляной пол лачужки уходит у него из-под ног и сам он проваливается в какую-то бездну. Он широко взмахнул руками, как бы ища точку опоры, и почувствовал, что схватился за чью-то горячую руку.

– Смотри, – раздался у него над самым ухом голос старого кудесника.

Точно какая-то завеса упала разом, и перед Вадимом открылась страшная картина.

Обширное поле, все сплошь устланное трупами.

Куда ни взглядывал юноша, всюду была кровь и кровь.

Видны были похожие по костюму на славян ильменские ратники. Кто обезглавлен, у кого из широких ран на груди бьет горячая кровь, некоторые только ранены; одни вздрагивают еще в предсмертной агонии, другие корчатся в страшных муках, а над полем так и реют, так и реют хищные птицы.

Вдали видно зарево разгорающегося пожара.

Что это? Местность, как будто, Вадиму очень знакомая, много-много раз виденная.

Юноша напряженно стал вглядываться в открывавшуюся перед ним картину, стараясь припомнить, где он видел ее.

Нет, такую, разоренную, опустошенную, он эту местность никогда не видел, а напротив, видел цветущею, веселою.

Вадим узнал, наконец, и это покрытое трупами поле, и эти останки погорелого селенья.

Это – его родные места! Вот и бесконечная гладь Ильменя чернеет сквозь просвет просеки.

Но кто же пришел на нее войной, кто выжег цветущее селение Володислава, кто усеял это поле трупами?

– Старик, старик, покажи мне виновника этого, – судорожно сжимая руку Мала, прошептал Вадим.

– погоди, сейчас увидишь, – отвечал кудесник, – смотри внимательно, он немедленно явится пред твоими очами!

Густой клуб дыма застлал и поле, покрытое трупами, и останки сгоревшего селенья.

Когда дым несколько рассеялся, Вадиму представилось новое видение.

То же поле, но только с другой стороны. Зарева пожара не видно, только тела убитых навалены грудой. В этом месте, очевидно, происходила самая жаркая сеча. Видит Вадим, что здесь не все еще умерли, есть и живые, и вот один, лежавший дотоле неподвижно, человек с широкой зияющей раной на груди, приподнялся и мутным взором обвел вокруг все поля, как бы умоляя о пощаде.

Вадим взгляделся в него и вдруг задрожал.

В этом несчастном, оставленном на поле битвы, он узнал самого себя! Неужели такая участь ждет его? Неужели он именно так погибнет, не успев отомстить врагам?

Еще пристальнее, еще напряженнее стал вглядываться юноша в эту рисовавшуюся в дыму картину, и вдруг его внимание было привлечено как бы отдаленным лязгом оружия, доносившимся до его слуха. Он видел, как беспомощный двойник его тоже повернул свою окровавленную голову в том направлении, откуда доносился звон.

По полю шли несколько закованных с ног до головы в железо людей.

Такое вооружение Вадим видел и раньше, поэтому легко узнал в этих людях грозных норманнов. Один из них, шедший впереди, высокий, рослый и богато вооруженный, судя по тому почтению, с которым относились к нему остальные, – главный начальник, повернулся, и Вадим узнал в нем своего заклятого врага, Избора.

– Вот виновник всего, всего и твоей гибели, – раздался прямо над ухом его шепот Ма-

ла.

– Так никуда же не уйдет он от меня! – громко воскликнул обезумевший юноша и, вырвавшись из рук кудесника, кинулся вперед, на своего воображаемого врага.

Дым разом охватил его. У юноши подкосились ноги, и он без чувств рухнул на пол лачуги.

Очнулся Вадим уже на свежем воздухе. Утро совсем наступило. Солнце ярко сияло на небе, кидая с небесной выси свои золотые лучи на лесную прогалину.

Легкий ветерок с приятным шелестом пробегал по деревьям, разнося повсюду утреннюю прохладу.

Юноша с усилием поднял голову – она была тяжела и нестерпимо болела, как после сильного угара, в висках жгло, в глазах ходили зеленые круги, все тело было как будто свинцом налито.

– Что со мной? Где я? – прошептал Вадим и огляделся вокруг.

Невдалеке от него стоял, опершись о клюку, кудесник Мал.

– О! – простонал старейшинский сын. – За-

чем, зачем ты, кудесник, показал мне все это?
К чему лишние муки, лишние страдания?

– Ты сам пожелал, сам и вини себя, – коротко ответил Мал, – я не мог ничего изменить.

– Неужели же я кончу так, как видел это в дыму?

– Такова воля богов!

– Нет, нет, не хочу. Я не за тем к тебе пришел, чтобы смущать себя разными твоими колдовствами, слышишь, не затем. Ты должен был заговорить мне нож на моего врага! Исполнил ли ты это?

– Увы, нет.

– Как, старик! – вскричал в неистовстве Вадим. – Презренный обманщик. Как ты смел послушаться меня?

– Я повинуюсь только высшей силе, человеческая же для меня ничто, – совершенно спокойно сказал Мал, – ты мне приказывать не можешь!

– Так я заставлю тебя, иначе ты не доживешь до того времени, когда тень этой сосны прямо падет на землю.

– Попробуй!

Вадим, забыв себя от бешенства, кинулся

было на старика, но вдруг точно какая-то неведомая сила оттолкнула его назад. Мал стоял спокойный и недвижимый, только взгляд его живых пронизательных глаз был устремлен на старейшинского сына. В этом взгляде было что-то, что заставило Вадима опомниться и в бессилии опустить руки.

Так прошло какое-то время.

– Что же ты, гордый старейшинский сын, не заставляешь старого Мала выполнять твои приказания? – заговорил, наконец, кудесник. – Чего ты испугался? Начинай. Видишь, здесь никого нет, кроме нас двоих. Ты можешь быть уверен, что за смерть старого Мала отомстить будет некому.

– Прости! – чуть не с рыданиями вымолвил Вадим.

– Теперь ты чувствуешь, что не все в воле человека и не везде поможет сила. Знай же, есть и нечто другое, более могущественное, чем сила богатырей. Это таинственная сила, немногие владеют ею, и я в числе этих немногих.

– Отец, отец, молю тебя, исполни, что прошу, – упал Вадим на колена перед Малом, – за-

говори мне нож, я увидел свое будущее и уверен, что если я уничтожу врага, то не погибну так, как видел это там.

Мал отрицательно покачал головой.

– Я уже сказал тебе, юноша, что есть иная, таинственная сила, против которой не человеку бороться. Избранники ее всегда останутся целы и невредимы. Ничего не может повредить им. Твой враг принадлежит к их числу. Напрасно я пытался исполнить твою просьбу – нет, мои чары бессильны. Я не могу заговорить твой нож на Избора, его бережет сама судьба!

– Так нет же! – вскочил на ноги Вадим. – Я и без заговоров сумею обойтись! Напрасно я послушался лживых советов и обратился к тебе, жалкий старик, ничему из твоих волхваний не верю я, слышишь, не верю, и ты, может быть, скоро услышишь, что твой избранник судьбы будет лежать бездыханным у моих ног.

Он быстро вскочил на отдохнувшего коня и, кинув злобный взгляд на Мала, стрелой умчался с лесной прогалины.

Старый кудесник, глядя ему вслед, качал

головой.

7. НА ВАРЯЖКЕ

Лихой конь быстро вынес Вадима из чащи и, чувствуя, что его всадник бросил повод, помчался вперед по едва заметной тропинке.

Вадим совсем не замечал, куда несет его конь. В сердце его кипели злоба, отчаяние, ужас за будущее.

То, что он видел в избушке чаровника Мала, казалось ему невероятным. Ему в первую минуту пришла мысль, что все это ужасный, тяжелый сон, но и эта мысль нисколько не успокоила юношу: совсем независимо от самого себя, от своего сознания, Вадим в глубине души все-таки верил этому сну.

А лихой конь мчался во весь опор. Среди деревьев показался просвет. Еще несколько мгновений, и чаща осталась позади. Тут только Вадим пришел в себя.

Юноша огляделся вокруг. Позади шумел и покачивал своими зелеными макушками дремучий лес, а впереди, совсем близко расстилалась гладь великого озера славянского — Ильменя.

Почувствовав свободу, конь понес старейшинского сына в сторону, совсем противоположную той, с которой въехал в лес Вадим, отыскивая логовище болгарского кудесника.

Ильмень был довольно спокоен. Изредка всплескивались на его все-таки покрытой рябью поверхности зеленые гребешки, но он показался Вадиму таким необъятно великим, что юноша невольно пришел в отчаяние.

Действительно, положение его стало тяжелым. Нечего было и думать вернуться обратно в лес, потеряна была тропа, да и сторона эта была совсем незнакома старейшинскому сыну.

Он рисковал заблудиться, если бы решил отыскивать дорогу обратно через лес. Ехать вдоль озера со стороны Новгорода было неудобно – мешали деревья, подступавшие к самой воде. Оставалось одно: объезжать Ильмень с противоположной стороны, то есть воспользоваться путем долгим, но достаточно легким.

А между тем, Вадим чувствовал, что силы его были на исходе. Голова страшно кружилась, в висках стучало, он едва держался на

ногах.

«Что же, погибать, что ли?» – промелькнула страшная мысль, и Вадим почувствовал, что его всего обдало холодом.

Мысли путались в голове юноши, как будто какой-то туман окутывал его. Вдруг что-то как будто ударило его в темя; Вадим почувствовал, что ему не хватает дыхания, покачнулся и тяжело рухнул с коня на расстилавшийся у его ног зеленый ковер травы.

Солнце ярко светило с безоблачного неба.

Когда Вадим несколько пришел в себя, он смутно расслышал совсем близко шум голосов. Много людей говорило разом. Слышались смех, брань, бряцанье железа, лай псов. Порой среди хаоса звуков вдруг прорывалась звонкая веселая песня.

«Где я? Что со мной?» – подумал Вадим и попробовал открыть глаза. Но веки его были необыкновенно тяжелы, а во всем теле чувствовалась гнетущая вялость.

– Лежи, лежи уж, – послышался над ним грубый мужской голос, – отлежишься, сам встанешь.

– Да не голоден ли он? – раздался другой го-

лос.

– А, вот, встанет, тогда и накормим.

Вадим сделал над собой усилие и открыл глаза:

– Пить, – простонал он чуть слышно.

Несколько рук тотчас потянулось к нему с ковшами, полными холодной чистой воды.

– Где я? – прошептал Вадим, утолив жажду и приподнимаясь на локтях.

С удивлением огляделся он вокруг. Впереди, как и перед тем, когда он потерял сознание, расстилалась неоглядная ширь Ильменя. Только вокруг него теперь суетились и копошились люди. Все они были молоды, крепки, сильны. Одежды их были в лохмотьях, лица загорелые, зато каждый имел оружие, какое и в Новгороде являлось редкостью: тяжелые секиры, мечи, луки с полными стрел колчанами виднелись у всех. Очевидно, это оружие не новгородское, а выменянное у заезжих норманнов.

Вадим заметил, что находится на отлогом берегу неширокой, но быстрой речки. На песке разложены были рыболовные снасти, у шалашей дымились костры, на которых что-

то варились в огромных, самодельной работы посудилах.

«Да где же это я? Неужели на Варяжке?» – уже про себя подумал Вадим и тут же убедился, что он находится именно среди тех, кого глубоко ненавидел и презирал, – среди славянских варягов.

Он вспомнил, что упал с коня где-то там, у дубравы, и понял, что истома, волнение, усталость, перенесенный в избушке Мала ужас, так повлияли на него, что он вторично за это утро потерял сознание.

Теперь страх снова овладел Вадимом. Он действительно находился на Варяжке. Юноше было известно, что здесь очень и очень недолюбливали его род.

– А мы думали, было, что ты и не отдышишься, – громко смеясь неизвестно чему, проговорил рослый варяг, принимая из рук Вадима ковш. – Пласт-пластом лежал ты.

Говоривший указал в ту сторону, где чернел дремучий лес, в глубине которого жил болгарский кудесник.

– Ты как попал-то туда? Не из здешних ведь сам! Почитай, к нашему Малу колдовать

ездил? – посыпались со всех сторон вопросы.

– Нет, так просто, в лесу заблудился, – неизвестно для чего скрыл истинную причину своего появления здесь Вадим.

– А то много новгородских к Малу ездят! А ты также из Нова-города?

– Нет! Не новгородский я!

– Так из какого же рода?

Эти расспросы были Вадиму очень неприятны, но на этот раз он не счел нужным скрывать и ответил прямо:

– Из Володиславова!

И тотчас же раскаялся в своей откровенности.

Лишь только он назвал свой род, как среди окружавших его молодцов послышались далеко не дружелюбные выкрики.

– Из Володиславова? – покачал головой говоривший с Вадимом варяг. – Не любят нас в этом роду! Сильно не любят! Что только мы им такое сделали? Своих не трогаем, а так бы нас, кажется, со света и сжили ваши.

– Не знаю я. Я ничего, – пролепетал не на шутку перепугавшийся Вадим, – мне вы не мешаете.

– А уж кабы мы знали, что он из Володиславовых, так и подбирать бы не стали, – довольно громко сказали двое молодцов, в которых Вадим по этому признал принесших его на Варяжку рыболовов.

– Мы вот здесь живем мирно, – продолжал первый варяг, – ловим рыбу, зверя бьем, а что мы ушли из родов ваших, так до этого никому дела нет. Мы все сами по себе. Здесь поживем, соберется ватага, и уйдем мы за Нево, к северным людям, вот у вас и спокойно будет.

– Добрые люди, окажите мне милость, – перебил говорившего Вадим, – не держите меня здесь, перевезите через Ильмень к родичам!

– Нет, и не проси об этом! – слышались голоса. – Вон какие тучи над Ильменем собираются, гроза будет.

Вадим в изнеможении снова опустился на землю.

Он ушел тайком и предчувствовал, какой переполох может произвести в доме отца его исчезновение.

Старейшинский сын в эту минуту забыл и о мрачном предсказании Мала, и о собственной слабости.

– Как, неужели же никого не найдется среди вас, кто бы перевез меня? – с отчаянием в голосе воскликнул он, оглядывая мрачные лица варягов, окружавших его плотной стеной.

– Если угодно, княжич, так я могу услужить тебе, – раздался вдруг звучный голос.

Говоривший был статный юноша. Все отличительные черты славянского племени ясно в нем выразились. Густые русые волосы рассыпались по богатырским плечам. Смуглое от загара лицо с голубыми, как летнее небо, глазами, смотревшими кротко, добродушно, но вместе с тем несколько хитро, обрамляла небольшая, также русая борода с мягкими, как шелк волосами.

Он был очень молод, но физическая мощь так и сказывалась во всей его крупной, богатырской фигуре. Мускулы на его руках так и вздувались при каждом напряжении, а через весь лоб проходила синяя жила, ясно видная даже под загаром.

Одет он был неряшливо: прямо на рубаху накинута шкура козы, ноги обернуты также в кожу. Очевидно, этому юноше, как большин-

ству наших предков, некогда было заботиться о своей внешности. Главной красотой его были здоровье, мощь, легкость, а до всего остального ему не было вовсе никакого дела. Казалось даже, что и мылся-то он еще всего один раз в жизни.

– Избор! – воскликнул чуть не с ужасом Вадим.

– Да, я, княжич, неужели ты боишься мне довериться?

– Нет, нет, я готов идти с тобой! – теперь уже с радостью воскликнул Вадим. – Пойдем. Я вполне готов идти.

– Но ведь это сын Володислава! – угрожающим тоном произнес один из варягов. – Оставь его, Избор, не стоит он того, чтобы ты ради него не щадил своей жизни. Гляди, какие тучи на небе.

– Ничего, я знаю Ильмень! – возразил ему Избор. – Я не боюсь грозы!

Он сам спешил на тот берег Ильменя, в надежде повидать свою возлюбленную.

Никакое мрачное предчувствие не шевельнулось в его душе.

Он знал, что Вадим не особенно располо-

жен к нему, но все-таки был далек от мысли, что оказывает услугу своему заклятому врагу.

8. В ОБЪЯТИЯХ СМЕРТИ

Необъятной водной пустыней раскинулся среди своих низких берегов старый Ильмень. С середины его зоркий глаз еще кое-как заметит далеко-далеко на горизонте тоненькую черточку – берег, но с одного края на другой ничего не видно. Плещут только мутные валы с зеленоватыми гребешками, и постоянно плещут – бурливее Ильменя и озера, пожалуй, нет.

Так, по крайней мере, думали в то время.

Действительно, морем казался местным славянам их старый Ильмень – он ведь и тогда был таким же старым, как и сама земля. Залег он в низкие свои берега, среди лесов дремучих, залег и бурлит день и ночь, пока суровый мороз не наложит на него свои ледяные оковы. И тогда он, особенно ближе к весне, нет-нет, да и разбушует. Недаром не одни только реки да речонки в него свои воды несут, есть и подземные ключи, что славное озеро славянское питают. Напоят они его сво-

ей водой досыта, почувет старик свою силу, встрепенется, взломает лед; но хитер и силен мороз, не дает до весны разгуляться ему, снова сокрушит его порыв могучий и уложит силу молодецкую под покров ледяной.

А как подойдет весна-красна – ну, тут уже никому не справиться с Ильменем-молодцом. Разбушуется он, разбурлится, переломает лед рыхлый и снова, как феникс из пепла, встанет грозный, величавый, могучий.

Страшен Ильмень в бурю.

Нет почти у него высоких берегов. Нечему защитить его от порыва ветра. Весь он, как на ладони. Ветру – гуляй не хочу.

И ветер гуляет.

Налетит – разом зеленоватыми гребешками вся поверхность Ильменя покроется, валы, один другого выше, так и вздымаются и брызжут пеной, со дна же песок, трава так и поднимаются, потому что не глубок Ильмень и волны легко песок на поверхность выносят.

Горе неопытному пловцу, что в бурю рискнет на озеро выйти. Не миновать ему гибели. Где же слабому человеку с разъяренной стихией справиться! Закрутят его валы грозные,

опрокинут утлое суденышко, захлещут его водой – нет спасения.

Вот и теперь нависли над Ильменем тучи черные, грозовые, низко совсем плывут они по поднебесью.

День они затуманили, солнце скрыли. Однако все кругом тихо, зловеще тихо. Даже Ильмень сам затаился, как будто готовится к нападению грозного, могучего врага, с которым вот-вот в бой вступить придется. Только все больше и больше зеленоватых гребешков на его поверхности взбивается.

Зеленеет старик от злости, что ли?

Но что это за едва заметная точка среди озера чернеется?

Ведь она как будто даже движется? Уж не челнок ли какой спешит к берегу до бури добраться?

Так и есть – челнок. Двое смельчаков на нем. Это Вадим и варяг Избор.

Их челнок, на котором они осмелились выйти в озеро, был самой первобытной конструкции – просто выдолбленный и обожженный потом ствол гигантского дуба. Однако это неуклюжее судно все-таки легко скользи-

ло по поверхности все еще зловеще-спокойного Ильменя. Оба пловца с тревогой посматривали на покрывавшееся тучами небо.

– Не уйти до бури, – произнес, наконец, один из них, сидевший на корме челнока. – Сейчас поднимется ветер.

– Почему знать, Вадим, – отозвался другой, – теперь и до берега недалеко, как-нибудь да доберемся.

– Нет, Избор, смотри.

Как раз в эту минуту налетел шквал. Ильмень как будто только этого и ждал. Сразу загуляли по нему валы, догоняя друг друга. Сильный порыв ветра рассеял было тучи, но потом они снова сомкнулись – и стало над озером еще мрачнее и темнее.

– Держись! – крикнул опять Вадим.

Новый шквал, за ним другой, третий. И вдруг со всей своей страшной силой заревела буря.

Один другого выше вздымаются валы. Челнок то с быстротой молнии взлетает на самый гребень их, то опять опускается в водную бездну. Нечего и думать о сопротивлении разбушевавшейся водной стихии, у поги-

бающих и не мелькала даже мысль о спасении, они только старались отдалить страшную минуту, нисколько не сомневаясь, что сама по себе она близка и неизбежна.

Несмотря на весь ужас положения, злобно по-прежнему глядит на Избора старейшинский сын. Его черные глаза так и мечут молнии.

Он как будто позабыл о грозившей опасности и только и думает, что о своем враге. Вспоминается ему предсказание Мала.

– Князь Вадим, – прервало размышления молодого человека радостное восклицание Избора, – гляди, берег близко!

– Где? – быстро поднялся с сиденья на корме Вадим. Действительно, совсем близко от них, за валунами, виднелся окутанный туманом берег. Слышен были даже шум деревьев в дубраве.

– Слава Перуну! – воскликнул снова Избор и вдруг громко, тревожно закричал: – Держи челнок!

Не успел Вадим осознать всей грозившей им опасности, как громадный вал, что легкое перышко, поднял челнок сбоку, ударил в его

борт, и вслед за тем среди рева бури раздались два отчаянных крика.

Опрокинутый челнок понесся к берегу.

Он был пуст.

9. СТАРЫЙ НОРМАНН

На берегу Ильменя, недалеко от того места, где из него вытекает Волхов, на много-много верст кругом раскинулась заповеданная жрецами роща.

Вековые могучие дубы, прямые, как стрелы, сосны, раскидистые ели разрослись в ней на свободе. Рука человека не касалась их, а своих ли постоянных обитателей – легкой векши, хитрой лисицы, неуклюжего медведя – страшиться дремучему бору?

А человек, это самое слабое и вместе с тем самое могущественное из созданий, сюда, в эту глушь, зайти не решится.

Свято хранят свои тайны служители Перуна, не допустят они сюда, в эту рощу, грозному богу посвященную, ни князя родового, ни воина славного, ни человека простого.

Нет никому доступа в заповеданную ими рощу – кто бы ни был он, люта́я смерть ждет

ослушника. Грозен Перун, требует крови он человеческой, и горе тому роду или племени, которое призыва жрецов не послушает и назначенную жертву не выдаст.

Вот у самого истока Волхова, на холме высоко стоит идол грозного бога. Из дерева истукан сделан, и сделан-то как! Грубо, неуклюже, и подобия человеческого не узнать в нем, а чтят его все славяне приильменские, и свято чтят – высшим из богов его считают, и за всякое свое прегрешение кары тяжелой от него ждут.

Когда появился этот истукан на холме, никто не помнит.

А служители Перуна молчат, ни одним словом не обмолвятся, только для жертвоприношений время от времени созывают они народ славянский и пред истуканом приносят свои кровавые жертвы.

Но Перун велик и ужасен только для славян.

Только они одни почитают своего грозного бога, страшатся проникнуть в заповеданную рощу, подойти без разрешения его служителей к холму, на котором высится его истукан.

В самой глуши рощи, на берегу шумящего бурного Ильменя, в чаще, куда и жрецы Перуна не заходят, поселился человек.

Лесные великаны сплелись своими могучими ветвями над его шалашом, их листва совсем закрывает убежище смельчака, кругом высокая трава по пояс, не кошенная веками, также скрывает его в те моменты, когда он выходит на вольный воздух.

Стар с виду этот одинокий обитатель заповедной рощи. Высок он ростом, широк в плечах, лицо его, посеревшее от палящего зноя и холодных ветров, покрыто глубокими шрамами, длинные седые усы как бы двумя змеями свешиваются на богатырскую грудь, а серые глаза смотрят весело и задорно.

Лишь только над Ильменем разразилась буря, старик вышел из своего шалаша. Мрачно и тихо в лесу.

Там где-то грохочут, далеко-далеко, несмолкаемые раскаты грома, разрывает покрытое черными тучами небо молниями, воет без усталости ветер, а здесь же все спокойно.

Птички только приумолкли да попрятались в гущину листвы, а лесные великаны

при каждом новом порыве ветра только слегка покачивают своими зелеными макушками, не пропуская вниз на землю крупных капель ливня.

В эту бурю странный обитатель заповеданной роци чувствовал себя гораздо безопаснее, чем в самый яркий летний день. В бурю сюда не забредет никто. Там, на Перуне, жрецы заняты у своего истукана и им не до того вовсе, чтобы забираться в эту глушь, а никто другой, кроме жрецов, сюда и шагу не сделает.

Старик, продравшись сквозь чащу сросшихся кустов, выбрался на самый берег разбушевавшегося озера.

Стоит он и смотрит в покрытую пенящимися волнами водную даль. С наслаждением вдыхает полной грудью сырой воздух, прислушивается к раскатам грома, с блаженной улыбкой смотрит на прорезывающую тучи молнию, и вспоминается старику другая, более близкая, более дорогая сердцу картина.

– Войте ветры, грохочи ты без умолку, грозный Тор, старый викинг не раз лицом к лицу, грудь с грудью встречался с вами! – восклик-

нул он наконец. – Знаю я вас, много, много я видел вас на своем веку и не на такой жалкой лужице, а в грозном, могучем море. Сколько я раз с моими викингами ходил в набеги, – знает про тот меч норманнский и далекая Британия. Короли франков дрожат перед нами. Нет никого равного по силе и храбрости сынам светлого Одина. Сама смерть для них не страшна. Ждет их светлая Валгалла, убежище храбрых.

Старик скрестил могучие руки, поник головою на грудь и, глядя на разбушевавшееся озеро, снова заговорил сам с собой:

– Думал ли старый Рулав, что ему, храброму витязю, придется на склоне своих дней скрываться в земле этих трусливых, шума битвы не слыжавших народцев, знающих не меч, а песни? Видно, недостоин я светлой Валгаллы, видно, прогневал Одина. Но нет, я спас свою жизнь не для того, чтобы умереть здесь, в этой лесной глуши! Нет, старый Рулав услышит еще шум кровавой битвы, победный крик товарищей, много еще врагов уложит его секира, надо только выбраться из этих проклятых лесов. Но как выбраться? Од-

ному? Да и пока доберусь я до родимых фьордов, много раз меня убить могут, остается только ждать счастливого случая.

Старый норманн погрузился в глубокую думу.

Вдруг он приподнял голову, весь выпрямился и напряженно устремил свой взор на озеро. Отчаянный человеческий крик, смешавшись с ревом бури, дико прозвучал и тотчас же замолк, заглушённый воем ветра.

Рулав отскочил назад и скрылся в чаще прибрежного кустарника.

Прошло немного времени; норманн, не покидая своего поста, продолжал следить за озером. С шумом обрушился и расхлестнулся по прибрежному песку один, другой, третий вал, рассыпался и откатил назад, оставив на отмели два человеческих тела.

«Э-э, да я, кажется, знаю этих молодчиков, – подумал Рулав, – этот высокий, черный, кажется, сын родового старейшины, Вадим, а другой, который его, как милого друга, в своих могучих объятиях держит – Избор с Варяжки. Так и есть. Как он попал сюда?»

Снова налетел вал и обдал обоих молодых

людей, лежавших на отмели, своими брызгами.

«Живы они или нет? – думал Рулав. – Жаль и того, и другого, оба молодцы, особенно этот Избор. Он мне давно уже нравится, этот мальчик. Будь он в наших дружинах, давно бы уже близким лицом к хёвдингу стал, а здесь что он? Все на него смотрят с пренебрежением. Варяг он и только».

Рулав вышел из своей засады и, осторожно ступая по мокрому песку, подошел к лежавшим без движения юношам.

– Вот как схватились, – бормотал он, – Избор этого княжича держит так, что и живому не удержать. Вот молодец!

Налетевший пенистый вал заставил старого норманна несколько отступить назад.

– Что же с ними делать, – рассуждал Рулав, – опять в озеро спустить, что ли? Ведь если здесь их тела найдут, то и до моего шалаша доберутся. Мне тогда несдобровать. Ищут эти проклятые жрецы меня. Жизнь им моя понадобилась. Вот какие. Старого норманна в жертву Перуну принести хотели, да нет, не из тех я, так я в руки не дамся. Родился свобод-

ным и в Валгаллу не рабом войду!

Говоря это, Рулав не спускал глаз с юношей. Он попеременно, как бы сравнивая их, взглядывал то на одного, то на другого. На Изборе глаза его останавливались чаще, чем на Вадиме. Старика привлекали могучие формы юноши, державшего в крепких объятиях своего товарища по несчастью.

– Ну, довольно, однако, – воскликнул Рулав, – ступайте, откуда пришли, пусть вас Ильмень вынесет в другое место, где найдут вас ваши родичи, а здесь вы только мне мешаете.

Он поднял было тело Избора, но в то же мгновение опустил его на песок.

Из крепко сжатых губ юноши вырвался слабый стон, ресницы зашевелились, губы задергались нервно.

– Жив, – проговорил норманн, – он жив. Нет, не решусь я в таком положении поднять руку на слабого, беззащитного. Норманны с беззащитными не воюют. Но как же быть? Ведь они могут выдать меня? Ну, да будь, что будет. Из-за Вадима я стараться не стал бы. Знаю я их, этих старейшинских сыновей. Ес-

ли бы он один был, не задумался бы я его назад в озеро спустить, Избора жалко. Ради него только и оттащу их, а там пусть что угодно с ними случится.

Рулав, напрягая все силы, отволок по отмели тела обоих юношей и положил их на такое место, куда не достигал прибой.

Потом он, еще раз взглянув на Избора, поспешно скрылся в гуще кустарника.

10. МИЛОСТЬ НЕВЕДОМОГО БОГА

«Просите и дастся вам».
Св. Евангелие

Разразившаяся внезапно буря так же внезапно и стихла.

Ветер перестал завывать, рваные тучи быстро уплыли вдаль, выглянуло солнышко и залило ярким, веселым светом и успокоившееся озеро, и прибрежный кустарник заповеданной рощи.

Роща в мгновение оживилась и наполнилась массой звуков. Затрещали в воздухе стрекозы, защебетали выпорхнувшие из густой листвы птички, дятел принялся за свою

бесконечную работу, словом, все как будто воскресло, ожило; только два тела, оттащенные Рулавом в кучу кустарников, по-прежнему были неподвижны.

Уж не ошибся ли старый норманн, заметив признаки жизни в Изборе? Может быть, огляделись его старые очи? Не ослышался ли он, приняв слабое завывание ветра за стон, вырвавшийся из груди юноши?

Нет, не ошибся он. Ни очи, ни слух не изменили еще старику.

Всем телом вздрогнул вдруг Избор и открыл глаза. Первые мгновенья юноша не мог даже сообразить: где он находится? жив ли он или на другой замогильный мир смотрят его очи? Как странно кружится у него голова: какая тяжесть чувствуется во всем теле.

Нет, он жив, кругом все знакомые места – вот плещет Ильмень в своих низких берегах, вот и чайки носятся над его успокоившейся поверхностью.

Жив, слава Перуну!

Взор Избора остановился на безжизненном теле его товарища. Новая забота! Старейшинский сын доверился ему, не побоялся

вместе с ним пуститься в челноке по бурному озеру, и вдруг теперь он мертв. Что скажет его род? Что скажет старик-отец Вадима? Никто из них не поверить, что Избор сделал все, что мог, только бы спасти Вадима от неминуемой смерти. Погибая сам в волнах разбушевавшегося Ильменя, он, захлебываясь мутной, грязной водой, нырнул вслед за опускавшимся на дно Вадимом, поймал его, лишившегося уже чувств, крепко-крепко схватил и не выпустил из своих могучих объятий даже тогда, когда и сам потерял сознание.

Никто не поверит этому. Вот он – труп Вадима.

Но, может быть, он еще жив? Может быть, и он только потерял сознание и еще можно его вернуть к жизни?

Эта мысль озарила Избора, придала ему силы и заставила забыть свою собственную слабость. Он быстро вскочил на ноги, наклонился над Вадимом и, поспешно разорвав одежду на груди, приник ухом к сердцу. Прошло несколько томительных минут. Как ни чуток был Избор, как ни привык он различать каждый шорох, биения сердца все-таки

не было слышно.

Он уже стал терять надежду.

Что про него подумают, что скажут про него, когда он вернется один и передаст в род Володиславов страшную весть о гибели единственного сына родового старейшины? Как будет убиваться его старуха-мать!

Да и никто не поверить, что он, спасшись сам, не мог спасти товарища, которого сам же вызвался перевезти через озеро.

Не поверят, скажут, что бросил Избор Вадима на погибель.

Он ли не старался? Ведь он вплоть до последней минуты не выпускал его. Только уже на суше разжались его руки, но поверит ли этому кто?

Неужели на всю свою жизнь оставаться опозоренным? И как он решился, зная седой, грозный Ильмень, пуститься по нему перед бурей?

Избор с тоской взглянул на распростертое тело старейшинского сына. Он уже не сомневался, что Вадим мертв и, придя к этому убеждению, в первый раз огляделся вокруг.

Где это он? Да никак он в заповеданной ро-

ще, в роще, посвященной громовержцу Перуну!

Так и есть. Как же они сюда попали? Ведь каждому, кто в эту священную рощу ступит, смерть грозит. Горе дерзкому! Служители Перуна такого поругания их святых не допустят. Ничья нога по священному лесу ступать не должна, иначе разгневаается грозный бог и наслет страшные бедствия на все племена славянские.

Потому так строго и охраняют служители Перуна священную рощу.

А что такое Перун-то, в самом деле?

Знает Избор, что у норманнов не Перун во все, а Один. Он куда могущественнее славянского бога. А то вот еще что рассказывали: есть народы, которые в невидимого Бога веруют. Сходил на землю Единый Сын этого Бога. Он совсем не то, что Перун, или Один, заповедал любить всех. Он наказывал и за каждое зло добром платить. А как это сделать? Нельзя этого совсем. Меня обидели, и я за это отомстить должен; на мести весь свет держится; дай только обидчикам волю, житья от них не будет, кто сильнее, тот и прав. А Тот Единый

Сын невидимого бога убить себя сам дал злым людям; и когда Его эти злые убивали, свою смерть им простил.

Добрый Он, кроткий, говорят, был, никого никогда не обидел. Одним словом своим мертвых воскрешал, а славянский Перун этого сделать не может.

Разве попросить Его, чтобы вот он теперь в беде помог? Про воскресших по Его слову мертвых верные люди сказывали. Быть может, Он Избору и окажет милость свою.

Долго задумываться Избор не любил.

– Единый Сын Невидимого Бога! – воскликнул он, опустясь около Вадима на колени. – Я слышал о Тебе, Ты был добр и милостив, окажи теперь милость свою бедному варягу. Говорят, что Ты велел прощать обиды врагам своим; обещаю Тебе простить зло врагу моему заклятому, сделай только, чтобы Вадим, сын старейшины, воскрес!

В благоговейном ожидании поник молодой варяг головою. Он ждал чуда и в то же время сомневался в нем.

Вдруг он выпрямился, глаза его широко раскрылись от изумления, он глядел на Вади-

ма и не верил себе.

Потом он жадно приник к левой стороне его груди.

Казалось ему, что Единый Сын невидимого Избору Бога совершил чудо. Молодой варяг ясно слышал, как билось сердце старейшинского сына.

11. ВЕРОЛОМСТВО

«Бойся друзей, а враги не страшны».
Поговорка

Вадим находился в глубоком обмороке. Он долго еще приходил в себя, но теперь Избор был счастлив. Возвращение к жизни старейшинского сына снимало с него всякое подозрение. Он мог смело явиться в селение, мог прямо глядеть всем в глаза, не боясь никакого укора.

Юноша приписывал случившееся исключительно Тому Богу добра и прощения, к которому прибегнул в своем несчастье.

«Верь мне, Сын невидимого Бога, я сдержу свой обет, – думал он, с восторгом глядя в небо. – Я знаю теперь, что Ты сильнее, мило-

стивее нашего Перуна, и если бы я был тогда, когда Тебя убивали злые люди, я бы сумел заступиться за Тебя».

Потом он занялся Вадимом и, что было силы, стал растирать его закованные члены. Труды его увенчались успехом. Вадим скоро открыл глаза. Однако он был настолько слаб, что идти еще не мог.

– А ведь придется переночевать здесь, куда же тебе идти? – заметил Избор, передавая ему все подробности их почти чудесного спасения из бездны бушующего Ильменя.

Вадим слушал его рассеянно; казалось, преданность Избора его нисколько не тронула. Он даже позабыл поблагодарить его за свое спасение. Только последние слова несколько расшевелили его.

– Как, здесь оставаться? – воскликнул он.

– А то что же?

– Но ведь ты знаешь, какое это место?

– Знаю, да только жрецы Перуна пока здесь нас не найдут, а ты тем временем оправишься, и мы благополучно выберемся отсюда.

– Нет, нет, этого нельзя, никак нельзя.

– Да почему же? Ведь я же тебе говорю: мы спрячемся так, что никто нас не увидит здесь.

– Да ты знаешь ли, почему это место так строго охраняется? Знаешь ли, почему этот лес считается заповеданным?

– Нет, не знаю. А почему?

– Этот лес – жилище страшного волхва.

– Я что-то слышал про него, – задумчиво произнес Избор, – но что именно – не помню теперь, пожалуй.

– Много-много лет тому назад, еще мой покойный дед совсем мальчиком был. Он мне о волхве и рассказывал. Поселился в этом лесу волхв, разные чудеса он делал: и зверем лесным, и птицей оборачивался; колдовал он сперва, а потом всех, кого в лесу ни находил, пожирал. В бурю на самой легкой ладье на Ильмень он спускался, и все, кого он в бурю на Ильмене заставлял, его добычей делались. Много страху он на окрестные роды нагнал – все его боялись и в реку из Ильменя идти не смели. Вот и поставили наши жрецы фигуру Перуна на холме; с тех пор волхв удалился от истока реки и поселился где-то здесь, в лесу.

– Что же, он и теперь жив? – перебил Вади-

ма Избор.

– Говорят, и теперь. Многие, особенно в бую, видали, что иногда вот около этого места над лесом заметен дым. Сидит, верно, проклятый, и жертв своих ждет.

– Так его ты и боишься?

– Я ничего не боюсь. Страх мне неизвестен, – хвастливо сказал Вадим. – Только все-таки я здесь не останусь.

– Твое дело! Но как же мы выберемся отсюда?

– Придумай, как. Ты эти места лучше меня знаешь. Только бы поскорее уйти отсюда.

– Но ты совсем идти не можешь!

– Нет, я пойду, я ничего, – попробовал было приподняться Вадим, но тотчас же, обессиленный, опустился на траву.

Тут сказались и слабость, и перенесенное волнение.

– Вот видишь, куда же ты пойдешь? – сказал Избор. – Останемся здесь пока до вечера, а волхва своего ты не бойся. Право, его страшиться не надо, и он, и Перун бессильны, они простые деревянные истуканы и ничего больше!

– Что ты говоришь! – с ужасом воскликнул Вадим. – Ты богохульствуешь, ты перестал верить в могущество Перуна!

– Сознаться тебе, не перестал, а перестаю. Вот с тобой я убедился, что все наши боги – ничто перед тем Богом, в которого веруют некоторые народы.

– Что же это за Бог?

– Великий Бог! – с убеждением произнес Избор и рассказал Вадиму все, что ему было известно о воле Единого невидимого Бога, поведал ему и о своем обращении к Нему, и о чуде, которое, по его мнению, совершил этот Бог, воскресив Вадима.

Старейшинский сын слушал рассказ Избора о христианах, но отец его так близко стоял к жрецам Перуна и Вадиму так часто приходилось беседовать с ними, что ко всем иным верованиям он относился с большой неприязнью.

– Э, полно! – отозвался он на рассказ своего товарища. – Зачем нам искать другого бога, когда у нас есть свой, мы должны поклоняться тому, чему поклонялись наши отцы. Лучше подумай, как нам выбраться отсюда, мне во

что бы то ни стало надо быть дома.

Вадим утрюмо замолчал. В мозгу его черные мысли роились. Гневом кипел он на спасшего его варяга, вспомнив предсказание Мала. Гнев этот и черные мысли породил.

Страшное дело замыслил Вадим.

Оттого-то он прямо в глаза Избору глядеть не может и свои очи от его очей отводит.

Мрачный вид Вадима обеспокоил его спутника. Он приписывал его усталости, только что перенесенному волнению, но далек был от каких бы то ни было подозрений.

Вдруг взгляд Избора упал на мокрый песок, где ясно отпечатались человеческие следы.

– Гляди-ка, князь, это что такое? Мы здесь не одни, кажется, – показал он следы Вадиму.

Тот тоже взглянул и вздрогнул всем телом.

– Мы пропали! – воскликнул он с испугом. – Никто не смеет, кроме жрецов, ступить сюда. И следы оставил не кто иной, как страшный волхв.

– Волхв? – побледнел в свою очередь и Избор. – Ты так думаешь, княже? Но откуда же взялся он? Ведь он нем сколько уже лет ниче-

го в наших краях не слышно.

– Ничего не значит! Он живет в этом лесу, это говорил мне старый Велемир, жрец Перуна. Да и кому же здесь более быть, как не ему, этому страшному волхву. Надо бежать, бежать.

Забыв о своей слабости, Вадим вскочил на ноги.

– Веди, веди меня вон из этого проклятого леса, – закричал он Избору, тоже заметно взволнованному и испуганному, – это ты нарочно завел меня сюда, проклятый враг. Ты хочешь во что бы то ни стало погубить меня.

Избор с нескрываемым изумлением устремил взор на старейшинского сына.

– Что ты, Вадим? Зачем мне желать твоей гибели? На что мне нужна твоя жизнь? Я погибал вместе с тобой и в страшную смертную минуту не оставил тебя.

– Ты должен стать виновником моей гибели! Так нет же! Не ты меня, а я тебя сотру с лица земли. Сам виноват, не становись мне поперек дороги.

Избор не переставал удивляться. Он слушал бессвязную речь Вадима и не сразу по-

нял ее. Он недолюбливал Вадима за гордыню, за заносчивость, но никогда его не считал неблагодарным или вероломным.

– Ты не веришь нашему Перуну, ты преступаешь его заветы, потому ты и не побоялся ступить в это страшное место! – задыхаясь от волнения, говорил Вадим. – Ты послушный раб страшного волхва, потому-то ты и не страшишься его. Ты завел меня сюда, чтобы отдать ему на растерзание. Нет, не удастся тебе это, презренный варяг. Умри прежде сам!

И прежде, чем Избор успел опомниться, его вероломный спутник выхватил из-за пазухи острый нож и как зверь кинулся к нему.

Молодой варяг инстинктивно вытянул вперед обе руки, но не успел оборониться, и Вадим с дикими, яростным воплем вонзил нож в левую сторону его груди.

Как подкошенный, рухнул Избор на траву.

Удар был рассчитан верно. Вадим, вытащив нож из раны, поднял руку, чтобы поразить еще раз своего соперника.

– Умри, умри! – говорил он. – Вот, кто теперь погубит меня?

Он уже хотел опустить руку, вооруженную

ножом, как вдруг сам дико вскрикнул.

Прямо на него, озаренная яркими лучами заходящего солнца, двигалась фантастическая человеческая фигура.

Пораженному испугом вероломному убийце казалось, что две змеи выползают изо рта странной фигуры, что глаза ее блещут, как раскаленные уголья, а распростертые руки готовы принять и задушить его в своих объятьях.

– Волхв, перунский волхв! – в ужасе воскликнул Вадим и, выпустив из рук нож, кинулся бежать в лес.

12. ЖРЕЦ ПЕРУНА

Вадим долго-долго бежал без оглядки. Ему казалось, что этот странный волхв, так неожиданно появившийся перед ним в тот самый миг, когда он обагрил свои руки кровью спасшего его человека, гонится за ним по пятам.

Ветви густо разросшихся деревьев задевали Вадима, и ему чудилось, что это чьи-то цепкие руки хватают его.

Ветер шелестел листвой и в этом шелесте убийце ясно слышались роковые голоса, и лес ему казался весь наполненным ими.

Вадим бежал все дальше и дальше, ели и сосны своими ветвями кололи его лицо, но он не чувствовал боли, не замечал, что по лицу его струится из ран теплая кровь.

Наконец юноша почувствовал, что дыхание у него спирается и бежать он не в силах. Как подкошенный рухнул он на траву, ожидая, что вот-вот страшный волхв достигнет его и разорвет на клочки.

Вдруг ему послышались невдалеке человеческие голоса.

«Все, все кончено, – мелькнула мысль в голове старейшинского сына, – гибель моя неизбежна, старый кровожадный волхв настиг меня».

А голоса раздавались все ближе и ближе.

– Ясно слышен был чей-то крик здесь поблизости, – различил знакомый голос Вадим. – Крик этот был не криком дикого зверя, а пораженного насмерть человека.

– Вот и трава здесь помята. Сучья на елях поломаны.

– Значит, я не ошибся.

– Ищите, все ищите, обойдите всю рощу из края в край, – различил Вадим старческий голосок, который одновременно заставил и задрожать его, и обрадовал, – найдите ослушника велений нашего бога и приведите его к нам. Мы посмотрим, кто этот дерзкий, осмелившийся нарушить заветы Перуна. Ступайте, ищите. Я буду ждать вас на этом месте.

Прошло несколько томительных, показавшихся необыкновенно долгими Вадиму мгновений. Он еще глубже забился в траву в надежде, что люди, голоса которых он так ясно слышал, пройдут мимо, не заметив его.

По голосам Вадим узнал слугителей Перуна, а в распорядившемся поисками старике признал верховного жреца Велемира.

Юноша знал, что его ждет, и потому появление жрецов перепугало его не менее, чем преследование страшного волхва. Как ни дружен с его семьей Велемир, как ни уважает его отца, старейшину, все-таки он не приступит заветов и жестоко, может быть, даже смертельно, накажет ослушника.

Вдруг Вадим услышал совсем близко от себя шорох. Чья-то нетвердая нога ступала по сухим, с треском подламывающимся сучьям. Вот уже кто-то остановился рядом с ним, и Вадим почувствовал, как чья-то рука коснулась его плеча.

– Кто бы ты ни был, приказываю тебе встать, – услышал он над собою голос Велемира, – покажи лицо свое и дай увидеть того, кто осмелился нарушать волю Перуна и попрасть дерзкою ногою священную рощу.

– Велемир, прости! – не своим голосом воскликнул юноша, приподнимаясь с земли.

Пред ним стоял высокий, весь седой старец. На груди его, покрытой белыми, как снег,

одеждами, лежала длинная седая борода. Лицо, изборожденное множеством морщин, было грозно. Глаза метали молнии из-под нависших седых бровей.

Стар, очень стар был Велемир, верховный жрец Перуна – главного и грозного божества приильменских славян! Сколько весен он встретил, сколько зим пережил! Старики приильменских родов совсем детьми еще были, а Велемир, такой же древний, такой же грозно-важный, служил уже Перуну-громовержцу.

Когда он был молод и был ли он когда-нибудь молод – никто не знал. Ильменским славянам казалось даже, что он и явился на свет Божий старым, седым.

Про него ходили в родах чудные рассказы. Говорили, что Перун все делает по слову его, ни в чем не ослушивается грозный бог своего любимого служителя.

Захочет Велемир, и нашлет Перун на роды славянские бедствия тяжелые: голод, смерть лютую, и ничто от них, кроме просьб Велемира, народ не избавит.

Оттого и боятся и уважают верховного

жреца Перуна все роды славянские.

Теперь этот грозный старец, гневный, раздраженный, стоял перед перепуганным старейшинским сыном, не смевшим поднять на него глаз. Несколько мгновений старец, казалось, не узнавал юноши.

– Вадим, сын старейшины, уважаемого всеми ильменскими родами Володислава! – воскликнул он. – Так это ты осмелился, дерзкий, вступить в это священное место?

– Выслушай, отец, умоляю тебя, – робко вымолвил Вадим, – я скажу тебе всю правду.

– Нечего мне слушать. Я сейчас созову всех верных Перуну, и мы поступим с тобой, как приказывает закон. Ты осмелился нарушить завет, и грех твой падает на твою голову.

Суровый старик поднес руки ко рту, готовясь закричать что было сил, но Вадим ухватил его за край одежды и заговорил просительно:

– Не зови, отец, дай мне сказать тебе правду, при других я не скажу. Помедли. Ты всегда успеешь осудить меня!

– Ну, говори, – согласился, наконец, Велемир, – горе тебе, если ты солжешь. Перун по-

карает и тебя, и род твой. Говори скорей, пока не пришли сюда служители Перуна.

– Я с варягом Избором переплывал озеро, – начал торопливый рассказ Вадим, – ты знаешь, отец, какая разразилась буря, мы выбивались из сил, борясь с волнами. Вдруг огромный вал опрокинул наш челн и затем выбросил нас на песчаную отмель этого берега.

– Если это было так, то вы и должны были оставаться на ней, призывая к себе на помощь, а не забираться сюда, где скрыты сокровенные тайны божества.

– Я так и поступил, отец.

– Однако ты здесь. Где же этот дерзкий варяг?

– Выслушай дальше. Собравшись с силами, я хотел сделать так, как говоришь ты, хотел даже устроить плот, чтобы перебраться на нем по Ильменю в другое место, но этот Избор, знаешь ли, он отказался от Перуна, он не верит более в его силу, могущество и долго мне говорил о каком-то другом, неведомом Боге.

– Отступник! Смерть его ждет за это преступление! – с гневом воскликнул Велемир. –

Где он, где? Не скрывай его. Горе тебе, если ты его осмелишься укрыть.

– Он уже наказан за свое отступничество. В тот миг, когда он произносил хулы на великого Перуна, вдруг явился из чащи страшный перынский волхв, о котором ты столько раз нам рассказывал.

– Волхв, ты говоришь? – с видимым недоверием произнес жрец. – Ты сам его видел?

– Да, отец, сам. Страшный он на вид. Ростом он не меньше молодой сосны. Все тело его обросло густыми волосами, вместо глаз у него раскаленные угли, а из уст вились змеи. Он с воплем кинулся на нас.

– И что же? – спросил Велемир.

– Он схватил на моих глазах отступника Избора и разорвал его на несколько частей. Я в страхе бежал сюда, пока не упал на этом месте. Теперь тебе известно все, суди меня, как знаешь.

Вадим замолчал, с тревогой глядя на служителя Перуна; тот стоял, с видимым смущением ударяя о землю своим жезлом.

– Волхв, волхв, – повторил он, – кто же это может быть? Кто проник в это охраняемое ме-

сто?

И затем спохватившись, что сказал слишком многое, чего не должны бы слушать посторонние уши, он взглянул на Вадима и произнес:

– Если все правда, что ты говоришь, Перун помилует тебя. Если тебе удалось избежать страшного волхва, ты достоин жизни. Но горе тебе, если это не подтвердится. Где ты видел перынского волхва?

– Пусть идут по оставленным мною следам, и достигнут слуги Перуна того страшного места!

В это время стали один за другим собираться младшие жрецы, с удивлением глядевшие на хорошо им знакомого старейшинского сына. Велемир заставил Вадима повторить свой рассказ.

– Пойдемте же туда и посмотрим, прав ли этот юноша, – сказал жрец, когда Вадим закончил. – Веди нас.

Они тронулись и вскоре достигли той отмели, на которую выбросила буря двух юношей.

– Вот, вот, смотрите, тут что-то есть! – разда-

лись в толпе младших жрецов восклицания.

Велемир жестом остановил их и подошел сам к тому месту, где на песке валялась какая-то груда.

– Это одежда Избора! – воскликнул Вадим.

На песке были видны отпечатки ног, кое-где он был пропитан кровью, трава кругом была помята, грубая одежда Избора также была вся в крови.

– Нет более сомнения! – воскликнул жрец. – Этот юноша прав, страшный перынский волхв снова появился в наших местах!

Он приказал осмотреть весь прибрежный кустарник – там никого не было.

Ничто в лесу не напоминало о присутствии человека.

13. МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Весть, что в перынской роще снова появилась страшный волхв, быстро пронеслась по всем родам, жившим на берегах Ильменя.

Память об этом чуде была еще жива в народе. Целые легенды ходили среди ильменских славян о волхве. Засел он у истока большой многоводной реки, вытекающей из Ильменя, и много-много лет сидел там, не пропуская никакого суденышка из озера в реку.

Только это давно было. Ничего не слышать уже сколько времени о перынском чудовище.

И вот теперь этот страшный волхв и на суше появился. Что-то будет? Уж не грозит ли родам славянским какая беда?

Первую весть о появлении волхва разнесли перынские жрецы.

– Пойдите и возвестите всем родам славянским о том, как наказывает наш Перун отступников, – приказал им Велемир. – Усомнился Избор в его силе, в его могуществе, и вот как он грозно покарал его. Так будет и со всяким, и пусть память об этом не изгладится вовеки. Пойдите и передайте повсюду рассказ

Вадима, бывшего свидетелем этого чуда.

И жрецы разошлись по всему побережью Ильменя, передавая рассказ старейшинского сына, причем, конечно, каждый из них разукрашивал его так, как подсказывала ему его фантазия.

В род, где старейшинствовал Володислав, отец Вадима, Велемир решил отправиться вместе с юношей.

– Только уважение к твоему отцу избавляет тебя от наказания за дерзость, – объявил старый жрец Вадиму, – но ты должен принести очистительные жертвы.

Юноша с почтением приложил к его высушенной руке и удалился во внутренние покои, отведенные ему Велемиром для отдыха. Никакое чувство сожаления не шевельнулось в его душе. Он считал себя и раньше правым, а теперь, когда даже сам старый жрец Перуна уверился в том, что молодой варяг сделался жертвой чудовища, Вадим забыл окончательно и думать о судьбе соперника.

Переменив наскоро перепачканные и вымокшие одежды, кинулся Вадим на ложе и скоро заснул. Старый жрец Велемир, между

тем, бодрствовал.

«Что это все значить может, – думал он, расхаживая по светелке, – какого там волхва мог видеть Вадим? Правда, жил когда-то в этих местах дерзкий, смелый разбойник, грабил всех без разбору, кто только из Ильменя в Волхов спускался, да ведь это когда было? Я уже давно своим годам счет потерял, а этого разбойника мой дед, тоже жрец Перуна, своими руками убил. И с тех пор о нем ничего не слышно. Это ведь мы его в кудесники да волхвы возвели, чтобы нам победу Перуна над ним прославить, а на самом деле он простой человек был, ни больше, ни меньше. Так кого же это там Вадим видел и кто этого солевара убил – уж не сам ли Вадим? Ведь он на это способен. Надо узнать все подробно».

Велемир призвал нескольких жрецов и приказал самым тщательным образом обыскать еще раз весь лес.

«Хорошо еще, что Вадим такую сказку придумал, а то бы мне да и всем нам плохо было бы. Володислав – старейшина богатый, вся Перынь наша чуть ли не одними его жертвами держится. Как казнить его сына? Ведь он

всех нас сокрушить мог. Весь его род слепо ему повинуются, и Перынь разнесли бы, прикажи он только. А не казнить Вадима нельзя было бы, не придумай он такой истории. Тогда другие бы роды поднялись. Слава нашего Перуна пошатнулась бы, вместе с тем и нам, жрецам, нечего было бы делать. И Избора жаль. Все-таки он Гостомыслу племянник, и хотя не велик человек, посадник буйного Нова-города, а все-таки и с ним ссориться нельзя, и у него свои приверженцы есть. Впрочем, с Избором все уже кончено. Жалей, не жалей, а его к жизни не вернешь. Кто с ним покончил, Вадим или тот, кого он за волхва принял, все равно, теперь надо подумать, как Гостомыслу горестную весть передать».

Размышляя так, Велемир приказал уведомить новгородского посадника о несчастье с его племянником.

Весть о гибели Избора, однако, опередила посланника. Когда он явился в Новгород, там все уже знали о случившемся.

Знал об этом и Гостомысл. Он любил Избора, но был настолько умен, что не дал посланному заметить своих его чувств.

Тот передавал рассказ о гибели Избора и о чудесном спасении Вадима от ужасного волхва, украшая его всевозможными подробностями, отчасти внушенными ему самим Велемиром, отчасти и выдуманнными во время дороги от Перынского холма до Нова-города. Фантазия посланца была богатая, и он так разошелся, что Избор уже оказался прямо-таки поглощенным на глазах всех служителей Перуна свирепым волхвом. Гостомысл не поверил сразу тому, что сообщили ему о гибели его племянника.

– Это все жрецы с Перыни народ мутят, – вскричал он, выслушав известие, – на какой там ляд, в самом деле, волхв появиться мог, просто они схватили Избора, и, если я не поспею ему на помощь, они убьют его!

Он приказал подавать ладью и, быстро собравшись, отправился из Нова-города вверх по Волхову в то место, где близ истока на высоком холме стоял идол Перуна.

Наступила уже ночь, когда он добрался до Перыни. Здесь он к большой досаде своей узнал, что жрец Велемир вместе с Вадимом и несколькими жрецами уехали в Володисла-

вов род.

Гостомысл стал расспрашивать служителей и рабов Велемира о своем племяннике. Все они в один голос подтвердили ему рассказ, которому он было не поверил.

Один из младших жрецов, знавший хорошо Избора, сказал ему, что узнал окровавленную одежду его племянника. Это передавалось с такими подробностями, что в гибели Избора и сомнения быть не могло.

Более в Перыни Гостомыслу нечего было делать, и он, опечаленный, взволнованный, вышел из жилища жрецов, направляясь к пристани, где ждала его ладья.

Двое жрецов провожали новгородского старейшину. Оба они видели его грусть и глубоко сочувствовали ему.

Вдруг в нескольких шагах от пристани какая-то фигура перерезала дорогу Гостомыслу, и, прежде чем он опомнился, рядом с ним появился человек.

Гостомысл отшатнулся было, но подошедший быстро наклонился к его уху и прошептал что-то, заставившее старейшину вздрогнуть.

Между тем сопровождавшие его жрецы заметили человека около старейшины и, думая, что ему грозит опасность, быстро кинулись ему на помощь. Но когда они подбежали, человек уже исчез.

Кто это был такой, Гостомысл жрецам не сказал, не сказал также, что сообщил ему этот так внезапно появившийся вестник.

14. РАДОСТЬ И ГОРЕ

В род Володиславов известие о всем происшедшем с Вадимом пришло прежде, чем юноша успел вернуться под родимый кров. Слова жреца, явившегося сюда по приказанию Велемира, произвели смятение. Из всех хижин повысыпались люди. Мужчины, которые в этот день не были в лесах на охоте, побросали чинить невода, готовить стрелы и толпой собрались около хором Володислава, куда прошел посланный Велемира. Женщины сбежали сюда еще ранее, обсуждая на разные лады возвещенный случай.

В хоромах тем временем жрец, перед которым уже поставлено было обильное угощение, передавал свой рассказ матери Вадима.

Сам старей Володислав, серьезный и важный, сидел на гладко оструганной лавке, второй раз слушаая с большим вниманием эту историю.

Богумила, мать Вадима, плакала от изумления.

– Один он, один из семерых остался, – говорила она сквозь слезы. – Шестерых уже нет, одного медведь заломал, двух злые люди загубили, трое без вести пропали, он только, соколик мой, надежда моя, остался.

– Надо благодарить Перуна, – важно ответил жрец, – это он совершил чудо, защитив твоего сына от свирепого волхва.

– Его только, его, батюшку, благодарить приходится. Он Вадима моего милого от смерти неминуемой избавил. Да что же ты, Володислав, проси служителя Перуна откушать нашего угощения.

– Только откуда этот волхв появиться мог, – высказал свое мнение Володислав, – никто о нем не слыхивал.

– Как не слыхали? – вступился жрец. – Сколько раз тебе наш отец, Велемир, об нем говорил.

– Так ведь он говорил о том, что было.

– А то, что было и вперед быть может, – важно заявил жрец. – Но что это за шум под окном?

Действительно, собравшаяся у хором Володислава толпа настоятельно требовала, чтобы жрец Перуна вышел и повторил снова свой рассказ.

– Родичи собрались, тебя зовут, – пояснил жрецу Володислав.

Тот с видимым неудовольствием выбрался из-за уставленного яствами стола и пошел на крыльцо.

– Говори, – раздались сотни голосов, – что случилось, как явился волхв, где наш Вадим?

Жрец откашлялся и начал рассказ. Говорил он медленно, растягивая слова, но все слушали, затаив дыхание.

– А отступника Избора в мелкие ключья изорвал волхв, вот и одежда его, в крови его смоченная, – говорил служитель Перуна. – Только всего и нашли мы на том месте, куда нас Володиславов сын, Вадим, привел.

– Да, может, им пригрезилось! – слышалось восклицание.

– Эй, замолчи, – нашел нужным вмешаться жрец, – не смей произносить хулы на Перуна. Вот если бы отец Велемир услышал! Ох, последние дни наступают, слабеет вера, падает, а вместе с ней и народ погибает.

Никто не обратил особенного внимания на эти слова.

Вся молодежь в роду Володислава была на стороне Избора.

Старики же и пожилые были взволнованы той частью известия, которая относилась к появлению перынского волхва.

Все они чувствовали в нем какую-то ложь, понимали, что рассказ о гибели Избора далек от истины, но высказать этого не решались. Велемир все-таки был сила. Но как бы то ни было, Избора жалели.

Вдруг толпа заволновалась вся сразу, как один человек. Все обернули головы по направлению к лесу и напряженно глядели туда.

На опушке леса один за другим показалось несколько всадников.

– Кто-то едет к нам, – произнес старейшина Володислав, тоже обративший внимание на

эту группу.

– А я скажу тебе, кто, – вмешался примолкший было жрец, – едет к тебе, княже, отец Велемир, служители Перуна с ним и среди них твой сын, Вадим. Встретить готовься гостей дорогих.

– Сын, Вадим, ненаглядный мой! – воскликнула Богумила и кинулась с крыльца навстречу всадникам.

С глубоким почтением расступился народ пред старым жрецом Перуна в том время, как обрадованная мать со слезами радости на глазах обнимала дорогого ей сына.

– Привет вам, – важно и степенно проговорил Велемир, когда с помощью нескольких жрецов ему удалось сойти с коня, – привет и радость, старейшина славянский, дому твоему, и вы радуйтесь.

Он простер над благоговейно склонившей головы толпой свои руки.

– Милость великого Перуна посетила этот род! – воскликнул Велемир. – До сих пор никто не выходил целым из заповеданной рощи, но если Вадиму удалось покинуть ее невредимым, стало быть, он угоден богам!

Нечестивец же, бывший с ним, погиб, потому что осмелился произнести хулы на Перуна. Да будет так со всяким, кто осмеливается нарушать заветы старины. Разойдитесь же мирно по домам и помните, что всякий будет наказан, как Избор!

Теперь Вадим мог быть совершенно спокоен. Сам верховный жрец Перуна признал его невиновность, и никто не осмелится после этого назвать его ослушником богов. Вадим был вполне уверен в гибели Избора, хотя в то же самое время никак не мог понять, что за чудовище такое видел он в заповедном лесу.

Но это скоро перестало занимать его. Мало-помалу он начал забывать об Изборе; никакие угрызения совести не мучали Вадима. Он чувствовал себя вполне правым. Мал посредством своих чар показал ему его врага, правда, врага только в далеком будущем, но ведь нет человека, который не стал бы в настоящем заботиться именно об этом будущем. И Вадим позаботился. Он уничтожил опасного человека и был вполне уверен, что так, а не иначе должен был поступить на его месте всякий.

Варяжка, между тем, готовилась опустеть.

Удальцы с берегов ее собрались в дальний путь. В Новгороде у Гостомысла были скандинавские гости – купцы, возвращавшиеся из Византии в свою страну холодных скал и фьордов, и славянские варяги уходили с ними.

Сам Гостомысл много содействовал этому. Он даже помог им собрать ладьи и дал оружие, без которого был бы немыслим дальний поход.

Это было уже не первое отправление удальцов с Ильменя за Нево и поэтому ни в Новгороде, ни в приильменских родах никто особенно не интересовался происходящим.

В назначенный день драккары скандинавов подняли паруса и стали один за другим отваливать от берега. Ладьи варягов ждали уже их, чтобы в некотором отдалении следовать за ними.

Из какого-то страшного любопытства Вадим явился в Новгород посмотреть на проводы.

Вот ладьи и драккары подняли паруса, убрали весла и быстро пошли вперед.

Когда первая ладья проходила мимо Вадима, из груди его вырвался невольно крик. Среди ильменских варягов он увидел того, кого считал уже мертвым – Избора.

Вадиму показалось, что он видит сон. Он кинулся было к лодке, чтобы нагнать уходящих, но ладьи шли так быстро, что об этом и думать было нечего.

«Неужели Избор жив? – думал Вадим. – Ведь это его я видел на первой ладье».

Ужас объял старейшинского сына.

15. СПАСЕННЫЙ

Да, это был действительно Избор. Вадим не ошибался.

Он был бледен, лицо его осунулось, под глазами виднелись темные круги, но все-таки он был жив.

В этом никто не мог сомневаться!

Как же он спасся?

Старый Рулав, оттащив тела обоих юношей от отмели, где их захлестнули волны, сам спрятался в гущу кустарника. Любопытство подстрекнуло старого норманна посмотреть потайно, что будет с юношами, когда

они очнутся и увидят себя в роще Перынского холма.

К тому же Рулав был в некотором роде философ и в данном случае рассуждал так: «Вот не суждено погибнуть этим молодцам и не погибли. Орудием же их спасения Один выбрал меня. Я оказал им немалую услугу, стало быть, со временем когда-нибудь и они мне окажут. Почем знать, на что они мне могут пригодиться. Этот Вадим способен укрыть меня от жрецов, а с Избором можно набрать дружину из его товарищей и вместе с ними уплыть к берегам родной Скандинавии. Судьбы Одина неисповедимы. Может быть, он и послал мне сегодня такой случай, чтобы я воспользовался им».

Размышляя так, старик внимательно наблюдал за всем происходящим на берегу.

Он видел, как очнулся Избор и с каким вниманием ухаживал он за Вадимом. «Славный мальчик! – думал норманн. – В рядах наших дружин он был бы могучим и храбрым берсерком».

Рулав заметил, как горевал Избор, отчаяваясь в спасении своего товарища, и доволь-

но отчетливо расслышал его смиренную просьбу к Единому Сыну неведомого ему Бога.

«Гм! Ведь и я про этого Бога не раз слышал. Это Бог христиан, – рассуждал сам с собою старик. – Что же? Он хороший, милостивый; только вот не понимаю совсем, как это Он за-вещает любить своих врагов? Я знаю, что многие христиане так именно и поступают. Помню одного. Забрел он к нам в наши род-ные фьорды, долго и кротко говорил он нам, и хорошо так говорил, а мы, собравшись во-круг, слушали. И так хорошо говорил нам то-гда этот христианин, что многие седые бер-серки прослезились, когда он начал рассказы-вать про мучения на кресте их Бога. После просил нас уверовать в него. Только зачем нам это, когда у нас есть и Один, и Тор, и злоб-ный Локки, и светлый Бальдр. С ними мы ро-дились, с ними и умереть должны! Жаль только, что наш священник – не доглядели мы – убил этого христианина, а то бы мы еще послушали его в часы отдыха».

В таких размышлениях время летело неза-метно. Рулав не покидал своего наблюдатель-ного поста и скоро увидел, как очнулся Ва-

дим.

Последовавший затем разговор и ссора заинтересовали его еще более. «Что теперь будет?» – подумал он.

Заметив, что Вадим кинулся с ножом на своего спасителя, Рулав позабыл даже о собственной своей безопасности и кинулся на помощь жертве старейшинского сына, но было уже поздно – нож Вадима поразил молодого варяга.

– Преступный убийца, – загремел норманн и выскочил из своей засады.

Он-то и показался Вадиму страшным перынским волхвом.

Его длинные усы в расстроенном воображении убийцы представились двумя змеями, а изорванная шкура козы, наброшенная на плечи шерстью вверх, придала ему так перепугавший старейшинского сына вид нежити.

– Беги, подлый трус! – гремел в след Вадиму Рулав. – Беги, трусливая коза, иначе старый норманн расправится с тобою по-своему.

Подгонять Вадима не приходилось.

Он и без того бежал, как перепуганная мышь.

Рулав, нагнувшись к Избору, прежде всего постарался остановить кровотечение:

– Это ничего, пустяки! Старый Рулав знает толк в ранах и всегда сумеет отличить рану, за которой следует смерть, от пустяковой царапины. Нож не глубоко вонзился. Пустяки! Все пройдет, только бы кровь унять.

Ему, действительно, удалось довольно скоро остановить кровотечение и даже наложить повязку на рану, для чего он должен был разорвать часть одежды Избора.

«Теперь самое главное, как его укрыть и самому укрыться, – подумал Рулав. – Этот негодник поднимет тревогу, и мы попадем в руки жрецов. Не знаю, как ему, а мне несдобровать!»

Оглядевшись вокруг, старик радостно воскликнул: он увидел прибитый волнами к берегу челнок – тот самый, на котором переплывали Ильмень Вадим и Избор.

– Вот и средство найдено! – весело восклицал он. – Есть теперь на чем выбраться из этой проклятой чащобы.

Быстро перевернув опрокинувшийся челнок, Рулав вычерпал из него воду, а потом со

всей осторожностью, на какую только был способен, перенес и уложил на дно все еще не пришедшего в себя Избора.

Затем он поспешно отплыл, правя к истоку Волхова. Здесь он приютился у правого безлюдного берега, желая дожидаться ночной темноты. Между тем Избор пришел в себя.

– Что это? Сон я вижу? – простонал он.

– Какой там сон! Не во сне, а наяву твой Вадим ножом тебя пырнул! – отозвался норманн.

– Рулав! – воскликнул Избор, узнавая старика.

– Конечно, он! Будь мне благодарен. Только пока лежи спокойно. Молчи, сейчас придумаем, что нам делать. Не шевелись, а то еще опять кровь пойдет.

– Но что случилось?

Рулав рассказал Избору кратко обо всем происшедшем.

– За какого-то там вашего волхва меня этот негодник принял, – сообщил он в конце, – где только укрыться нам?

– Свези меня в Новгород, к Гостомыслу, – чуть слышно от слабости пролепетал Избор, –

у него теперь гости из вашей Скандинавии.

– Клянусь Тором, – крикнул Рулав, – ты это хорошо придумал, мой милый мальчик! У Гостомысла мы будем в полной безопасности, а если там еще есть мои земляки, так нам все ваше Приильменье не страшно.

Лишь только стемнело, он перевез лишившегося чувств Избора в Новгород, сообщил обо всем случившемся Гостомыслу, а тот укрыл раненого в своих хоромах.

Здесь Избор и Рулав были в полной безопасности.

Никто, даже сам Велемир, не осмелился бы, несмотря на всю свою власть над приильменскими славянами, искать беглецов в посадничьем доме, где они, кроме того, были под охраной сильной дружины.

В самом деле, отряд норманнов возвращался по великому пути из далекой Византии в свои холодные фьорды и по пути остановился отдохнуть да попить у гостеприимного новгородского посадника. Во главе норманнов стояли старые друзья и соратники Рулава – Стемид, Фарлаф, Ингелот.

Радостна была встреча друзей! Сперва Ру-

лав и Стемид всеми силами старались сохранить равнодушную важность, но это не удалось и в конце концов старики, как молодые пылкие влюбленные, кинулись друг другу в объятия, а когда разошлись, на глазах у того и другого была заметна влага.

На радостях даже о Велемире оба позабыли.

Только когда прошли первые восторги, на голову старого жреца так и посыпались проклятия, причем в этом никто из норманнов не уступал друг другу.

Нечего говорить, что и остальные дружинники примкнули к ликованию старых друзей и вместе со Стемидом радовались возвращению Рулава, которого все они давно уже считали погибшим.

За общим ликованием они и не заметили озабоченного лица Гостомысла.

Новгородский посадник прекрасно понимал, что ему придется поведи из-за Избора с Велемиром борьбу не на живот, а на смерть.

Трудно было предположить, чтобы хищный жрец Перуна легко отказался от своей жертвы. Уже ради сохранения одного только

своего достоинства должен был он потребовать казни Избора как оскорбителя грозного божества. Гостомысл прекрасно понимал, что рано или поздно спасение Избора будет известно всем, и тогда-то Велемир, пользуясь своей неограниченной властью, начнет немедленную борьбу с ним.

Всею душой любил новгородский посадник своего племянника, но было еще нечто другое, что для него являлось, пожалуй, самым дорогим на свете.

Но все-таки родственное чувство заставляло его искать средства для спасения племянника. Гостомысл изоцрял весь свой ум, чтобы отыскать такое средство, и, наконец, ему показалось, что он нашел его.

«И чего лучше! Норманны скоро уходят. Старый Бьёрн, конунг Сигтуны, всегда был моим другом. Он не откажется приютить Избора! – мелькнуло в голове Гостомысла. – А там будет видно!»

Мгновенно составил план, и Гостомысл сейчас же приступил к его исполнению.

Прежде всего он сообщил свою мысль Стемиду, и тот пришел в восторг, когда услышал

предложение Гостомысла.

– Клянусь Тором, твой Избор скоро прославит у нас свое имя! – воскликнул он. – Медлить нечего! Двух его братьев оставь пока у себя, подрастут – присылай и их в Сигтуну, а Избор, как только немного поправится, пусть идет с нами!

Избор вполне был согласен с предложением дяди.

Так очутился он на ладье скандинавов, где его увидал бессильный теперь Вадим.

Вместе с Избором с варягами уходили и его друзья.

16. ПРЕДСКАЗАНИЕ

«Погадай-ка мне, старушка!»
А.С.Пушкин

Все, даже ветер, как будто благоприятствовало ватаге приильменских выходцев, направлявшейся к холодным берегам Скандинавии.

Ладьи у них были легкие, ветер попутный, так что и на весла редко приходилось садиться.

Еще не оправившийся от ран Избор находился на ладье Стемида.

Старый Рулав, как самая заботливая нянька, ухаживал за больным юношей. Полюбил он Избора и души в нем просто не чаял, что сын родной стал юноша старику.

Одинок был старый норманн – никого у него не было на белом свете, а может ли сердце человека без привязанности быть?

Конечно же, нет!

Когда Рулав увидал Избора, сраженного его вероломным товарищем, после того, как им обоим пришлось избежать ужасной опас-

ности, счастливо убежав из перынской заповеданной рощи, – старый норманн почувствовал, что его сердце сильно забилося. Жаль ему стало этого стройного юноши с таким открытым и мужественным лицом. Вспомнил Рулав и себя в юности и невольно подумал: «Вот ведь и я такой же когда-то был! Не хочется умирать, когда жизнь только еще расцветает. Жаль его!»

Скандинавы были безумно храбры в битвах, беспощадно истребляли врагов, но в сердцах их всегда жила жалость к слабым, и им суровые норманны никогда не отказывали в возможной помощи.

Общая опасность, кроме того, еще более сблизила Рулава с Избором, и теперь старый норманн ревниво поглядывал на Стемида, когда юноша, грустно улыбаясь, заговаривал с тем.

Но ревность сейчас же проходила, как только Рулав вспоминал о всем происшедшем в той роще.

Раскаты его хохота гулко разносились по пустынным берегам Волхова, когда он представлял себе Велемира, когда тот узнает

вдруг, что его жертва ускользнула от него.

Избор же долго не мог придти в себя.

Когда он несколько оправился, страшное заклятье произнес он на свою оставленную родину:

– Всего ты меня лишила! – воскликнул он. – Не матерью мне была, а злою мачехой. Сама прогоняешь ты меня от себя. Сама отнимаешь меня от себя. Так клянусь я вернуться к тебе, если только жив останусь. Клянусь из края в край пройти по тебе с огнем и мечом и вспомнишь ты тогда отвергнутого сына. Отомщу я тебе, и будут плач и мольбы, да поздно! Пока не натешусь вдоволь, не опущу меча своего. Не изгнанником вернусь к тебе, а господином.

– Мсти! Месть – сладкий дар богов, – поддержал Рулав, – верь, у нас в Скандинавии ты скоро будешь берсерком.

– Да, отомщу! – произнес в ответ Избор и угрюмо замолчал. Отъехав порядочно от Новгорода, вся ватага выходцев из Приильменья сделала привал. Ладьи были причалены к берегу, люди сошли с них и прежде всего решили выбрать себе предводителя.

Спору и крику было немного. Вождь у славянских выходцев был давно намечен. Почти в один голос все они пожелали, чтобы «верховодил» у них их общий любимец Избор.

Избор долго отказывался от этой чести, но просьбы были так упорны, что, в конце концов, он должен был согласиться.

На самой маленькой ладье идет он по Волхову во главе небольшой флотилии. Далеко впереди белеют паруса драккаров скандинавов. Из них только один Рулав остался с Избором, решив никогда более не разлучаться с ним. Весел старый норманн. Скоро-скоро увидит он и дорогую родину и милые фьорды – весел так, что даже распелся.

Войне от колыбели
Я жизнь обрек свою,
Мне стрелы в детстве пели,
Когда я спал, «баю!»

Поет веселый Рулав драгу про героя фьордов Олава Трюггвассона.

Настроение Рулава заразительно действовало на всех его спутников, среди которых преобладали молодые люди, и без того склонные к веселью.

Не было на славянских ладьях грустных задумчивых лиц, несмотря на то, что все они шли в далекую, чужую им страну искать неведомого счастья.

Даже Избор, чем ближе подходили к Неве, становился все менее и менее мрачным.

Он с большой охотой слушал рассказы Рулава о тех местах, мимо которых проходили ладьи.

– А вот тут в земле славянской был посланец христианского Бога, – показал Избору Рулав на покрытую горами местность правого берега Волхова.

– Христианский Бог, – вспомнил свою мольбу юноша. – Он всемогущ!

Однако сейчас же ему пришло на память злодеяние Вадима и снова, как в мощных тисках, сжалось его молодое сердце, и мрачные думы овладели им.

Время, между тем, летело незаметно.

Драккары скандинавов давно уже скрылись из виду, когда ладьи славянских выходцев только подходили к волховским порогам. Издалека еще донесся до слуха путников неясный шум; течение становилось все быст-

рее и быстрее, идти по реке было опасно.

В то время волховские пороги были совершенно непроходимы. Даже скандинавы, безусловно искусные в мореплавании, не рисковали пускаться через них на своих судах. Славянские же выходцы, очутившиеся в этих местах впервые, и подавно не решались на такую попытку.

Ладьи пристали к берегу, скоро составился совет, и на нем решено было пройти пороги «волоком», перетаскивая суда берегом в тех местах, где река представляла опасность.

Начинать «волоком», однако, сразу после остановки не пришлось. Наступила ночь. Волей-неволей приходилось заночевать на берегу.

Запылали костры. Около одного из них расположился по-прежнему грустный Избор, безучастно смотревший, как хлопотал над приготовлением ужина его друг Рулав.

Невдалеке от привала шумел лес. Он чернел в сумраке наступавшей ночи мрачною массой. Рулав, занятый хлопотами, нет-нет да и кидал взгляд в сторону этого леса.

Сильно озабочивала старика эта постоян-

ная грусть его молодого любимца, и он все это время думал, как бы развлечь Избора.

Между тем отдохнувшие варяги принялись за работу. Они суетились около того места, где пристали ладьи, и уже стали готовиться к трудному путешествию посуху.

– Знаешь что? – сказал Избору старый Рулав. – Здесь в лесу есть избушка, пойдём туда!

– Зачем?

– Там живет прорицательница, и никто из проходящих здесь волоком вождей не минует ее. Все заходят узнать свое будущее.

Избор, уступая просьбам Рулава, пошел.

Идти пришлось не особенно далеко. Действительно, как и говорил старик, у опушки леса приютилась ветхая хижина.

– Зачем пожаловали? – встретила их ее обитательница. – Или грядущее свое узнать хотите?

Прорицательница была дряхлая старуха и имела такой вид, что смело могла бы внушить ужас людям даже не робкого десятка.

– Именно, грядущее узнать, матушка! – и за себя, и за Избора отвечал норманн.

– Многих молодцов я видела здесь и все ту-

да, за Нево, идут. Мало только кто возвращался оттуда, – ответила старуха. – И тебя я видала, – обратилась она к Рулаву, – что же, исполнилось то, что я тебе предсказала?

– А ты помнишь, матушка, что предсказала?

– Стара и слаба я стала, да и многим из вас я уже ворожила, где же все запомнить!

– Так я тебе напомним! Ты, матушка, предсказала мне, что я умру от дружеской руки и хотя и на поле брани, но не в битве. Ты мне говорил, что меня поразит ближайший и любимейший мой друг!

– Так, так, – закивала старуха, – теперь вспоминаю. Еще отговаривала я тебя ходить в земли славянские.

– Да, отговаривала! Ты предсказала мне, что умру я от руки друга-славянина. А видишь, я живым и невредимым возвращаюсь обратно. Там же, – кивнул в сторону Ильменя Рулав, – друзей-славян не было. Были и остались одни враги только. Видишь, не всегда ты верно гадаешь. Целым и невредимым стою я пред тобою. Не сбылось на мне твое предсказание!

Старуха взглянула на Рулава и покачала косматой головой.

После минутного молчания в хижине зазвучал ее хриплый голос.

– Не сбылось мое предсказание, стало быть, сбудется, и гадать тебе нечего!

– Так вот товарищу моему погадай! – попросил Рулав.

– Хорошо, – согласилась старуха.

Она подошла к Избору, взяла его за руку и, как бы желая проникнуть в тайники его души, устремила в его глаза свой пронизательный взор.

Юноше вдруг стало жутко, но в то же время он чувствовал, что какая-то непостижимая сила не позволяет ему опустить глаз.

Наконец старуха отошла от него и, взяв углей, кинула их в костер, расположенный на земляном полу ее хижины.

Костер разом вспыхнул, яркое пламя озарило хижину. Багровый его сноп взвился к отверстию в потолке и вслед за тем густой дым окутал на мгновение все. Избор и Рулав невольно отшатнулись, так как пламя разгоралось все сильнее и сильнее и ярко-желтые

языки его, раздуваемые ветром, высоко поднимались к небу.

Пламя озаряло фигуру прорицательницы, как бы застывшей над костром. Она, ни разу не моргнув, глядела на пламя, причем лицо ее принимало то страдальческое, то радостное выражение.

Наконец дым рассеялся.

– Видела, все видела! – прошептала она и вдруг, будто приподнятая какою-то неведомой силой, быстро подошла к Избору.

Юноша с изумлением смотрел на нее.

Он даже и не подумал отшатнуться, когда старуха опустила свои костлявые руки ему на плечи, и с вниманием стал прислушиваться к ее отрывистому шепоту.

– Видела я в дыму будущего страну великую. Много городов в ней крепких и сильных. Богата и могуча эта страна, славнее всех она, сильнее всех она между остальными странами мира. И все, населяющие ее города и веси, довольны и счастливы!

Старуха остановилась, сняла руки с плеч Избора и, выпрямившись, громко воскликнула:

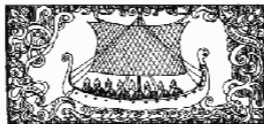
– Великое будущее у тебя, юноша! Такого никогда еще ни у кого не было и не будет! Слава, почести, власть ждут. Ты будешь повелителем той огромной страны, которую я видела. Солнце никогда не будет заходить в твоих владениях, и из рода в род будет увеличиваться твоя страна. Сотни лет будут править твои потомки, вооружаемые вечною славою, а имя твое перейдет в память всех городов во веки веков! Приветствую тебя, владыка полмира!

И она с этими словами низко-низко поклонилась Избору.

– Когда же это будет, матушка? – спросил юноша, пораженный загадочными словами.

– Когда ты будешь соколом! – ответила старуха и смолкла.

ВАРЯГИ



1. СОКОЛ

Приильменскую славянщину постигла беда-напасть великая.

Точно волны морские по песчаной отмели, разлились дружины скандинавские по лицу земли славянской. Запылали ярким пламенем жалкие селенья. Где проходили скандинавы, там уже и следа жизни не оставалось – все стирали они с лица земли. Много было среди скандинавских дружин славянских варягов, шедших теперь с огнем и мечом на родину свою. Знали они все ее леса и дубравы и по таким дебрям, где, казалось, не было проходу ни конному, ни пешему, теперь совершенно свободно проходили целые отряды. Напрасно прятались в леса жители выжженных селений, напрасно закапывали они в

землю все свои богатства – все находили скандинавы.

Славяне звали их варягами, потому что это наименование более им было знакомо и известно, и нашествие варягов было для них ужасным бедствием. Гневу богов приписывали они успехи чужеземцев, не подозревая даже, что главная их причина заключалась в тех славянских выходцах, прекрасно знавших край, которые шли вместе со скандинавами, да еще в той розни, какая царила на Ильмене не только что между отдельными племенами, но даже и родами.

Как ни храбры были отдельные славяне, их храбрость не могла отразить натиска грозного врага.

Ни один старейшина с берегов Ильменя не хотел покориться другому, каждый хотел идти во главе других, быть старшим; не было и тени согласия, царила рознь, и следствием этого были постоянные поражения. Норманнские дружины слишком хорошо были организованы, да и вооружение скандинавов было гораздо лучше славянского.

Было и еще одно обстоятельство, которое,

как нельзя более, способствовало успеху варягов. Вел их в приильменскую страну не кто иной, как Избор.

На берегах Ильменя никто и не вспоминал о нем. Забыли его совсем, да и кто бы мог подумать, что во главе варяжских дружин стоит изгнанник, столь жестоко отвергнутый родиной.

Избор не потерял в Скандинавии даром времени. Он в Уппсале радушно был принят королем Бьёрном и скоро сумел показать себя таким храбрецом, что его имя с уважением стало произноситься на фьордах. Мало того, выходцы из славянщины, поселившиеся на полуострове Рослагене и называвшиеся, в отличие от других, варяго-россами, скоро признали его своим вождем. Избор, таким образом, стал по положению своему равным конунгам Скандинавии, а когда престарелый Бьёрн выдал за него дочь свою Эфанду, многие думали, что славянский выходец будет наследником конунга.

Но не того жаждал Избор.

Он не забыл своей клятвы и лишь только укрепил свое положение, поднял норманнов

и варягов к походу на Приильменье.

Поход обещал богатую добычу.

Пикты, саксы и даже франки были истощены частыми набегами норманнов, Приильменье же никогда не видело их у себя иначе, как с самыми дружелюбными намерениями.

Вот теперь и пришлось встретить приильменцам «гостей».

Наступил 850 год – первый, отмеченный на скрижалях нашей истории. Быстро достигли победоносные варяжские дружины Ильменя. Пал под их натиском Новгород. Овладев им, рассыпались варяги по берегам великого славянского озера, грабя прибрежные селения и выжигая их.

Вадим, ставший после смерти отца старейшиной своего рода, храбро защищался на берегах Ильменя, но, конечно, не мог сдержать натиск северных удальцов.

День быстро близился к вечеру. Красные, как зарево, облака стояли на небе. Густой дым столбом поднимался над тем местом, где еще недавно стояло цветущее селение наследника Володислава, его любимого сына Вадима! Груды пепла да обгорелых бревен остались от

него. С горстью последних защитников родного угла бьется против варягов потерявший уже всякую надежду не только на победу, но даже на спасение Вадим. Отчаянная храбрость его вызывает удивление врагов. Он как будто изменился в тот миг, который сам посчитал последним в его жизни. Спасения нет и быть не может – нечего и дорожить собою. Но силы оставляют Вадима. Он видит кругом груды трупов. Вся его дружина, делившая с ним и разгульные пиры, и кровавые потехи, костями легла на этом поле смерти.

Теперь и за ним очередь.

Смутно, словно через дымку тумана, видит Вадим, как взмахнул тяжелой палицей над его головой гигант-варяг. Мгновенье. Глухой удар. Тупая боль разлилась от головы по всему телу несчастного. Вся кровь будто хлынула вверх к темени. В глазах закружили зеленые, красные огоньки. Вадим зашатался и с глухим стоном рухнул на груды мертвецов-товарищей.

И в этот последний свой миг он услышал громкий победный клич врагов и нашел в себе силы открыть глаза.

Прямо к нему подходил небольшой отряд прекрасно вооруженных варягов, очевидно, главных начальников дружин.

Они подходят ближе и ближе.

Вот один из них, почтительно склоняясь к другому, говорит:

– Здесь, конунг, лежит последний из сопротивлявшихся нам славян. Вот он!

Вадим видит, что варяг наклоняется, чтобы взглянуть на него, и сразу же узнает в нем Избора.

– Мал, ты был прав! – шепчет Вадим.

Глаза его закрылись, он тяжело вздохнул.

– Не стоит добивать, – сказал один из скандинавов и вложил меч в ножны.

Избор – это был он – тоже узнал Вадима. Грустный, печальный, возвратился он в свой шатер. Мрачные думы так и роились в его голове.

– Вот и исполнил я клятву! – шепчет он. – Ужасна была моя месть отвергнувшей меня родине, но отчего же у меня так тяжело на сердце?

В самом деле не удовлетворила, а еще более нагнала на Избора тоски так желанная

им мечь. Имя его прославляется скальдами. У него новое отечество, у него в Скандинавии семья. Даже здесь с ним брат его жены Олав, конунг Урманский, один из храбрейших викингов Скандинавии, здесь его братья Сигур и Триар, которых послал к нему Гостомысл, как только они подросли.

А нет ему облегчения в гнетущей его тоске. Он видит свою родимую страну в море огня, родная кровь – кровь его братьев, лилась рекою, и всему этому главной причиной был только он – один он.

Он привел в родную страну толпы свирепых чужеземцев, он пролил потоки родимой крови. И все он, он.

За что? Разве виноваты в чем-либо эти несчастные, погибшие в пламени или под мечами свирепых скандинавов? Разве они изгоняли его из родимой страны? Как он мог мстить многим неповинным за преступления немногих виновных?

Угрызения совести жестоко мучили Избора. С этим врагом не мог справиться храбрый берсерк, отбрасывавший далеко от себя щит в пылу самой отчаянной сечи!

А кругом гремели победные кличи норманнов, торжествовавших свою окончательную победу над приильменской страной.

Размышления Избора были прерваны как раз тогда, когда тоска совсем овладела им.

Под сень шатра с веселым смехом вбежал Олав Урманский.

– Поздравляю, поздравляю тебя, наш славный вождь! – громко восклицал он. – Теперь, когда наши храбрецы сломили отчаянное сопротивление последних славянских дружин, славу твою скальды разнесут по всему миру.

Никакие тревожные думы не мучили Олава. Да и что ему? Ведь он был чужеземцем в этой несчастной стране. Ее беды ему совершенно чужды. Кровь ее сынов была ему не родной. Победа доставила ему только славу. Чего же более желать было удалому викингу!

– Перестань грустить, вождь, – говорил он, обнимая Избора, – я сообщу тебе весть, которая наполнит радостью твое сердце.

– Весть? Какую? – спросил Избор, грустно улыбаясь своему другу.

– Ты не раз говорил, что хочешь переменить свое имя – что прежняя вполне заслу-

женная слава перестала удовлетворять тебя. Так вот теперь и это твое желание исполнилось!

– Нет, мой Олав, не говори так, не терзай моего сердца. Если я и приобрел новое имя, то это имя полно позора, оно – имя предателя.

Олав с изумлением поглядел на своего друга, закрывавшего в тоске лицо руками.

– Не могу понять, почему ты считаешь себя предателем? – пробормотал он.

– Разве не я привел вас на ту землю, которая была моею родиной?

– А, вот что! Ну, забудь об этом. Прошлого все равно не вернешь, будущее же наше. Не горюй! Кто знает, может быть, для блага этой страны привели нас сюда светлые асы. Храбр этот твой народ, но дик он. Может быть, нам удастся заставить его позабыть свою дикость. Но перестанем говорить об этом. Хочешь знать, как зовут тебя побежденные, как произносится среди них твое имя?

Олав несколько мгновений помолчал и затем, таинственно нагнувшись к вождю, произнес:

– Рюрик!

– Что? – воскликнул тот. – Рюрик – сокол! Не может быть!

– Да, да, – подтвердил Олав, – ты сам знаешь: «рюрик» на языке скандинавов и «сокол» на языке славян – одно и то же. «Ваш вождь хищным соколом налетел на Ильмень», – говорят пленные. Даже и в песнях их ты так называешься! Вот тебе и желаемое тобою имя! Доволен ли ты, мой вождь?

Он при последних словах с тревогой взглянул на предводителя варягов, словно в забытьи шептавшего:

– Что же? Неужели же исполняется предсказание? Я стал соколом. Да, соколом. Рюрик я!

– И ты непременно должен принять это имя! – серьезно сказал Олав. – Помни, что ты добыл его на полях битв, что сами побежденные так называют тебя. Повторяю тебе, ты должен назваться Рюриком.

– Так и будет! – пылко воскликнул предводитель варягов. – Все кончено! Велика и всемогуща воля богов! Нет более на белом свете Избора! Я Рюрик! Так зови ты меня, Олав, так пусть отныне зовут меня все мои храбрые то-

варищи.

Весь словно преобразовавшийся, с пылающим лицом вышел он, сопровождаемый Олавом, из шатра.

Их встретили громкие приветственные клики собравшихся у своего вождя храбрецов.

– Да здравствует наш храбрый Рюрик! – пронесся по полям славянским восторженный крик.

Скандинавы и варяги подняли вождя на щит и с громкими восклицаниями обнесли его вокруг лагеря.

Мысли Рюрика (так и мы будем теперь называть Избора) были далеко.

– Я стал Соколом! – размышлял он. – Что предсказала мне старая ведунья – исполнилось. Кто знает, может быть, исполнится и остальное.

И какой-то невидимый голос так и шептал у него над ухом:

– Владыкою полумира будешь ты!

2. ПРОБУДИВШИЙСЯ БОГАТЫРЬ

*«Посмотрел, тряхнул главою,
Ахнул дерзкий и упал».*

М. Лермонтов

Малоги стояли селения славянские, сгорели одни, сейчас же и другие поставить можно. Меха же, которые награбили пришельцы, тоже добыть не трудно – много зверья в лесах приильменских, но было другое.

Варяги не за одной добычей пришли на Ильмень. Был у них и иной план. Они смотрели на приильменские земли как на начало своего великого пути «из варяг в греки» и полагали, что если оно будет в их руках, то и конец его, выходящий в Понт Эвксинский (Черное или Русское море), будет также свободен для них, а стало быть, и пышная Византия со всеми ее сказочными богатствами, собранными со всего мира, будет для них всегда доступна.

Таким образом, пришельцы старались не столько о добыче, сколько о том, чтобы и укрепиться на Волхове и Ильмене.

Но и между варягами, в особенности между варягами славянского происхождения, царила рознь, так же, как и между славянами. Отдельные вожди действовали каждый по-своему. План завоевания задуман был хорошо и обличал в своих составителях большую политическую мудрость, но приведен был в исполнение далеко не так, как того ожидали вожди пришельцев. Вся страна Приильменская очутилась во власти варяжских дружин, но варяги, вопреки плану пославшего их в этот набег тинга, не заботились об упрочении власти, а спешили, покончив с грабежом, уйти скорее в далекую Византию, где их ждала новая добыча и куда их влекло любопытство.

Но многих из них тянуло и домой, в дорогие сердцу шхеры и фьорды Скандинавии.

Когда варяжские ладьи нагружены были обильной добычей, многие предводители этих дружин не шутя стали поговаривать, что пора бы возвратиться в родные края.

– Нигде так долго мы не засиживались, – толковали в стане варягов, – не с пустыми руками домой приедем.

Только хёвдинг, назначенный тингом, ес-

ли и не был против возвращения, то все-таки хотел выполнить принятый на тинге план.

– Други, – говорил он, посоветовавшись с начальниками дружин, – нельзя нам выпустить из рук то, что мы приобрели мечом. Подумайте сами: из Нево по Волхову идут наши ладьи в далекую Византию, а если мы оставим эту страну, не удержав ее в руках своих, то окрепнут роды славянские и не будут пропускать наших дружин за Ильмень.

– Правда, правда, – слышались голоса в ответ на эту речь.

– Вот и должны мы владеть всей этой землей, чтобы проход к элинам всегда был нам свободен, – так и тинг решил.

– Знаем, что тинг так решил, но как это сделать?

– Пусть некоторые из нас с дружинами останутся в землях приильменских, одни в Новгороде, другие по Ильменю, а третьи пусть собирают дань с племен окрестных. Обложим мы племена и роды славянские данью тяжелой только для того, чтобы знали, что есть над ними власть и не осмеливались бы выйти у нас из повиновения.

– Верно! Обложить их данью! Взять с «носа», как у нас в Скандинавии.

– С носа нельзя – где их всех сосчитаешь! Будем брать с «дыму» по шкурке куничьей.

Так и было решено.

Впрочем, в этом случае Рюрик действовал не совсем самостоятельно. Главную роль тут играл новгородский посадник Гостомысл, признанный всеми без исключения в северном славянском союзе мудрецом. Он-то главным образом и советовал Рюрику обложить приильменских славян данью. Мало того, что советовал, настаивал даже. Только последствия показали, к чему в этом случае стремился мудрый старец.

«Пусть на себе узнают, как тяжело ярмо иноплеменника, – думал славный посадник, – сдавят, стиснут их варяги, поймут тогда они, что не в них сила, а в одной крепкой власти, которая всеми бы делами правила, все в порядке держала, от врагов защищала и суд правый творила».

С этим именно расчетом он и уговаривал варяжского вождя обложить приильменцев данью.

– Пока все еще ничего, – предупредил, однако, Гостомысла Рюрик, – но я знаю своих удальцов, не стерпят они и будут двойную дань обирать, затяготят они роды славянские.

Гостомысл в ответ хитро улыбался.

– В их пользу это будет, – говорил он.

Рюрик верил мудрости Гостомысла и потому не замедлил исполнить его желание: все славяне, включая весей, мерю, кривичей, были обложены варягами данью.

Но опасения его все-таки оправдались.

Лишь только главные силы Скандинавии ушли с Ильменя, оставшиеся вожди дружин почувствовали себя полными хозяевами покоренной страны.

Пока оставался здесь Рюрик, положение побежденных все-таки было еще сносно.

– Гостомысл! Ты раскаиваешься теперь в том, что просил меня наложить дань на славян? – спрашивал Рюрик при прощании.

– Нет, раскаиваться не в чем. Каждая беда – хорошая наука для будущего. Пусть усилится еще более ярмо рабства над ними и тогда, тогда я, может быть, умру, достигнув для своего народа того, о чем мечтал всю жизнь.

Варяги стали уходить. Одна за другой спешили за Нево их дружины, лишь некоторые остались и принялись по-своему хозяйничать в покоренной ими богатой стране.

Тяжело и постыдно было для никогда не знавших над собой ничьего господства славян это иго чужеземцев.

Варяги не церемонились с ними. Как и предвидел Рюрик, они не только стали собирать двойную и даже тройную дань с покоренного народа, но и всеми силами старались унижить его, оскорбить его достоинство, показать, что с тех пор, как нога северных пришельцев ступила на славянскую землю, все славяне стали не свободными, а рабами.

Увидели ильменцы, что плохо их дело.

– Прогнать бы за моря проклятых варягов, – толковали в приильменских родах, – снова зажили бы прежней жизнью.

Но те, кто помнил эту «прежнюю жизнь» приильменских родов, в ответ на эти речи печально покачивали головами.

– Ох, не будет толку, – говорили они. – Снова не станет правды между нами!

Гостомысл, между тем, не дремал. В его хо-

ромах в Новгороде собирались родовые старейшины, велись долгие беседы о том, как поправить дела, как восстановить в блеске и могуществе родную страну приильменскую.

Никогда мудрый новгородский посадник, одряхлевший телом, но юношески бодрый умом, не выражал собеседникам своей заветной мысли о необходимости крепкой единой державной власти для всех без исключения славянских родов. Знал он, что всегда найдутся среди старейшин поборники прежних, приведших к тяжким бедствиям вольностей, люди, которые ни за что не решились бы даже ради блага своей родины поступиться ими. Зато, не говоря об единой власти прямо, Гостомысл рассказом, побасенкой, метким словом постоянно втолковывал им свою заветную мысль.

Первая искра – мысль о единой державной власти, – зароненная уже в славянский народ на тех же берегах Ильменя старым Радбором, разгоралась мало-помалу в яркое пламя.

Но время шло.

Гнет варягов становился все тяжелее и тяжелее. Изнывали под ним славяне. Все боль-

ше и больше выбирали с них дань пришельцы, били смертным боем непокорных, не разбирая при этом ни правых, ни виноватых.

И вот зашумела, заволновалась, наконец, вся страна приильменская. Годы неволи не пропали для нее без пользы. Нагляделась славянская молодежь на пришельцев с дальнего Севера, их ратное дело изучила, оружие себе научилась ковать по их образцам, обычаи их многие переняла, и вдруг почувствовала земля славянская великие в себе силы.

Проснулся мощный богатырь.

Проснулся-потянулся по славянской привычке, глянул кругом и встал.

Встал на горе врагам.

Поднялась как один человек, вся страна приильменская, зазвенели мечи, застучали щиты, огласили всю ее стоны раненых и умирающих, осветило ее зарево пожаров.

Горе врагам.

Как ни отчаянно храбры были пришельцы, но мало их было, не по силам им противиться пробудившемуся чудо-богатырю – народу славянскому.

Гонят пришельцев славяне из всех мест и

местечек, где осели они, эти дерзкие варяги, жгут их крепостцы, в полон никого не берут – всем чужеземцам за долгие годы неволи народной одно наказание – лютая смерть.

Недолго продолжался неравный бой.

Обсидевшиеся, обленившиеся в годы покоя варяги не противились славянам и толпами побежали за Нево на свою неприветливую родину.

А оттуда им помощи никакой не могли подать.

Рюрик, возвратившийся к своей Эфанде, недолго оставался под родной кровлей.

Не любили засиживаться дома скандинавские мужи. Сладки чары любви, отрадна прелесть домашнего очага, но едва прозвучал по фьордам рог призывной – зашумели ратным шумом и города, и селения, со всех сторон стали собираться на тинг люди.

Морской конунг Старвард созывал дружины для набега на страну пиктов, где царствовал Этельред, его давнишний противник.

Как ни страстно хотелось Рюрику побыть с молодой женой под кровлей родимой, но ни на миг он не допустил мысли остаться дома и

отказаться от участия в набеге.

Поднял он свои варяго-росские дружины, покинул Эфанду и во главе своих воинов явился к Старварду.

Нечего и говорить, что варяги, да еще под начальством их славного вождя, с радостью были приняты конунгом.

Ни одной слезинки не проронила Эфанда, провожая супруга в полный всяких случайных и явных опасностей поход, но если бы он мог заглянуть ее сердце, то увидал, что оно разрывалось на части от тяжелого горя.

Но скандинавские женщины умели владеть собою, и Эфанда ничем не выдала своей печали.

Только когда скрылись за горизонтом белые паруса уплывших драккаров, тяжело вздохнула она и на ее голубых, что весеннее небо, глазах заблестели слезинки.

В жарких сечах с врагами прошло два года. В битве забыли берсерки об оставленной ими родине, а об Ильмене само собою уже и не вспоминали.

А там уже, на берегах великого славянско-го озера ни одного пришельца не осталось.

Снова стал свободен народ славянский.

Вместе с ним сбросили чужеземное иго и чудь, и весь, и меря, и кривичи, и дреговичи, и все другие маленькие племена, названия которых не сохранились.

Освободились, вздохнули. Но надолго ли?

3. ПОСЛЕ НЕВОЛИ

«И пошел род на род, и не стало правды...»

Летопись

Освободился народ славянский от чужеземного ига, но горький опыт не научил его ничему.

Сказалась славянская натура, и лишь только на Ильмене не осталось ни одного варяга, все там пошло по-старому.

Снова начались бесконечные раздоры. Дух своеволия остался на ильменских берегах.

Даже Новгорода перестали бояться роды славянские.

– Что нам Нов-город! – толковали на Ильмене. – Засел на истоке и важничает.

– Не таких мы видали! На что грозны варя-

ги, и тех не испугались, а то – Нов-город!

– Эх, сложил Вадим буйную голову. Будь он с нам, показали бы мы себя Нову-городу!

Когда более благоразумные спрашивали крикунов, чем им так досадила Нов-город, те с важностью отвечали:

– Не по старине живет! Больно богатеет. Это он на Ильмень и варягов-то приманил!

Раздоры постоянно шли на берегах великого славянского озера. Где-нибудь да скрещивались мечи, лилась братская кровь; никто не хотел знать над собой никакой власти, все сами желали властвовать и быть над другими старшими.

С удивлением смотрели на приильменцев наезжавшие по торговым делам в Нов-город кривичи и люди из веси и мери.

Они также попали было под власть варягов, но, стряхнув с себя чужеземное иго, не ссорились между собой и жили тихо и спокойно.

– Из-за чего у вас на Ильмене такие пошли раздоры? – спрашивали они у новгородских мужей.

– Побыли с варягами, – отвечали те, не

скрывая даже своего горя, – посмотрели на них, да от них такому озорству и научились. Что теперь и делать, не знаем.

– Страшные дела на Ильмене творятся. Что и говорить, последние времена для народа славянского пришли. Стыдно молвить: при варягах куда лучше и спокойнее жилось.

– Да, если так пойдет, – слышалось другое мнение, – снова придут к нам варяги или другие какие чужеземцы, верьте слову, голыми руками нас перехватывают.

– А теперь, после того как прогнали мы их, не дадут уже никому пощады. Пропадет земля славянская.

Так говорили в Нове-городе, где ясно видели печальные последствия раздоров, но не так думали в родах.

Действительно, наглядевшись на пришельцев, родичи вдруг набрались храбрости.

Никого, кроме своих, на беспредельных пространствах земли славянской не было, не с кем было схватиться – силами померяться, и вот, за недостатком чужих, роды боролись и бились друг с другом.

Наконец мало показалось им страны при-

ильменской.

Стали все чаще и чаще повторяться разбойничьи нападения на соседних кривичей, весь, мерю, да чудь голубоглазую.

Те, как могли, отражали эти нападения. Кровь лилась рекой.

Но так не могло долго продолжаться.

После долгих советов между собой отправились в Нов-город послы и старейшины от кривичей, веси, мери.

К ним присоединились и дреговичи, тоже не мало терпевшие от нападений приильменских разбойников.

Не суда, не управы отправились искать они по прежнему примеру; знали все, что и Нов-город бессилен был в этой борьбе с ужасным злом. Но одно уже имя славного центра всего северного союза славян было по-прежнему для них обаятельно. Если не ратной силы, так разумного совета ждали они от новгородцев.

Издавна это повелось. И теперь, в последний раз, решились так поступить обиженные соседние племена.

– Что скажут в Нове-городе, тому и быть;

силой помочь не могут, пусть совет мудрый дадут, – толковали послы. – А нет, так и без них управу найдем. Хоть к ханам козарским обратимся, а себя в обиду не дадим.

Узнав, за каким делом пришли в Нов-город послы кривичей, веси и мери, явились туда и старейшины приильменских родов.

Их, строго говоря, нельзя было без оглядки винить за все происходившее на берегах великого славянского озера.

Почти все они были почтенные старики, ясно видевшие, к каким печальным последствиям должны были привести постоянные раздоры родичей. Но что они могли поделать с буйной, вышедшей из повиновения молодежью?

Нов-город, несмотря на свое бессилие, в их глазах пользовался прежним обаянием, да кроме того, в нем жил еще тот, кто пользовался уважением всех без исключения приильменских и соседних с ними славян – старец Гостомысл.

И только новгородцы недовольны были своим посадником и давно уже зрело среди них недовольство. Им все казалось, что ум-

ный посадник слишком уж много забрал себе воли, когда еще не был так дряхл, соединил власть в одних своих руках, а этого новгородцы вынести не могли. Не в их нравах было лишиться каких бы то ни было своих прав и преимуществ. Мужичи новгородские отлично сознавали все значение Нова-города в северном славянском союзе, знали, что Нов-город всегда был средоточием, центром торговым всех окрестных племен, знали, наконец, что далеко-далеко за морями все представление о славянстве складывалось только по Новгороду.

А тут вдруг один человек, поставленный ими на самую высокую ступень веча, замыслил, как им казалось, захватить всю власть, присвоить себе всю славу, которая составляла их гордость.

– Нет! Не бывать этому! Пусть лучше один Гостомысл погибнет, чем вся вольность новгородская! – кричали на вечах.

Пока были варяги, за Гостомысла держались крепко, но как только прогнали пришельцев, его ссадили с посадничества яко бы «за ветхостью».

Но он не потерял прежнего уважения и прежней любви. Славяне привыкли его считать мудрее всех на Ильмене и, отстраненный от власти, Гостомысл правил всеми делами по-прежнему.

Как бы то ни было, он явился единственным человеком, от кого собравшиеся на решительное вече представители племен могли ждать мудрого совета.

4. ОТЕЦ РУССКИХ ГОРОДОВ

*«Новгород – отец городов русских».
Летопись*

Вечевой колокол в Нове-городе громко и мерно, а вместе с тем тоскливо звонил, созывая всех новгородцев на площадь в Детинце.

Звон его гулко разносился ветром во все концы новгородские, будя заспавшихся, отрывая от дел заработавшихся.

Уже в то время своей планировкой Новгород резко отличался от других городов и селений славянских. В нем были довольно правильные улицы, и сам он в административ-

ном отношении разделен был на пять «концов».

Уже по одному этому названию частей древнего города можно судить, что если были «концы», то был и центр – середина, куда они сходились. В этой середине находился сам город, по нынешним понятиям, крепость, защищающая и господствующая над всей остальной местностью. В случае нападения в город собиралось все население концов – женщины, дети, старики, спасалось имущество. Там затворившиеся жители-мужи или «отсиживались» от дерзкого врага, или под предводительством своих тысяцких, сотников и десятников выходили на бой.

Управлялся Новгород и вся принадлежащая к нему область посадником, выбиравшимся на вечевом собрании обыкновенно из наиболее почетных и уважаемых граждан.

Пусть не думают, что новгородский посадник был нечто вроде бургомистра вольных городов Запада. Если это и не был неограниченный повелитель – власть свою новгородский посадник разделял с вечем, – то, во всяком случае, в тех делах, где не требовалось

вмешательства веча, он мог распоряжаться безотчетно. Словом, тогдашний новгородский посадник, первый муж в Новгороде, бы кем-то наподобие президента современной республики, только с гораздо большими правами и полномочиями.

После посадника самыми важными людьми в городе были управлявшие «концами» «старосты городского конца», из которых каждый имел своих помощников – подстарост, или «уличных старост», наблюдавших за порядком.

К каждому из новгородских концов была приписана еще пятина, пятая часть новгородской области, разделенной по числу концов на пять пятин. Пятина управлялась своими старостами, но эти последние были подчинены старостам городских концов, которые и управляли ими, отчитываясь за свои действия только посаднику да вече.

При посаднике, старосте конца и старосте пятины были советы из наиболее уважаемых мужей. Все дела в них решались после всестороннего рассмотрения большинством голов. Пятинный совет, обсудив дело, представ-

лял его на решение «малому вечу», или сходке, после этого дело переходило к старосте городского конца, а если оно касалось общих выгод, то через посадника шло на «большое вече», право участия в котором имели все свободные новгородцы.

Мир, война, казнь свободного гражданина, изгнание его, новые налоги, обязанности службы – все это бесповоротно решалось вечем. Этот образ правления для небольшого города был самый естественный. Для изобретения его нашим предкам не надобно было прибегать к опыту чужеземцев. Местные потребности и свойства самих славян подсказали его и утвердили в течение многих веков.

Высшим сословием в народе были «мужи степенные», занимавшие обыкновенно важные должности. Посадник всегда избирался вечем из числа мужей. Кто хоть раз был посадником Нова-города, тот уже на всю свою жизнь получал титул старшего посадника, тогда как находившийся в должности посадник назывался «степенным».

Мы думаем, читателю небезынтересно узнать происхождение этого слова, тем более,

что оно до сих пор существует в нашем родном языке. И теперь «степенный» значит «важный, порядочный». Это эпитет человека, на которого всегда можно положиться. Несомненно, что слово «степенный» происходит от «степени». Но откуда же произошло слово «степень»? По всей вероятности, от «ступень». На всех вообще славянских вечеах устраивалось посредине площади возвышение, на которое всходили представители власти. На первой ступени помещались старосты, на следующей, выше старост, совет посадника, состоявший из степенных бояр, и, наконец, на самой высшей ступени, или степени, стоял сам посадник, управляя собранием.

Так как на ступенях вечевого возвышения стояли мужи, облеченные народным доверием, то ничего нет удивительного, что управляемый ими народ стал звать их «степенными», а когда ступень стала указанием на повышающее качество, то мало-помалу слово это изменилось в «степень». Таким образом, и за людьми, призванными к делам правления, осталось прозвание «степенных».

Степенными назывались, как мы видим,

бояре, составляющие совет посадника. Бывшие степенные бояре, уже удалившиеся от дел правления, назывались старшими боярами.

Богатые земледельцы, купцы и вообще те, кто теперь носит название зажиточных, в те времена назывались «житыми людьми», а сам народ разделялся, в свою очередь, на мужей и людей, или «людинов».

Мужами назывались вообще люди свободные, имевшие свою недвижимую собственность, собственные участки земли. Людины были тоже свободные, но недвижимой собственности у них не было, и они, платя известную подать или оброк, а иногда выполняя при мужах ту или другую обязанность, жили на землях последних.

Но иногда людины имели свою собственность, и в этом случае они брали чужие земли на откуп на правах известной подчиненности.

Последнее сословие составляли рабы – купленные или плененные люди. Рабство всегда процветало между славянами. Во времена глубокой древности полуварварские племена

наших предков ходили на лов людей так же, как на веселую охоту. Эти плененные люди и становились рабами – обыкновенно, то были иноплеменники.

По древнейшим законам наших предков, славянин не мог быть рабом славянина. Однако отдельные славянские племена редко жили между собой дружно. Между ними шли постоянные распри. Племя нападало на племя, победители уводили с собой побежденных, заставляя их в течение того или другого срока обрабатывать землю, выполнять тяжелые работы. Но все-таки эти пленные единоплеменники – мы уже видели, что племенная связь была между всеми славянами, – никогда не были рабами. По истечении известного срока им давали свободу, в плену же они пользовались правами членов семьи своего хозяина. Выйдя на свободу, эти пленники, в большинстве случаев, оставались свободными и получали название «черных» людей, которых впоследствии стали называть смердами.

Но смерды были вполне свободное сословие. Они имели право переходить от одного

землехозяина к другому, однако права участия в общественных делах не имели, точно так же, как не имели права занимать какие-либо общественные должности.

Наконец, у северных полян было еще одно свободное сословие – огнищане. К ним относились все свободные граждане, не имевшие особого звания, но жившие в своих хижинах на пустой земле. Это сословие соответствовало нынешним мещанам, а если принять во внимание, что при собрании податей семейства считались по домам, по числу огниц, то станет вполне понятным и название «огнищане».

Все прочие подразделения сословий вошли в славянский быт гораздо позже, когда сформировалась единая государственная власть. В древности же у наших предков все должно было быть по возможности просто, согласно патриархальному быту народа.

5. ВЕЧЕ

*«Время пролетело,
Слава прожита,
Вече опустело,
Сила отнята...»
Губер*

Под звуки вечевого колокола сошлись старейшины и весь народ новгородский на площадь.

На этот раз с первого взгляда было видно, что вече собиралось какое-то совсем особенное. Оно не носило своего обычного бурного характера. Не слышно было задорного звона вечевого колокола. Он прозвонил уныло, тоскливо, грусть наводя на новгородские сердца, и смолк. Все были смущены, растеряны, каждый из вечевиков угрюмо молчал.

Вот раздался обычный пред началом каждого вечева оклик глашатого:

– Слушайте, вы, мужи новгородские, и вы, людины, сюда собравшиеся! Слушайте – и распри свои забудьте. Посадник со степенными боярами идут сюда дела решать вместе с

вами.

Действительно, в народе со стороны хорм, стоявших за стенами Детинца, в некотором отдалении от вечевго помоста, произошло движение. Стоявшая там толпа разом сдвинулась, стесняясь, расступаясь перед рослыми молодцами-воинами, открывавшими шествие посадника на вече.

Дружина, провожавшая важнейших людей союза, была невелика. Не более шести-семи пар прекрасно вооруженных воинов шло впереди, молодецкато опираясь на высокие копья. Головы их, вопреки тогдашнему обычаю были не покрыты, а по моде, перенятой у варягов, выбриты так, что спереди оставалась одна длинная прядь волос – чуб. Бороды у некоторых также были выбриты, но большинство все же оставалось бородатыми. К поясу каждого на широкой перевязи подтянут был большой меч, за рукоятку которого дружинники держались с самым бесстрашным видом.

За дружинниками шли старосты всех концов Нова-города. Они были разодеты по праздничному. На каждого поверх легкой

тканой рубашки накинута были богатые парчовые кафтаны, привезенные сюда заезжими гостями из далекой Византии. Концевые старосты имели важный вид и свысока оглядывали расступавшуюся перед ними толпу.

Далее среди старшин и степенных бояр шел сменивший Гостомысла посадник, казавшийся каким-то растерянным.

Все поглядывали в молчании на это шествие, словно ожидая увидеть еще кого-то.

Ожидания не оправдывались.

Не вышел на тоскливый звон вечевого колокола тот, кого давно уже привык Новгород, да и все его соседи считать мудрейшим из мудрецов.

Совсем одряхлел славный Гостомысл, тлет еще искра жизни в разрушившемся теле, но силы окончательно оставили его.

А давно ли еще, всего только до варягов, видели вечевики своего посадника вот также шествовавшего на вече, где он всегда был готов на всякую борьбу с легко воспламеняющимися страстями буйных и своевольных сограждан. Тогда это был высокий, представительный старик. Внешность его невольно

внушала почтение. Он на полголовы был выше других степенных и старших бояр, так что в толпе их всегда был хорошо заметен. В ясных голубых глазах светились редкий ум и энергия. Движения его были плавны и властны, а резкий, несколько отрывистый голос указывал на привычку повелевать.

Теперь его не было видно на вечевом помосте, и вече без него было не вече.

Это еще более смутило вечевигов.

Прежде речью мудрой, советом разумным вызволял посадник своих сограждан из всякой опасности, а теперь кто их из беды вызволит, кто доброе слово им скажет?

При всеобщем молчании началось вече.

– Мужичи новгородские и людины, – заговорил старейшина одного из сильнейших соседних племен, кривичей, – от лица всех родов наших держу я речь к вам: нельзя жить так, как живем мы! Посмотрите, что творится на Ильмене! Восстал род на род, не стало правды.

– Верно! – раздались отдельные восклицания. – Пропала правда с Ильменя!

– Совсем житья не стало. При варягах куда

лучше жилось. Все знали, у кого искать управу.

– Так вот, вы и рассудите, как быть нам, – продолжал кривич. – Пока вы там у себя на Ильмене спорили да ссорились, да кровью родною землю свою поливали, ничего не говорили мы... а вот нынче и нам от вас терпеть приходится. Не дают нам спокойной жизни ваши буяны. Приходят с мечом и огнем в нашу землю, терпенья не стало совсем. Страдаем тяжело мы,

– И нам тяжело, и мы! – подхватили старейшины веси, мери и дреговичей. – К вам управы пришли искать. Уймите вы своих на Ильмене.

Мужья новгородские смущенно молчали, не зная, что и отвечать на эти вполне справедливые укоры.

– Почтенные старейшины, что и сказать вам, не ведаем мы, – потупив глаза, заговорил заменявший Гостомысла посадник из степенных бояр. – Стыдно нам, ох как стыдно, а что поделать с нашей вольницей – не знаем. Слабы мы после варяжского нашествия, сами вы видите; как гнали мы варягов, полегли наши

силы ратные на поле бранном, да и до этого еще варяги как пришли, многих побили, вот теперь никто и знать не хочет господина великого Нова-города.

– Большое спасибо вам за слово это, за признание честное! – крикнул старейшина кривичей. – Не потаили вы от нас правды, хотя и горька она, вот и мы теперь вам тоже скажем, что решено у нас на нашем вече. Тоже правдиво скажем. Хотите ли выслушать нас?

– Говори! Говори! Слушаем! – раздалось со всех сторон.

– Решили мы сами от вашей вольнице обороняться огнем и мечом, решили разорить гнезда разбойничьи на Ильмене, и прямо говорю: идем на вас войною.

– И мы с кривичами пристанем! – выступил посланец мери. – Скажи своим: и мера вместе с кривичами на Ильмень боем идет!

Выступил старейшина дреговичей.

– Правду сказал посланец кривичей, – заговорил он, – и нам, дреговичам, не остается ничего другого делать, как взяться за оружие и всем вместе идти на вас войною! Знайте же это.

– Война так война! Бой так бой! – закричали более молодые и горячие из собравшихся на вече. – Ишь чем пугать вздумали. Не таких мы видали. На что варягов – и тех прогнали! А варяги не чета вам! Суньтесь только – всех повырежем.

– Не без нас вы с варягами справились! – возразил кривич. – А вот что я скажу вам: если отвернется от нас ратное счастье, так порешили мы обратиться за помощью к ханам козарским.

Как громом поразила эта весть новгородцев.

– Опять польется кровь славянская! – с горем воскликнули бояре. – Прогневали, видно, Перуна мы, ослепляет он нас! Брат на брата смертным боем идет и чужаков на брата ведет. Страшное дело! Грозное дело!

Вдруг все вече как-то странно заволновалось. В толпе раздались крики изумления и восторга, почти все обнажили головы.

– Что случилось, что там? – слышались тревожные вопросы с вечевого помоста.

– Гостомысл! Гостомысл! – раздались им в ответ громкие, радостные крики.

6. ГОСТОМЫСЛ

*Страха не страшусь,
Смерти не боюсь!
Лягу за царя, за Русь!
Из оперы «Жизнь за царя»*

Действительно, Гостомысл захотел присутствовать на этом последнем в его жизни вече. Дряхлый старец не мог идти сам. Ноги давно уже не держали его ветхого тела, он приказал нести его на носилках. Было что-то торжественно-трогательное в этом шествии. Четверо рослых молодцов, на лицах которых ясно выражалась глубокая скорбь, высоко несли легкие носилки, где полулежал-полусидел ветхий старец с поникшей на грудь головой.

Длинные седые волосы его развевались на ветру, руки беспомощно повисли, лицо приняло землистый оттенок, только глаза одни по-прежнему сияли почти юношеским блеском.

Окружавшая вечевой помост толпа с почетом расступилась, пропуская вперед но-

силки. Сердца всех забились надеждой – все предвидели, что Гостомысл, много раз выручавший народ славянский своим мудрым словом, и теперь найдет выход из того положения, в которое поставили приильменцев их раздоры.

Носилки с Гостомыслом внесли и поставили на площадку вечевого помоста у самого колокола. Сразу затихло все кругом.

– Знаю я, что собрались вы толковать о важных делах, – заговорил Гостомысл, – как степенный муж новгородский и посадник старший, решил и я принять участие в вече. Поведайте мне, о чем говорите.

Гостомыслу передали слова кривичей, передали также и о желании других соседних племен примкнуть к ним и вместе идти войною на приильменцев и Новгород.

– Не страшны нам они. Что кривичи? Что меря и остальные? – говорили Гостомыслу. – Они грозят нам козарскими ханами; не бывать этому. Мы истребим их до единого, не оставим даже на племя.

Гостомысл в ответ на эти слова покачал головой.

– Слушайте, мужи новгородские, скажу вам правдивое слово. Слушайте вы, старейшины ильменские, и живое слово. Слушайте вы, старейшины кривичей, и мери, и веси, и дреговичей, всех нас одинаково касается это дело. Побьете вы, мужи новгородские и старейшины ильменские, всех их, – кивнул Гостомысл в сторону старейшин соседних племен, – что же из этого? Вспомните, какую кровь вы прольете. Своих же ведь. И кривичи, и другие – те же славяне. А разве мало в Нове-городе семей, где матери, жены у соседей взяты, разве мало дев приильменских к соседям ушло? Вспомните вы и подумайте, что вы затеяли.

Гробовая тишина стояла кругом. Вечевики затаили дыхание, боясь пропустить хоть одно слово из речи своего старого посадника, а он воодушевлялся все более и более.

– Напитается братскою кровью славянская земля, – продолжал Гостомысл, – так легче ли будет? Все на Ильмене пойдет по-старому, и всякий чужеземец, как варяги, придет и захватит нас, в рабов обратит.

– Так что же делать? – раздались голоса. –

Как поступить, как? Не стало меж нами правды!

– И не будет ее во век, если сами вы не образумитесь. Знаю я, восстал на Ильмене род на род. Не виню я старейшин ни в чем, каждый из них себе и своему роду добра и правды ищет, да в том-то и дело, что у каждого из нас правда-то своя. Один думает так, другой – по-другому. И никогда на Ильмене кровь и раздоры не прекратятся, если только во всей земле славянской не будет одной только правды, правды равной для всех.

– Где же нам искать ее, скажи, Гостомысл? Справедливо ты говоришь, что нужно одну только правду, да где она? – заговорили кругом.

– Где? Слушайте, скажу я вам сейчас. Между кем идут раздоры у нас? Между родами. А родича если родич обидит, у кого он правды и суда ищет? У старейшины. И знаю я, что находит он свою правду! Родич на родича смертным боем не идет, а род на род, чуть что, с мечом поднимается. Отчего так? Оттого все, что не у кого родам в их несогласиях между собой правды искать, не к кому за судом скорым и

милостивым обратиться, вот что. Что с семьей бывает без хозяина? Брат с братом враждовать начинает, если старшего не останется, так и у нас на Ильмене. Вот подумайте над моими словами, да догадайтесь, что мы должны делать.

– Старейшину над старейшинами надо поставить, чтобы суд творил и обидчиков наказывал! – закричало несколько голосов.

– Верно, верно, Гостомysl прав! – раздались со всех сторон восклицания не только приильменских старейшин, но и старейшин соседних племен.

Вече воодушевлено было мыслью о прекращении наконец тягостных междоусобиц и, как утопающий за соломинку, ухватилось за совет своего мудреца.

– Выберем сейчас же старейшину над старейшинами, пусть он судит нас! – крикнули с нижних ступеней веча.

– Пойдите, – остановил их Гостомysl. – Дослушайте, мужи и старейшины. Выберем мы старейшину над старейшинами, и, думаете вы, прекратятся раздоры? Нет, никогда этого не будет, все по-прежнему пойдет.

На этот раз вече пришло в недоумение.

– Будет ли кто слушаться выбранного вами же мужа, будет ли кто исполнять его решения? В споре ведь всегда одна сторона недовольна, а кто ее принудит выполнять, что старейшина верховный присудит? Никто. Вот и будет недовольных уже две стороны. Одна за то, что ее принудили, а другая за то, что принужденного не исполнили; опять раздоры, опять несогласие. Опять кровь польется.

– Так как же нам быть, Гостомысл? Вразуми, научи нас. Мы верим твоей мудрости, скажи, как быть?

Гостомысл вдруг сделал такое усилие, на которое казалось неспособным его дряхлое тело, – приподнялся на носилках.

– Не старейшину надо нам, а князя, слышите, князя, который бы правил нами, не спрашивая нас, чего мы хотим и что по-нашему правда, который бы силой заставлял виновников выполнять присужденное, который бы со своей дружиной нас от врагов оборонял, в обиду не давал. Вот что нам надо.

Гостомысл затих. Несколько мгновений после него и вече хранило гробовое молча-

ние.

– Что же, мужи, прав наш посадник, – заговорили некоторые, – нужен нам всем один князь полновластный.

– Вспомним варягов, и не князья они были, а хорошо при них жилось нам! – воскликнул старейшина кривичей. – Знали, где на злого человека управу найти.

– Верно, справедливо! Князя, выберем князя! – заволновалось вече. – Пусть он нами правит, только кого вот?

Все с надеждой обратились к Гостомыслу.

– Кого выбрать? – заговорил тот. – Да кого же? Родовые старейшины все здесь равные. Выберете одного, другой обидится, не захочет повиноваться ему, да и нельзя нам своего выбрать. Сейчас же он свой род на первое место поставит и другие роды угнетать начнет. Стерпят ли они? Опять несогласие да раздоры пойдут. Так?

– Так, так! Кто же своему не друг!

– Вот, если нельзя своего выбрать, выберите чужого.

– Как чужого? Что ты говоришь, старик, ты из ума выжил! – заволновалось вече.

– Долго вы меня слушали, дослушайте до конца, – не обращая внимания на шум, продолжал Гостомысл. Голос его с каждым словом все крепчал и крепчал. Он уже не дряхлым стариком казался в эти мгновения. Порыв восстановил его силы. Гостомысл приподнялся, сел и громко, так что слышали все собравшиеся вокруг, начал: – Добра вы ищете, добра себе хотите, так слушайте же, где оно! Сами вы решили, что нужен нам князь, только при его единой воле прекратятся наши раздоры. Сами же вы сознались, что своего князя нельзя выбрать потому, что не будет к нему от родов славянских должного почтения и уважения. Сказал я вам, что нужно избрать чужого. Так вот, есть у меня, например, такой чужой, который в то же время и свой, для всех нас – свой, родной.

– Слушайте, слушайте, что говорит Гостомысл, – послышалось кругом.

Толпа сомкнулась еще теснее около помоста, воцарилась тишина.

– Есть за морем, в той стране, откуда приходили не раз к нам гости норманнские, славное племя россов; все оно состоит из выход-

цев с нашего родного Ильменя, и есть в этом племени три брата витязя, Рюрик, Сигур и Триар; пойдите к ним, умолите их, чтобы пришли они княжить и владеть землями славянскими, творить в них суд милостивый и правый, виновных наказывать, от врагов защищать. Согласятся они, придут к вам – благо всему народу славянскому. – Старик на мгновение остановился и затем продолжал с новой силой: – Пусть и племя свое возьмут они с собой, не чужие им россы, Ильмень им родной был. Вот где добро для всех славянских родов, вот где и правда великая, могучая. Послушайте меня, приведите к себе братьев-витязей, мир и согласие воцарятся между вами.

Гостомысл умолк и, тяжело дыша, почти без чувств опустился на носилки. Невообразимый шум поднялся на вече.

– Как, призвать россов, варягов? Давно ли мы сами их прогнали? – кричала одна сторона.

– С варягами лучше жилось, порядок был, – отвечали другие, – что же, что тогда прогнали? Теперь сами зовем.

Отдельные голоса слились в общий гул. Ве-

че шумело, кричало, но многим, очень многим пришлось по сердцу совет Гостомысла.

– Князя нужно, а призвать чужого – никому своим не обидно. Да и какие нам варяги чужие? Сами от нас счастья искать ушли!

Такое мнение преобладало.

Наконец, после долгого горячего спора, едва не дошедшего до рукопашной, решение было принято.

Вече согласилось с Гостомыслом. Призвать князей из-за моря, от варягов-россов, решено было окончательно.

В миг весь помост был облеплен нашедшими, наконец, выход из тяжелого положения старейшинами всех приильменских и соседних с ними племен.

Мудрец славянский, мертвенно-бледный, с закрытыми глазами, лежал на носилках.

– Гостомысл, Гостомысл, – наклонились к нему старейшины, – слышишь ли: весь народ славянский последует твоему совету!

Гостомысл открыл глаза, радостная улыбка озарила его лицо, тихое счастье засияло в снова загоревшихся глазах.

– Принял, принял, – прошептал он.

– Да, за море, к Рюрику, Сигуру и Триару, будут отправлены послы.

– О, счастье, счастье! – воскликнул старец. – Мужичи новгородские, и вы, старейшины, подойдите. Дайте мне умереть спокойно. Клянись, что князь будет призван.

Желание Гостомысла было исполнено. Тут же, на вечевом помосте, дали клятву возможно скорее призвать князей из скандинавского племени варяго-россов все приильменские старейшины, а с ними старейшины кривичей, веси, мери и дреговичей.

– Теперь я умру спокойно! – в порыве счастья воскликнул Гостомysl. – Родная страна! Великое будущее открывается перед тобой! Крепкая властью своего единого вождя, из века в век будешь процветать ты. Прекратятся в тебе раздоры, и, сильная, могучая, будешь ты расти, расти на славу нам и страх врагам. Все беды твои прекратятся, сильны славяне будут единой властью, и падут пред их великой страной в изумлении все народы.

В несказанном восторге, как бы видя пред собой какое-то чудное зрелище, Гостомysl протянул вперед обе руки и продолжил пре-

рывающимся голосом:

– Вижу в тумане многих веков, на севере дальнем, город великий. Вижу в тумане родную страну могучей и сильной, вижу державных вождей. Прежних раздоров как ни бывало. Мирным трудом поселяне свой хлеб добывают. Воинов рать от врага их хранит. Счастье, довольство в славянском народе. Боги! Вам слава.

Голос Гостомысла слабел и перешел, наконец, в чуть слышный шепот. Окружавшие его носилки старейшины с тревогой глядели на него. Вдруг старец вздрогнул всем телом и тихо опустился на ложе. Глаза его закрылись, но по лицу блуждала прежняя радостная, счастливая улыбка.

– Тише, заснул Гостомысл, – слышался шепот.

Но Гостомысл не спал. Дело его на земле было кончено, и душа оставила его дряхлое тело – он умер.

День клонился к вечеру. Последние лучи заходящего солнца озарили своим светом славян, в гробовом молчании окруживших смертный одр своего мудреца.

7. СРЕДИ ВИКИНГОВ

*«Воин от колыбели,
Я жизнь обрек свою!»
Сага об Олаве Трюггвассоне*

Между тем тот, имя которого у всех на Ильмене было на устах, ничего не знал об этом и даже предполагал созвать новый поход на славянщину.

Многое случилось с Рюриком перед возвращением на родину.

Когда конунг Старвард достаточно похозяйничал в стране пиктов, тут же решен был новый поход на страну франков. Мало добычи было у храбрецов, не хотелось им чуть не с пустыми руками домой возвращаться, вот и решились они навестить богатые берега франков, где уже – уверены они в том были – недостатка в добыче не будет.

Весело режут волны морские легкие драккары, с парусами, полными ветром.

Впереди всех идет драккар Рюрика, а за ним несется с других драккаров громкая песня викингов, подвиги которых уже успел вос-

петь скальд.

Звенел мой меч в тот день счастливый,
Когда ко вражеским брегам
Прибил его ветер прихотливый,
Готовил враг погибель нам.
Мечи звенели, стрелы пела,
Но нас враги не одолели,
Отброшен бешеный напор!
Звенел мой меч в день жаркой сечи
Среди Британии полей!
Рассек я шлем вождя по плечи,
Скатилась прядь его кудрей,
И умер он... Младые девы
Лобзали с горем милый прах,
И скальд сложил о нем напевы —
Напрасно женщины в слезах!
Нет в мире лучше дел войны...
Кто не был в битвах – прожил
скучно!
Как осень, дни его темны!

И радостно, радостно на сердце у Рюрика.
Идет он добывать славу и лучшие друзья с
ним. Вот драккар его названного брата, ур-
манского конунга Олава, с ним и братья Рю-
рика, Сигур и Триар, вон драккар кротких на-

званных братьев ярлов Аскольда и Дира, а вот рядом с ним его неразлучный спутник Рулав, храбрый берсерк, с лицом, покрытым бесчисленными шрамами – следами бесконечных битв.

Однако у франков храбрецы решили не задерживаться. Дошли до них слухи, что на Ильмене, который они считали своим, не все спокойно.

Да кроме этого, подумывал Рюрик о другом.

Нужно, чтобы весь великий путь из варяг в греки в их руках был, Волхов да Ильмень покорены, так и Днепр не мешает своим сделать.

Он уже делился своими планами с конунгами. Те одобряли.

– На Ильмене все звероловы живут, – говорили они, – и в землях Полянских и у древлян тоже немало нашлось бы для нас мехов дорогих.

– Поляне что! – презрительно произнес Рулав. – Знаю я их! На мужей не похожи, наши женщины их храбрее.

– Что так?

– Да так! Не меч у них главное, а свирель да гусли.

– Ну?

– Верно!

– Верно, верно! – поддержал Рулава присутствовавший при этом разговоре старый, везде, во всех морях побывавший викинг Ингелот. – Вот послушайте, что византийцы про славян рассказывают.

– Говори! Говори!

Ингелот крякнул, отпил из чаши крепкого вина и начал свой рассказ:

– Поймали как-то раз – давно это было, еще, пожалуй, и дедушки наши не вспомнят, а просто так рассказ из уст в уста идет, – поймали они трех каких-то чужеземцев в земле своей. Верно, думали, что это соглядатаи пришли слабые мечта вызнать. В то время хан Аварский на Византию шел. Народу с ним видимо-невидимо было, так и те, думали византийцы, к его дружине принадлежат. Забрали их византийские воины, привели к своему военачальнику, оглядывают там их – что за диво! Ни мечей, ни секир нет у них. Сами они все трое народ здоровый, плечистый, а ниче-

го в них нет такого, чтобы воинов напоминало. Думали, что где-нибудь у них оружие, стали досматривать, так рассказывают, что даже византийцы чуть со смеху не померли. Вот так воины грозного хана Аварского! Вместо мечей – у них гусли, вместо секир – кифары. Таким воинам разве на женщин только под окна воевать ходить, песнями да прибаутками тешить их, а не в ратном поле с врагом биться!

Ингелот, а с ним и все другие норманны разразились дружным смехом.

– Что же с ними потом было? – раздались кругом нетерпеливые вопросы.

– Отвели их, как чудо какое, к самому императору, – продолжил воодушевленный общим вниманием Ингелот, – тот спрашивает: «Кто вы?» Отвечают: «Мы – славяне, живем на самом конце западного океана!» «Как сюда попали?» Не стали таиться пред византийским императором и прямо ответили: «Прислал к нашим старейшинам хан Аварский дары разные и потребовал от нас людей ратных, чтобы примкнули к его дружинам и вместе шли с ними на вашу Византию войной. А

мы люди тихие, с оружием управляться не умеем, никогда войны не знали и нет железа в стране нашей. Играем мы на гусях и ведем жизнь спокойную, мирную, без ссор и кровопролитий! Так и не могли мы дать хану Аварскому людей ратных. Наши старейшины послали передать такой ответ, они же нас стали держать как пленников. Ушли мы от него к вам, зная вашу доброту и миролюбие!» Это византийцев-то доброту, – добавил уже от себя рассказчик и снова приложился у кубку.

– Как же византийский император поступил с ними? – спрашивали Ингелота заинтересованные его рассказом слушатели.

– Что же ему с ними делать было? Подивился на их силу, рост, крепость, угостил и отправил восвояси!

– Что же, и поляне такие же?

– Конечно, такие!

– Не то, что соседи их, древляне.

– Те – зверь-народ. С зверями живут, и сами зверям ничем не уступают.

– Постойте-ка! – остановил их Ингелот. – Когда ходил я в Византию, я там вот что слышал.

– Расскажи, послушаем!

В ожидании повествования все смолкли.

– Мы вот, норманны, веруем в Одина, славяне поклоняются Перуну, а другие, которые называют себя христианами, веруют в невидимого Бога, который сотворил единым словом своим небо, землю и людей всех.

– И нас тоже? – услышался наивный вопрос.

– Христиане говорят – всех, – важно ответил Ингелот и затем рассказал о посещении святым апостолом Андреем Первозванным киевских высот.

Рассказ этот был выслушан с интересом. Слушал его и Рюрик. Много уже раз ему приходилось слышать об этом неведомом ему Боге христиан, и каждый раз его сердце воспламенялось чувством почтения и любви к Нему и негодованием на тех, кто распял Его на кресте.

Между тем неожиданно разразившаяся буря раскидала легкие ладьи, и Рюрику удалось высадиться в устье Секваны только с небольшим отрядом ярлов Аскольда и Дира.

8. НАБЕГ

«Много зла наделают они моим премникам и подданным!»

Карл Великий о норманнах

Викингам жалко было разбитых ладей, но их славный вождь весело ободрял товарищей.

– Путь к отступлению отрезан, – говорил Рюрик, – чтобы попасть на родину, мы должны достать новые ладьи. И мы достанем их, нагрузим их богатой добычей или все поляжем костьми.

– Мало нас! – замечали более осторожные.

– Как мало? Что же, варяги считали когда-нибудь своих врагов? Тут есть город, и мы, взяв его, укрепимся в нем.

– Так пойдем туда, и все добро будет нашим! – раздались восклицания.

Оживление было полное. В каждом варяге сказался хищник. Они, не видя еще врагов, ликовали уже победу, делили золото и драгоценности того городка, на который хотели напасть с дружинами своими.

Между тем весть о высадке варяжской дружины разнеслась уже по всему побережью. На прибрежных высотах пылали костры. Население деревень, лежавших по пути, торопливо покидало свои жилища и уходя, поджигало их. Они, уже не раз видавшие подобные нападения и считавшие норманнов «бичом Божиим», знали, что пощады ждать не придется – так или иначе, а все равно они опустошат край и огнем, и мечом. Путь варягов, как и всегда при их набегах, был освещен заревом пожаров.

Варяги шли бодро, особенно переход, оставшийся им последним до обреченного на гибель городка.

Около полудня дружина Рюрика вышла на обширную поляну и перед варягами стал неприступной твердынею величественный, мощно укрепленный замок.

Вокруг него, у самого подножия скал, раскинулся утонувший в зелени веселый городок. Он со всех сторон был окружен садами. Из-за них блестел купол церкви, озаренный яркими лучами полуденного солнца.

В городке, очевидно, точно знали о време-

ни приближения хищников. Ворота городской стены были заперты, мост через окружавший его ров поднят, из-за стены доносился до варягов протяжный звон – били в набат.

Рюрик оглядел высившуюся перед ним твердыню и тут только пожалел, что не дождался на морском берегу, пока соберутся все дружины. Слишком мало было варягов для штурма прекрасно укрепленного замка. Для осады же варяги были и малочисленны, и неопытны. В открытом поле они не знали себе равных, но брать укрепленные города было не их дело.

Однако медлить не стоило.

Рюриковы варяги были далеки от соображений своего вождя. Перед ними лежал лакомый кусок – богатая добыча, – следовательно, во что бы то ни стало они должны были овладеть замком. Они знали, что в этот укрепленный город собрались со всех окрестных мест жители, снесли сюда все свои богатства и чувствуют себя в полной безопасности за толстыми стенами. Жажда богатой добычи распяляла хищников, а о том, что ждет их в неравной борьбе, никто и не думал.

Рюрик вполне понимал нетерпение своих дружинников.

– Друзья! – воскликнул он, выстроив их в боевой порядок. – Слушайте меня!

При этом обращении любимого вождя все разом смолкло в рядах.

– Неравный бой ждет нас, – говорил Рюрик, – за укрепленной стеной укрылись наши враги, но что значат стены перед храбростью варягов! Мы возьмем этот замок и сотрем его с лица земли. Все богатства там накоплены для нас, и они должны быть нашими. В бой, друзья! Славная смерть ждет тех, кто должен пасть в сече. Вечную славу разнесут по всему миру вдохновенные скальды, с гордостью норманнские девы будут вспоминать имена павших храбрецов, светлая Валгалла ждет их. Прочь щиты! Храбрые викинги не нуждаются в них. Сами боги защитят тех, кому пожелают сохранить они жизнь. Если суждено умереть, то умрем, как следует храбрым. Кто берсерк – те прочь щиты!

И он первый далеко отбросил от себя щит, который до того держал в левой руке. Его примеру последовали все варяги. Они были

воодушевлены и готовы на все, чтобы завладеть богатой добычей, об отступлении никто и не думал.

А заунывный звук набата звучал все сильнее и сильнее.

Вдруг городские ворота распахнулись. Мост опустился. По нему из ворот тесными рядами выехало несколько закованных в железо рыцарей – защитников замка, защитников города; за ними потянулись латники; туча стрел зажужжала в воздухе.

Без сомнения, в городке заметили малочисленность нападавших, и защитники города рискнули выйти на битву против них, как на веселый турнир. Они не позаботились даже принять какие-либо меры предосторожности на случай несчастного для них исхода сражения. Ворота остались растворенными, и мост через ров не был поднят. На городских стенах толпились жители, собравшиеся смотреть на битву, как на веселое зрелище.

Рюрик решил воспользоваться подобным легкомыслием врага. Он тотчас же разделил свою дружину на две части. Одну, большую, он отдал под начальство Рулава и приказал

ему кинуться в бой тогда, когда победа будет клониться в сторону неприятеля. Рюрик рассчитал, что в подобный критический момент свежие воины, не утомленные пылом сечи, будут особенно полезны. С другой, меньшей частью воинов он двинулся на врага.

Защитники города стояли спокойно, ожидая натиска варягов. Совсем уже близко от них Рюрик взмахнул своей секирою.

9. БИТВА

«Господь мое прибежище и сила».
Молитвослов

С диким, напоминающим рев бури криком сустремились скандинавы на врага. Это не был стройный натиск смелых воинов. Как снежная лавина, неслись смельчаки на законных в железо рыцарей, выставивших вперед свои копья. Жужжали стрелы, звенели мечи. Крики, стоны, звуки рогов – все это сливалось в громкий хаос звуков.

Франки стойко встретили нападавших. Они знали, что в случае поражения пощады не будет ни им, ни их семьям. Но видя, как

мало нападавших, они вовсе не посчитали серьезным начавшееся дело. Тем не менее, бой закипел не на живот, а на смерть.

Впереди ватаги варягов, высоко взмахивая своей секирой, бежал Рюрик. Вокруг него падали навзничь поверженные, но варяги, воодушевленные смелостью своего вождя, не отступали ни на шаг, шли за ним.

Вдруг передние ряды латников расступились, и варяги очутились лицом к лицу с отборным отрядом рыцарей. Грудь в грудь сошлись враги, слышен был только лязг железа.

Сам не замечая того, Рюрик оказался в стороне от товарищей. Он был окружен врагами. Несколько копий было направлено уже в него. Гибель отважного вождя варяжских дружин казалась неминуемой. С усилием взмахнул он, уже уставший, своею тяжелой секирой и опустил ее на голову ближайшего латника.

Тот отчаянно взмахнул руками и опрокинулся наземь. Голова его была рассечена надвое вместе с тяжелым, прикрывавшим ее шлемом, но в ту же секунду Рюрик почувство-

вал, как холодное острие коснулось его груди. Еще миг, и оно вонзилось бы в сердце вождя варягов, но вдруг раздался треск, и переломленное копьё выпало из рук нападавшего.

Рюрик, как сквозь дымку тумана, увидел около себя гигантскую фигуру и испещренное шрамами лицо Рулава.

Старый норманн спас своего вождя и друга.

Тут же ряды латников дрогнули и подались назад. Как ни стойки были защитники городка, а все-таки они не смогли выдержать бурного натиска пришельцев. Да и не много их оставалось на поле брани. Везде виднелись груды тел, там и тут блестели на высохшей под лучами солнца земле лужи крови.

Еще один натиск, и франки врассыпную бежали, преследуемые варягами. Городок оставался беззащитным, даже ворота его были распахнуты.

Рюрик, услышав победные клики товарищей, пришел в себя. Он видел, что победа осталась за ними. Теперь нужно было докончить начатое, стереть с лица земли этот несчастный город.

С победными криками ворвались варяги в его стены. К шуму битвы как раз в это время присоединился и протяжный звук колокола. Это звонили в церкви городка, призывая несчастных, обреченных на гибель жителей обратиться с последней мольбой о помощи к Тому, на Кого в этот ужасный миг оставалась одна только надежда.

С толпой товарищей одним из первых очутился на узкой улице несчастного городка ослепленный своим успехом вождь. В ожесточении сыпал он удары своей секиры направо и налево. Ненасытная жажда крови овладела варягом. Он не разбирал, куда и на кого падают его удары – женщина ли, ребенок подвертывались под секиру – ему было все равно.

Вдруг унылый звук набата раздался совсем близко от него. В тот же момент грустное протяжное пение донеслось до него. Рюрик невольно поднял голову. Ослепительно яркий свет ударил откуда-то прямо ему в глаза. Свет этот был настолько резок, что варяг невольно прикрылся рукой. Когда он отнял ее, то увидел прямо перед собой несказанно удивившую его картину.

На ступенях, впереди собравшихся в беспорядочную толпу женщин и детей, стоял седой старик в светлой длинной одежде. В одной руке он держал небольшую чашу, другой высоко поднял золотой крест. Лучи солнца так и горели на нем, разбрасываясь и отражаясь во все стороны. Рельефно выделялась фигура Распятого. Грустное лицо Богочеловека как бы с укоризной было обращено в сторону свирепых окровавленных людей, окружавших его храм. Прошло несколько мгновений, а Рюрик все не мог оторвать глаз от Распятого. Он стоял ошеломленный, сдерживая свободной рукой напиравших на него товарищей. Те рвались вперед, но все-таки остановились, видя, что с их вождем творится что-то необычное и не понимая, что именно случилось с ним.

Лицо старика-священника составляло резкий контраст с бледными дрожащими лицами его перепуганной паствы, совсем оцепеневшей в ожидании неминуемой гибели. Оно было бесстрастно, спокойно, только глаза сверкали каким-то вдохновенным нечеловеческим блеском, да губы чуть шевелились,

шепча последнюю молитву.

«Это Он! Он. Распятый Сын невидимого мне Бога!» – вихрем пронеслось в голове Рюрика.

Сколько раз слышал про Него вождь варягов, видел не раз и изображение Распятого, но теперь, в этот ужасный момент, оно особенно поразило его. Рюрик хотел было преодолеть возникшее в нем чувство и приподнял секиру, чтобы поразить ею этого слабого, но вместе с тем и дерзкого старика, выступившего без всякого оружия на защиту несчастных против рассвирепевших, жаждущих крови людей. Но вдруг снова блеснул луч солнца и, отразившись в золоте креста, сверкнул прямо в глаза варягу. Рюрик почувствовал, что рука его бессильно опускается, и сделал шаг назад.

Послышались свирепые крики. Это варяги пришли в себя, и их охватило негодование на своего вождя, так позорно, по их мнению, отступившего перед стариком, когда весь уже город был в их власти.

– Прочь! – раздались голоса. – Это наша добыча.

Несколько варягов кинулись вперед.

– Убью, кто хоть шаг еще сделает! – перекрывая шум, закричал Рюрик и взмахнул своей тяжелой секирой.

Он был охвачен внезапным порывом жалости, неизъяснимого сострадания к этой толпе беззащитных женщин и детей, искавших помощи у Того, Кого, не зная, суровый вождь любил и уважал. На этот раз секира его легко, как перышко, взметнулась в воздух.

Толпа товарищей, пораженная неожиданным для нее восклицанием вождя, на мгновение остановилась и с изумлением смотрела на него.

Рюрик в этот момент был прекрасен.

Между тем наступила критическая минута. Первое изумление прошло, и не понимавшие, в чем дело, варяги кинулись вперед. В тот же миг тяжелая секира Рюрика опустилась. Послышался стон и чье-то тело тяжело рухнуло на землю.

– Рулава положил, смерть ему! – заревела толпа. – Изменник, предатель – своих бьет!

Рюрик ничего не слышал. Он мельком кинул взгляд и увидел около себя ярлов Аскольда и Дира. Лица юношей горели восторгом.

Они, очевидно, вполне разделяли взгляды своего вождя.

– Не с женщинами и не с беспомощными стариками воюем мы! – зазвенели их молодые голоса. – Прекратите резню!

И среди варягов произошло смятение.

– Бегите, бегите! – слышались вдруг тревожные окрики. – Рыцари!

Действительно, рыцари успели прийти в себя, построились по правилам тогдашнего военного искусства и двигались на варягов.

Из нападавших те обратились в обороняющихся. Все происшедшее в течение последних минут было забыто. Только что грозившие своему вождю смертью варяги снова сплотились вокруг него, готовясь встретить новую опасность. Закованные в железо защитники городка в грозном молчании подходили все ближе и ближе. Старик-священник, так мужественно выступивший на защиту несчастных, пошатнулся. Он, наверное, упал бы, если бы не поддержали его. На узкой улице разгорелся ожесточенный бой. Из церкви же до слуха сражавшихся доносилось величественное пение, среди которого выделялся

старческий слабый голос, особенно выразительно певший: «Те, deum, eaudamus!»

А жестокая битва на улицах несчастного городка все кипела.

10. СМЕРТЬ СТАРОГО НОРМАННА

*«Скорей встречайте, асы, сына,
Он умер с улыбкой на лице!»
Стих*

Счастье на этот раз изменило варягам. Не помогли им ни храбрость, ни ожесточение, с которыми они защищали свою жизнь. К защитникам городка прибыло подкрепление, и они одолели варягов.

Рюрик бился в первых рядах своих товарищей, чувствуя, однако, что от усталости силы его все убывают. Он уже не так легко взмахивал своей секирой, все более и более наседали на него враги. Наконец, тяжелый удар меча свалил его с ног. Он лишился чувств и рухнул на землю.

Когда Рюрик очнулся, битва уже кончилась. Потерявшие вождя варяги кинулись в беспорядочное бегство. Но франки и не дума-

ли их преследовать. Слишком они были утомлены и ограничились только тем, что выпустили вслед беглецам тучу стрел.

В первое мгновение после того, как вернулся к нему сознание, Рюрик не мог дать себе отчета, где он и что с ним. Кругом раздавались стоны раненых. Кто-то наклонился над ним. Рюрик приподнял голову и увидел над собой доброе старческое лицо и горевшие юношеским блеском глаза.

Рюрик узнал его. Это был тот самый старичок-священник, который так поразил его своим вдохновенным видом там, возле храма.

– Лежи спокойно, сын мой, ты ослабел от потери крови! – услышал Рюрик кроткий голос. – Тебе вредны движения.

Рюрик немного понимал язык франков. Кротость, с которой говорил старик, несказанно поразила его.

– Как! Ты, старик, ухаживаешь за мной, за мной – твоим врагом?! – с изумлением воскликнул варяг. – Ты заботишься о моей жизни, когда я приходил убить тебя.

– Господь наш, Иисус Христос, заповедал нам любить врагов, – раздался ответ, – а ты

теперь не враг мой, а жалкий беспомощный человек, и страдания твои отзываются страшной болью в моем сердце. Дочь моя, – обратился старик к женщине, помогавшей ему ухаживать за ранеными, – принеси этому несчастному воды, я вижу, он мучается жаждой, уста его запеклись.

– Кто ты, старик? – спросил отрывисто Рюрик.

– Я скромный служитель алтаря.

– Ты жрец?

– Если хочешь – да! Я жрец Бога живого, распятого за грехи наши.

– Я слышал про этого Бога, – пробормотал Рюрик. – Он не похож ни на Одина, ни на Перуна. Это Он помог сегодня вам.

– Для Него все одинаковы. Он помогает всем, кто обращается к Нему с верою.

Посланная священником женщина принесла раненому воды. Рюрик жадно приник к чаше и, не отрываясь, выпил ее до дна.

– Я в плену? – спросил он.

– Увы, да! Но надейся, что плен не будет для тебя тяжелым. Ведь мы все обязаны спасением тебе. Если бы ты не остановил своих то-

варищей, мы все погибли бы под их мечами.

– А мои товарищи?

– Здесь, кроме тебя, еще несколько человек.

– Старик, умоляю тебя, отведи меня к ним.

– Ты потерял много крови, сын мой, я говорю тебе, что всякое движение тебе вредно. Твоя жизнь...

– Ах, что моя жизнь! – с отчаянием воскликнул пленный вождь и сделал резкое движение, чтобы приподняться.

Но силы ему изменили, и он снова тяжело опустился на свое ложе.

– Видишь сам, сын мой, что ты слишком еще слаб! – проговорил священник, ласково поддерживая его.

Рюрик уныло молчал. Ему казалось, что эта неудача наложила на него несмыслимый ничем позор. Вдруг до его слуха донесся хотя и слабый, но хорошо знакомый ему голос:

– Клянусь Одним! Здесь мой Рюрик!

– Рулав, Рулав здесь! – воскликнул вождь и, забывая слабость и боль, поднялся на ноги и, шатаясь пошел в ту сторону, откуда слышен был этот знакомый ему голос.

Смутно, очень смутно, припоминал он громкие крики: «Рулава положил!» Тогда он не отдавал себе отчета, что они значили, но теперь ужасная истина разом открылась ему. Рюрик понял, что стал невольным убийцей своего преданного друга, всего за несколько минут до того с опасностью для себя спасшего ему жизнь. Теперь, услышав его призыв, пленный вождь забыл все на свете и спешил к нему.

Движения раненного были так быстры, что священник не успел удержать его. Со свойственной всем старикам проницательностью он понял, что в душе Рюрика происходит тяжелая борьба.

– Рулав! Где ты? – с тоской звал своего друга пленный вождь.

– Сюда, мой конунг, сюда! Спешу ко мне! – отозвался старый норманн. – Я вижу, двери Валгаллы открыты передо мной. Еще несколько мгновений, и я там. Валькирии уже готовятся встретить меня. Спешу, спешу ко мне, мой Рюрик, мой конунг, мой любимец. Я хочу умереть на твоих руках!

В углу тускло освещенного покоя Рюрик

увидел своего друга. Рулав лежал на связках соломы. Лицо его было мертвенно-бледно. Бесчисленные шрамы еще более выделялись на нем. Он тяжело хрипел.

– Прощай, прощай! – протягивал умирающий руки другу. – Прощай, иду в чертоги Одина.

– Рулав! Как это могло случиться! – со слезами в голосе воскликнул Рюрик. – Как у меня поднялась рука на тебя!

– Я сам подвернулся. Они могли убить тебя. Я кинулся, чтобы защитить тебя еще раз, но ты уже опустил секиру. Ты не видел меня. Так мне суждено.

– О, лучше бы меня поразили товарищи. Мне было бы легче!

– Зачем, зачем? Ты молод! У тебя впереди жизнь. Кто знает, что случится впереди. Я рад умереть за тебя.

– Рулав! Зачем ты мучаешь меня, зачем ты говоришь мне это.

Голос старика все слабел и слабел, грудь его высоко вздымалась – не хватало воздуха.

– Прощай, друг! – хрипел старик. – Прощай, живи, забудь это. Ты будешь спасен. Олав с

твоими братьями не покинут тебя. Будь счастлив и вспоминай старика, любившего тебя, как сына.

– Рулав! Рулав! – стонал Рюрик.

– Ты плачешь, дитя? Зачем? Что эта жизнь? Я умираю счастливым, в бою. И там, в Валгалле, буду продолжать жизнь. Там хорошо. Там ждут меня высшие наслаждения, которые на земле невозможны. Валькирии служат там. Вместе с асами я стану пить мед после битв и охот в Асгарде, буду есть чудного вепря, и раны мои заживут. Один любит храбрых, и никто не посмеет сказать, что старый Рулав был когда-нибудь трусом.

Умиравший закрыл глаза.

– Пойдем, сын мой, – раздался над ухом Рюрика голос священника. – Он умирает. Тяжела смерть грешника.

– Смерть тяжела? – вдруг воскликнул Рулав. – Ошибаешься, старик! Для норманна никогда не страшно умирать! Гляди!

Быстрым движением руки сорвал он повязку, положенную на глубокую рану на левой стороне груди. Волной хлынула кровь, и Рулав, радостно улыбаясь, запел:

Пора! Иду в чертог Одина,
Я вижу, девы на крыльце!
Скорей встречайте асы сына —
Он умер с улыбкой на лице.

Докончить песни Рулав не смог. Он опрокинулся навзничь. На лице его так и осталась прежняя радостная улыбка. Он видел Валгаллу, асов, валькирий и пировавших с ними своих старых товарищей, прежде него погибших в боях. Еще несколько судорожных движений, и для старого норманна все было кончено.

11. ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Чему быть, того не миновать».
Пословица

Однообразно потянулись для Рюрика дни плена. Одного за другим уводили из темницы его товарищей – уводили их, и они более не возвращались. Какая судьба ждала их за стенами тюрьмы, оставшиеся пленники, конечно, не знали, но догадывались и с некоторой тревогой ожидали решения своей участи. Не смерти боялись они – нет, смерть ни-

когда не страшила этих храбрецов, ужасал их позор рабства – рабства неизбежного, если только оставят их в живых.

Наконец в мрачной темнице осталось только трое пленных: Рюрик, Аскольд и Дир. Они угрюмо ждали своей очереди, но эта очередь не наступала. Вероятно в городке помнили, что эти трое людей спасли беззащитную толпу и храм. Поэтому их и не трогали. Их даже как будто забыли. Только один старик-священник часто навещал пленников. Он подолгу беседовал с ними о своем Боге, рассказывал им о Нем, о Его земной жизни, об Его учении. Варяги внимательно слушали эти, совершенно новые для них слова любви и всепрощения. Беседы эти производили особенно сильное впечатление на молодых и чрезвычайно впечатлительных ярлов. Каким блеском загорались их глаза, когда старик начинал говорить о Богочеловеке, принесшем себя в жертву за грехи мира!

– Ах, если бы мы только тогда были там, – шептали наивно молодые люди, – мы бы заступились за Него. Мы не позволили бы распять Его. Своими мечами и грудью отстояли

бы мы Его.

– Нет, нет, не то вы говорите, – с улыбкой кивая, отвечал им священник, – не удалось бы вам спасти Его. Это было бы не в ваших силах.

– Мы подняли бы за Него всю Скандинавию! Все конунги и викинги, а с ними и все ярлы пошли бы туда. Мы бы справились и не отдали бы Его на смерть!

– Он Сам отдал себя врагам ради общего искупления. Тьма тех небесных сил у Отца Его, а они сильнее всех сил человеческих. Поймите вы, что Он, всемилостивый, отдал себя в жертву за грехи людей.

Ни Рюрик, ни оба молодых ярла никак не могли понять той любви, о которой говорил им священник.

В таких беседах с милым стариком шло время.

Однажды старик пришел расстроенный.

– Дети мои, – дрожащим от слез голосом заговорил он, – мы должны будем расстаться.

– Что же? Мы готовы умереть! – твердо отвечал Рюрик за себя и за товарищей.

– Нет, пока вы не умрете. Городской совет

решил оставить вас заложниками, так как стало известно, что на наш город готовится новое нападение свирепых норманнов, поэтому вы будете переведены отсюда в темницу замка, и я уже лишусь возможности навещать вас и вести с вами беседы. А я успел от души полюбить вас. Вы мне стали дороги, как самые близкие люди.

– Спасибо, отец, спасибо тебе! – с чувством сказал Рюрик. – И мы полюбили тебя.

– Неужели никогда мы не будем беседовать более? – с огорчением молвил Дир.

– Отчего? Просветитесь светом истины! Познайте Иисуса! Креститесь.

– Нет! Это невозможно! Этого никогда не будет, – раздался в ответ на это предложение голос Рюрика. – Мы любим твоего Бога, но и своим Одину и асам останемся верны.

– Но почему?

– Подумай сам, как бы ты назвал человека, который отказался бы от твоего Иисуса? Разве не стал бы ты его презирать?

Священник поник головой.

– Придет время, и вы просветитесь, – грустно сказал он.

Но пленных не успели даже перевести из этой тюрьмы.

Нагрянул Олав с Сигуром и Триаром. Теперь варягов было много. Нападение произошло неожиданно. Победа была полная. Ожесточившиеся воины никому не давали пощады, ворвавшись в городок. Часть их тотчас же разбежалась грабить, остальные добивали последних защитников. Везде пылал огонь.

Целых два дня хозяйничали свирепые скандинавы. Камня на камне не осталось от городка. Огонь и меч истребили все, и только история сохранила на своих страницах свидетельство об этом ужасном нашествии «Божьего бича».

Покрытые славой, с огромной добычей возвратились воины в свои родные фьорды.

Возвратились, а там уже были получены вести об окончательном изгнании варягов из стран Приильменских.

Узнав это, Рюрик с совета короля Бьёрна, своего тестя, решил созвать тинг, на котором он хотел объявить новый поход на славян, чтобы захватить и Приднепровье, и весь конец великого пути из варяг в греки.

Слишком памятна была всем удача первого похода. Еще до тинга заволновались скандинавы, готовые к новому набегу на страну, которая казалась им сказочно богатой.

Новая гроза собиралась над славянщиной.

Между тем на Ильмене в Новгороде состоялось уже знаменитое вече, на котором принят был вечевиками совет мудрого Гостомысла.

12. «ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА»

*«Неустройства упреди советом»
Летописец*

Пока на Ильмене происходили эти события, Рюрик почти закончил приготовления к новому походу на славянские земли.

Осталось только созвать тинг, в решении которого ни Бьёрн, ни Рюрик не сомневались.

– Ты опять уходишь от меня, мой милый, – говорила Эфанда, нежно ласкаясь к супругу, – уходишь надолго!

– Мы должны наказать дерзких. Они возмутились и пусть понесут за это кару, – отве-

чал Рюрик.

– Я не удерживаю тебя. Но знай, что я буду томиться ожиданием; ты ведь так недавно вернулся от берегов Британии.

– Мужчина должен вести жизнь воина. Но что ты? Посмотри, Эфанда, какие-то чужие ладьи подходят к нашим берегам?

С холма, где находилась усадьба Рюрика, во дворе которой она стояла, прекрасно был виден залив. Скандинавские корабли, с убранными парусами, мирно стояли в гавани. Подходившие ладьи по характеру своей постройки нисколько не походили на драккары викингов: они были неуклюжи и неповоротливы, даже их паруса совсем были не похожи на паруса скандинавских драккаров.

Сердце Рюрика усиленно забилося: он узнал в этих судах ильменские ладьи.

«Зачем они, какую несут весть?» – думал он, продолжая упорно глядеть на залив.

Ладьи, наконец, пристали в берегу, люди с них высадились.

Тотчас же их окружили горожане.

Рюрик видел, как растерянно оглядывались приезжие среди этой незнакомой им

толпы. По одежде вождь варягов сразу же признал в них славян и притом не одного племени, а разных.

Наконец, вся группа двинулась вперед.

– Посмотри, они, эти пришельцы, идут сюда! – воскликнула Эфанда. – Кто они? Откуда? Да, да, они приближаются к твоей усадьбе!

Рюрик терялся в догадках, не зная, как объяснить появление в этих местах своих соплеменников, а толпа, ведшая славян, подходила все ближе и ближе.

Наконец она остановилась у самого дома Рюрика.

Привлеченные шумом Сигур и Триар вышли на крыльцо и встали около брата.

– Рюрик! С Ильменя пришли послы, – быстро поднялся на крыльцо Олав, – они говорят, что пришли по важному делу и хотят сейчас же видеть тебя!

– Пусть войдут сюда, – сказал Рюрик, и его сердце как-то странно забилося.

Вскоре слуги ввели богато одетых послов, смиренно приветствовавших братьев и Олава.

– Кто вы и чего вам? – спросил Рюрик, от-

ветив на приветствие.

– Мы посланники всех родов, живущих на Ильмене, а с нами вместе старейшины соплеменных нам кривичей, веси, мери, чуди и Дреговичей, – заговорил старший из пришельцев. – С великим, важным делом присланы мы к тебе и твоим братьям, храбрый витязь, всем народом славянским; пришли мы и не уйдем, пока не согласишься ты исполнить нашей просьбы; хочешь, на коленях будем молить тебя?

– В чем ваша просьба? – спросил Рюрик.

– Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Восстал на Ильмене род на род, и не стало между нами правды. Придете вы, братья, к нам княжить и владеть нами!

– Как, что вы говорите? – воскликнул Рюрик.

– Мы говорим то, что приказал нам сказать тебе весь народ славянский. Отец наш Гостомysl перед смертью взял с нас клятву, что призовем мы тебя, твоих братьев и твое племя к нам, отдадим тебе и власть, и суд наш, добровольно покоримся тебе, только дай нам правду, прекрати зло и междоусобие между

нами. Будь нам всем единым правителем и согласишься княжить у нас. Молим тебя!

Послы опустились на колени. Все поражены были их предложением, так оно было неожиданно.

– Действительно, с важным делом явились вы, мужи славянские, – сказал Рюрик. – Сразу такие дела не решаются. Пойдемте в дом мой, отдохните с пути, утолите свой голод и жажду, а потом мы поговорим еще об этом.

Он отпустил послов.

– Привет тебе, конунг славянский! – радостно воскликнул Олав, обнимая своего названного брата. – Я радуюсь за тебя. Никто из скандинавов не удостаивался подобной чести, все дрожали при одном имени варягов, а тут нашлись люди, которые сами зовут нас к себе княжить и владеть ими. Еще раз приветствую тебя, славный конунг!

– Погоди, Олав, я никак не могу собраться с мыслями, не могу прийти в себя, – отвечал Рюрик. – Прежде всего я должен уведомить отца Бьёрна.

Старому конунгу было известно, зачем явились к Рюрику послы славян. Доброй, лас-

ковой улыбкой встретил он супруга своей любимой дочери.

– Скажу тебе, о мой Рюрик, – заговорил старик, когда вождь варягов попросил его совета, – жаль мне расставаться с тобой и Эфандой, но ты должен принять предложение послов. Как ты ни храбр, как ни славно твое имя, а среди скандинавов ты все-таки чужой, пришелец, вспомни это. Никогда не стать тебе конунгом на суше, а жизнь на море вовсе не благоприятствует семейной жизни.

Да и тесно стало в Скандинавии. Все чаще и чаще приходят неурожайные годы, и асы не принимают наших жертв. И теперь уже коренные жители с большим неудовольствием поглядывают на пришельцев. Кто поручится, что мучимые голодом, не возьмутся они за оружие и не прогонят варяго-россов? Еще вот что. Второй поход готовился на Ильмень для того, чтобы завладеть началом и концом пути от нас в Византию. То, что готовились взять мы мечом, через тебя возьмем мирно, имя твое дважды будет славно и как имя воина, и как имя правителя.

С волнением слушал Рюрик эти слова ста-

рого Бьёрна. Он отлично понимал, что они справедливы. Тут же в душе он решил принять предложение славянских послов.

13. ТОМИТЕЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ

«Надежда – мать радости».
Старинная поговорка

С большим нетерпением ожидал весь Ильмень возвращения своих послов из далекой Скандинавии. Что они скажут, какой ответ принесут народу? Жизнь или смерть? Спасение от неурядиц или еще более жестокие междоусобицы? Родовые старейшины не выходили из Нова-города, ожидая там возвращения послов.

Нов-город тоже волновался, но чувства, вызывавшие в нем эти волнения, были совсем не те, что в родах. Понимал народ новгородский, что с прибытием единого правителя всех родов приильменских – конец его вольности. Должен он будет подчиняться иной воле, кроме собственной, придется каждому в Нове-городе склонить свою гордую голову пред мощной властью пришельцев.

Однако новгородцы видели, что им не одним идти против всех, не им охладить необычайное воодушевление, охватившее весь народ приильменский.

– Беда нам всем будет! – шушукались в Нове-городе значительно притихшие вечевики. – Ведь князь единый не то, что посадник выборный.

– Известное дело, не то! Его, коли не люб, не ссадишь.

– Нажили мы заботу на свою голову!

– Да, теперь уже ничего не поделаешь, призвали, так терпи.

Но недовольных все-таки было меньшинство.

Устали и новгородцы от постоянных кровопролитных распрей, да и у всех еще живы были в памяти слова Гостомысла. Обаяние славянского мудреца не исчезло и после его смерти. Он жил в сердцах людей, все наизусть знали его пророческие слова, помнили свою клятву, произнесенную у одра умирающего и не решались преступить ее.

В томительном ожидании прошло много дней. Неизвестность томила и новгородцев, и

старейшин, и даже родичей, то и дело навывавшихся в Нов-город и ожидавших каких-нибудь вестей из далекой Скандинавии...

Наконец пришли эти желанные вести.

Громко звонил в Нове-городе вечевой колокол, собирая на этот раз не одну новгородскую вольницу, а весь народ приильменский на совет о делах важных, касающихся избрания одного правителя над всей обширной дикой страной.

Молчаливые, сумрачные сошлись вокруг помоста вечевеки. На их лицах были скрытая тоска, недоумение. Всем им казалось, что даже самый колокол звучал каким-то грусть наводящим, заунывным звоном, а не прежним веселым, радостным.

После Гостомысла никого не хотели иметь новгородцы своим посадником, если не навсегда, то по крайней мере до тех пор, пока жива еще память об усопшем мудреце. Поэтому вечевой помост заняли все находившиеся в Нове-городе старшие и степенные бояре, посланные от соседних племен старейшины родов, концевые и пятинные старосты.

– О чем речь-то пойдет на вече? – слыша-

лись вопросы в толпе.

– Если послы вернулись, пусть рассказывают!

– Да, верно, пусть скажут, как на самом деле было.

– Мужики и люди новгородские, – громко заговорил старший из бояр, – действительно, пришел посланец от старейшин наших и будет вести речь к вам от имени тех, кого послали вы к варяго-россам.

– Слушаем! Слушаем! – раздалось со всех сторон.

Бояре и старейшины расступились, пропуская вперед величавого старика, одного из бывших в посольстве славян к варяго-росским князьям.

Он заговорил не сразу. Сперва он дал затихнуть шуму веча и только тогда повел свою речь.

– Слушайте, мужики новгородские и людины, слушайте и запоминайте слова мои, – заговорил он зычно и твердо, – по указанию мудрого посадника Гостомысла и по воле веча, пошли мы за Нево к племени варяго-росскому, к трем князьям, Рюрику, Синеусу и

Трувору. Труден наш путь был по бурному Нево и опасным фьордам, но Перун хранил нас от всех бед в пути и напастей. Невредимыми достигли мы стран, откуда не раз приходили к нам «гости», и везде принимали нас с великой честью. Зла не ведали мы ни на пути, ни в городах прибрежных, волос не упал с нашей головы!

Вече замерло в ожидании, что скажут дальше послы.

– И нашли мы, по слову Гостомысла, трех князей варяго-росских. Знаете вы их всех, были они здесь в наших местах, когда войной на нас шли. Нашли мы их и низко-низко поклонились им.

– Ну, зачем же очень-то низко! – крикнул один из вечевигов.

– Так повелело нам вече, – возразил ему посланец и продолжал: – Чувства, которые испытали мы тогда, словами нельзя передать. Грозным, могучим, но и милостивым оказался нам этот великий воин. Нет у нас на Ильмене таких! Высок он ростом и строен станом. Белы, как первый снег, его одежды, и, как солнечный луч, блестит рукоять его меча.

Осанка Рюрика величественно важна, высоко он носит свою голову, и твердая воля видна в его взгляде. Счастлив будет народ приильменский под его рукой, получит он правду свою, и сокрушены будут все виновники бед наших.

– Так говори же, согласились ли братья княжить и владеть нами! – загремело вече.

– Послы умолили Рюрика, он стал нашим князем и скоро будет среди нас со своими дружинами. Готовьтесь, роды ильменские, встретить своего повелителя князя, носителя правды, защитника угнетенных и грозного судью всех.

Посол замолчал, молчало и вече. Все были готовы выслушать это известие, все предчувствовали, что так и должно быть, но, вместе с тем, каждому участнику веча вдруг стало жалко утрачиваемой вольности. До этой минуты каждый и на Ильмене, и в соседних племенах, был сам себе господин и другой воли, кроме своей, да разве изредка воли своего старейшины, и знать не хотел.

Теперь, с призыванием князя, все это рушилось. Вечевики понимали, что часть воли, ко-

торой они так гордились, так дорожили, отходит от них. Князь ведь не то, что старейшина, выборный староста или посадник. Он шутить с собой, прекословить себе не позволит, чуть что, прикажет дружине своей расправиться с ослушником. Не слушаешься добром, силой заставят.

Но это смущение продолжалось очень недолго.

Помянули былую волю, пожалели ее, да поздно уже! Пролитое полным не бывает, так нечего и думать о потерянном.

Впрочем, и думать долго не приходилось.

– Слушайте, люди новгородские и приильменские! – зычно закричал посланец, заглушая своим голосом гомон толпы. – Слушайте, что приказывает вам князь ваш, готовьтесь исполнить волю его. Будет отныне защита у вас надежная: враг ли дерзкий нападет на дома ваши, прогонит его княжеская дружина; да только вот что: нужно князю дружину свою, кровь за вас и за пожитки ваши пролить готовую, и поить и кормить, и оружие давать ей, а потому должны вы от избытков ваших – от мехов, улова рыбного, сбора с по-

лей – отделить десятую часть и принести князю вашему. Слушайте и исполняйте это.

– Что же, можно десятую часть отдать, только пусть защищает нас, творит нам суд и милость! – загремело вече.

– Это первый приказ князя, вами избранного, а второй таков будет. Приказывает вам Рюрик: его, в отличие от всех других князей родовых, именовать великим князем, отдавать ему всегда почет и зла на него не мыслить, а кто ослушается, того постигнет гнев его. Пусть на вечные времена будет для вас великий князь наш, что солнце на небе. Как на солнце, глаза не щуря, смотреть вы не можете, так и на князя вашего взоров злых не подымайте. А теперь разойдитесь по домам и весям вашим, расскажите обо всем, что здесь слышали, в родах ваших, готовьтесь встретить великого князя своего с молодой княгиней и на поклон к ним с дарами явиться.

Посланец поклонился вечу и скрылся в толпе бояр.

– Что же? Это ничего! Не тяжело, если десятую часть только, – говорили вечевики, расходясь в разные стороны по Ново-городу.

– Вестимо, ничего! Вот как варяги были, так все целиком отбирали, да еще сверх того требовали.

– А насчет того, как величать его, так нам все едино.

– Еще бы! Только бы справедлив да милостив был!

В общем, вечевики разошлись все очень довольные. Томительное ожидание кончилось. Они знали теперь, что их ждет впереди, знали и были вполне спокойны за будущее. Оно не могло быть худшим, чем то, что недавно еще миновало.

Да и побаивались они уже теперь этого избранного ими же «великого князя». Известно им было, что не один он идет в земли приильменские, что сопровождает его смелая, отважная дружина, которая не даст в обиду своего вождя. Тяжел меч норманнский – по опыту знали это на Ильмене, а потому и решили в родах встретить своего избранника с великими почестями.

Весь Ильмень заговорил о Рюрикe, об его жене молодой, о братьях его Синеусе и Труворе, но никто, решительно никто не вспоми-

нал, что этот избранник когда-то оставил эти же родные ему места, гонимый и презираемый всеми.

Родовые старейшины только и толковали со своими родичами, что про нового князя, они восхваляли его доблесть, мужество, красоту, как будто сами его видели.

– Только бы богов он наших не трогал, Перуна не обижал, – толковали в родах.

– Не тронет! Сам ему поклоняться будет!

– То-то! А нет, так мы за своих богов вступимся и опять за море прогоним!

Все-таки на Ильмене царило полное воодушевление. Все ждали от будущего только хорошего, доброго. Избранника, не зная, уже начинали любить. Вспоминали, что, пока он был на земле славянской, не смели обижать народ грубые норманны и тяготы пошли только после того, как ушел Рюрик с главными дружинами за море. С нетерпением ждали своего владыку ильменские славяне. Шло время, приходили и из-за моря и с устья Волхова разные вести: скоро должен был прибыть Рюрик на берега родного ему озера.

14. НА ПУТИ

*«Страна, где мы впервые
Вкусили радость бытия».
Жуковский*

Пока народ приильменский переживал томительные дни ожидания, его избранник был уже на пути к великому северному центру славянщины.

Тяжело было покидать Рюрику свою вторую родину.

Эти угрюмые скалы, вечно бушующее море, низко повисшие тучи так стали милы и дороги его сердцу, что много, много стоило усилий храброму викингу сдержатъ себя и не выказать своих чувств при расставании с нею.

Кругом все, и Бьёрн, и его старые соратники, и ярлы, радовались внезапному обороту дел и предсказывали Рюрику блестящее будущее. Для них очень важно было, что Ильменем станет править их витязь. Целые страны, дотоле неведомые им, как бы входят теперь в состав Скандинавии, сливаются с нею

благодаря владычеству Рюрика на берегах Ильменя.

Более всех восторгался впечатлительный Олав.

– О, мой конунг, – восклицал он, – ты должен торопиться с отправлением! Твой народ ждет тебя.

– Мой народ! – грустно улыбался в ответ Рюрик. – Ты не знаешь, Олав, этого народа. Правда, он добр и храбр, но и свободолюбив. Всякая власть для него то же, что путы никогда не знавшему седока коню.

– Ну, мы сумеем оседлать его, – смеялся Олав. – Посмотри на своих варягов! Они тебе преданы, каждый готов отдать за тебя жизнь. С ними ли ты боишься этих дикарей?

– Я никого не боюсь!

– Верю этому! Знаю, что сердце твое не ведает страха, но ты должен начать свое великое дело и спешить туда, на берега Ильменя.

Обыкновенно после подобного напоминания пылкий, впечатлительный Олав принимался мечтать о будущих подвигах в неведомой до тех пор стране. Между названными братьями было решено, что они не расстанут-

ся.

Вместе с Рюриком отправлялся на Ильмень и Олав, решивший также покинуть свою угрюмую родину. Синеус и Трувор, как называли братьев Рюрика славянские послы, само собой, шли вместе с ним. Многие ярлы, которым тесно было среди гранитных скал своей родины, также примкнули к Рюрику. Аскольд и Дир, ставшие после похода на франков еще более неразлучными, чем прежде, были в числе сопровождающих Рюрика ярлов.

Рюрик понимал всю трудность той задачи, выполнение которой он на себя принял. Понимал он также, что только страх перед вооруженной силой может держать в повиновении буйный народ, не знавший ничьей воли, кроме своей собственной. Поэтому он несколько медлил с отправлением на берега Ильменя, подбирая надежную дружину. На варяго-россов, огромное большинство которых, как уже известно, составляли выходцы из земель славянских, он вполне мог надеяться. Эти закаленные в битвах воины, бесконечно преданные своему вождю, явились для добровольно избранного славянами князя

верным оплотом в его новом государстве. Кровных норманнов Рюрик старался не допускать в свою дружину, понимая отлично, что их постоянно будет тянуть на родимые фьорды и на Ильмене они всегда будут чувствовать себя чужими, пришельцами.

Были у Рюрика и другие затаенные замыслы.

Пусть там, кругом, говорят, что при его посредстве Ильмень войдет в состав Скандинавии, что земли славянские сольются с землями суровых норманнов. Нет, не бывать этому! Если угодно богам было поставить Рюрика во главе великого могущественного народа, то вовсе не для того, чтобы подчинить этот народ угрюмому северу. Когда удастся Рюрику собрать воедино племена славянские, сплотить их между собой общей единой властью, одной целью, тогда этот чудо-народ, этот сказочный богатырь сам поспорит и с севером дальним, да и со всеми народами, которые кругом на земле живут. Не задрожит он, как эти трусливые бритты при одном упоминании о норманнах, грудью встретит врага, отразит его напор и, еще более могуществен-

ный, встанет из пепла разрушения.

Чудо-народ!

Мысли о полной самостоятельности, о независимости от Скандинавии все больше и больше овладевали Рюриком, и Эфанда с тревогой замечала печать грусти на его лице.

Подолгу беседовал перед отправлением Рюрик со старым Бьёрном. Ему одному молодой вождь не затруднялся открывать свои мысли, зная, что искренно расположенный к нему старик не покривит душой, а даст такой совет, какой более всего поможет делу.

Старый Бьёрн вполне одобрял намерения Рюрика.

С мудростью, выработанной годами личного опыта, он советовал, как поступить на первых порах княжения.

– Будь справедлив прежде всего, – говорил он своему любимцу, – помни, ничто так, как справедливость, не привлекает сердца народа к правителю. Все должны быть равны пред судом твоим: и сильный, и слабый, и богатый, и бедный, и могучий старейшина, и ничтожный родич. Будешь поступать так, приобретешь себе любовь народную. Потом укрощай

гнев свой, вспомни, что поют саги о герое Харальде Прекрасноволосом, который прежде, чем принимать решение, давал всегда успокоиться своему сердцу, — так поступай и ты, но больше всего старайся, чтобы исполнилось каждое твое слово, чтобы каждый твой приговор приводился в исполнение; дай почувствовать подвластным тебе, что есть над ними высшая воля, которой нельзя противиться. Береги свою дружину и, пока не укрепись в землях славянских, никуда не ходи в походы. Постоянно принимай в дружину свою славянских юношей, пусть они братаются с варягами, чем больше их будет около тебя, тем прочнее укрепись ты в земле своей!

Рюрик внимательно слушал названного отца.

Наконец, назначено было отбытие варяго-россов на Ильмень. Горько было расставаться Эфанде со старым отцом, с родимой страной, где прошло ее детство, где впервые познала она сладкое чувство любви, но тягость разлуки с родиной скрашивалась для Эфанды сознанием того, что не расстанется она больше со своим Рюриком, не уйдет он от

нее в опасный поход, а, напротив, самой ей предстояла завидная участь – участь, дотоле не выпадавшая на долю скандинавских женщин, – разделить с супругом все его труды и заботы по управлению вновь приобретенным краем.

С великими почестями отправил старый Бьёрн варяго-россов на Ильмень.

Рюрик много думал, прежде чем приступить к снаряжению своей флотилии. Не брал он с собой ни путевого довольствия, кроме того, которого хватило бы для переезда через бурное Нево, ни драгоценностей, зато запаса оружия воинским. Низко сидят в воде ладьи, доверху нагруженные разными доспехами. Всего много припасено на них: и мечей, и секир, и луков тугих, и стрел каленых. Есть и кольчуги, и тяжелые шлемы. Все это везет с собой великий князь в дар избравшей его стране. Знает он, что без угрозы военной трудно поладить с буйным племенем ильменским и водворить среди него единую могучую правду.

Быстро плывут ладьи знакомой уже дорогой через Нево. Сами грозные боги, казалось,

покровительствовали избраннику славян. Утихло бурное озеро. Едва заметная рябь бороздит его поверхность, а между тем паруса ладей полны попутного ветра.

Вот темной громадой зачернел слева мрачный скалистый остров, покрытый густым лесом. Это Валамомо, приют жрецов жестокого, постоянно крови жаждущего Велеса. Никого не видать на острове, только над прибрежным лесом высоким столбом клубится черный дым – приносят, верно, жрецы мрачному божеству свои таинственные жертвы.

Рюриком овладело было желание повернуть ладьи, пристать к этим угрюмым скалам и узнать от жрецов, занимавшихся гаданьями и предсказанием будущего, что ждет его впереди.

– Милый, зачем нам знать грядущее, – нежно склоняя русую голову на плечо супруга, произнесла Эфанда, когда Рюрик сказал ей о своем намерении, – зачем нам пытаться богов? Разве наше грядущее не в наших руках? Разве сама судьба не избрала тебе путь, по которому ты должен идти, уверенный в благоволении к тебе небожителей?

– Ты права, Эфанда! – воскликнул Рюрик. – Мы сами властелины своего будущего!

Он с нежностью взглянул на подругу своей жизни.

Она стояла, устремив на него полный беззаветной любви и ласки взор. Последние лучи заходящего солнца заливали ее ярким светом, играли на золотых подвесках головного убора. Чудно была хороша Эфанда в эту минуту. Рюрик, глядя на нее, чувствовал себя счастливым, бесконечно счастливым.

Веселое пение доносилось до слуха вождя с других ладей. Там Олав, Синеус и Трувор, в кругу своих молодцов, убивали скучное время пути. Им неизвестны были радости семейной жизни. Шум битв, грозный натиск на врага заменяли им нежную ласку любящей жены, кубки с крепким медом веселили их душу, и они тоже были счастливы, по-своему счастливы.

Еще несколько дней пути, и Рюрик с дружиной уже вступил в пределы своей страны – той страны, которую он много лет тому назад оставил жалким изгнанником.

Не доходя до первых ильменских порогов,

Рюрик отдал приказание причалить к берегу.

Он быстро понял важность этого места для новой страны. Отсюда начинался с одной стороны и кончался с другой трудный, тяжелый волок. Никто из проходящих со стороны Нова-города или с Нево, не мог миновать его, и Рюрик решил воспользоваться этим. В несколько дней срубил он здесь город, который назвал в честь веселого славянского божества, Ладогой.

Оставив в Ладоге небольшую часть дружины, Рюрик с остальными пошел к Нову-городу.

15. «ПРИВЕТ ТЕБЕ, СОЛНЫШКО НАШЕ!»

Волнуется приильменский край, ожидая своего избранника. Пришла, наконец, весть, когда, в какой именно день прибудет великий князь Рюрик в Нов-город.

Пока не приходило этой вести, еще наде-ялись на Ильмене, что все, может быть, пой-дет по-старому, как и прежде велось, что раз-говоры все это только пустые, поговорят, по-говорят, да и бросят. Не будет никакого князя, не узнает народ приильменский чужой воли.

Но роковая весть пришла.

В пределах земли славянской он уже, плы-вут его ладьи по старому седому Волхову, а кто видал их, так говорит, что дружины рат-ной на них видимо-невидимо.

В тот день, когда должен был прибыть Рю-рик, Новгород был необыкновенно оживлен. Со всего Ильменя собрались сюда славяне вслед за своими родовыми старейшинами. Кипят концы новгородские собравшимся на-родом. Все в нарядных одеждах, словно на праздник какой собрались.

Говор во всех углах слышится. Но все сосредоточенно важны. Лица серьезные. Да как и не быть серьезными? Кто знает, какое будущее ждет ильменских славян? Поэтому не слышно в народной толпе ни смеха веселого, ни песен, даже в обычные препиранья друг с другом ильменцы не вступают, чувствуют все, что не время теперь для этого. Последние минуты разнузданная вольность славянская доживает.

По всему это заметно.

За три дня до прибытия в Нов-город Рюрика, пришла сюда часть его дружины. Пришла и прежде всего заняла укрепленную часть города. Одни так в Нове-городе и остались, другие же отправились на тот островок, где старый город был. Согнали туда людей великое множество, и тотчас же закипела там спешная работа. Быстро «рубили город». Со всех сторон ограда крепкая явилась прежде всего, внутри нее великолепный шатер был раскинут, и узнал тогда народ приильменский, что будет жить его избранник не в Нове-городе, а на старом его городище. Здесь он будет править суд свой, отсюда будет и дружины посы-

лать для наказания непокорных.

– И зачем ему на старое городище, когда и в Нове-городе хорошо, – удивлялись в народе.

Не могли сообразить приильменцы, что старое городище являлось, сообразно с тогдашним военным искусством, почти неприступной крепостью, в которой владыка своеговольного народа, не знавшего доселе ничьей власти, кроме власти своих старейшин, был в полной безопасности, тогда как ничего подобного не могло быть среди буйных новгородцев.

Когда показались паруса ладей, в великое волнение пришел весь народ. Никто не знал, как встречать князя, как величать его.

Впрочем, старейшины догадались.

Они на своих ладьях выехали навстречу Рюрику и остановились ждать его верстах в двух от Нова-города, вниз по течению Волхова. Диву все они дались при виде своего избранника – таким великолепием окружен был в этот момент Рюрик.

Разубранная драгоценными тканями ладья, даже не покачиваясь, скользила по Волхову. Паруса были спущены, шли на веслах.

На корме, на самом возвышенном месте ладьи, на троне, раскрашенном причудливой резьбой, искусно позолоченном, весь одетый в блестящие доспехи восседал первый славянский князь со своей супругой.

Взгляд его был строг и добр одновременно, осанка величественна, движения серьезно-важны. Он не был угрюм, но в то же время и не был весел. Позади трона правителя стояли, опершись на копья и секиры, его закованные в железо соратники. В первом ряду их стоял названный брат Рюрика, Олав. Рядом с ним, в гордых, величавых позах, видны были Синеус и Трувор, Аскольд и Дир.

А дальше, за этой первой ладьей, как птицы хищные, скользили по темно-зеленым волнам великой реки славянские бесчисленные ладьи с суровыми пришельцами далекого севера.

На никогда не видавших такого великолепия приильменцев эта картина произвела неотразимое впечатление. Их избранник казался им и на самом деле каким-то посланником богов. Так не вязалась представившаяся их глазам картина с обычной простотой их

жизни.

Наконец они стали приходить в себя.

– Привет тебе, князь наш великий! – пронеслось над высокими берегами Волхова приветствие прибывшему в пределы земли славянской первому и единому ее вождю. – Привет тебе, здравствуй на многие лета, надежда наша, красное солнышко!

Искренно было это приветствие, неподделен был восторг народных масс. От всей души называл он своего нового вождя и «надежей», справедливо ожидая от него единой незыблемой правды, и «красным солнышком», каким показался ему в первый момент этот призванный чужеземец.

Рюрик милостиво кивал головой в ответ на радостные крики народных толп, заполнивших собой оба волховских берега.

Около самого Нова-города ладью Рюрика окружили ладьи со старейшинами всех прильменских родов.

– Бьем тебе челом, князь наш, свободным вечем избранный! – начал самый старейший из них. – Пусть хранить тебя Перун многие лета! От лица всего народа славянского привет-

ствуем мы и тебя, и жену твою! Сделай нам милость: явись на вече, покажи лицо народу твоему и прими от нас смиренные дары наши!

– Благодарю тебя, старик, – громко заговорил Рюрик, – принимаю за истину я речь твою и верю, что через тебя говорит со мной весь народ. Буду я сейчас на вече вашем и приму там дары, вами приготовленные!

Все это было произнесено таким властным тоном, что старейшины не нашли сразу ответа. Они только низко кланялись князю, не смея даже сесть в его присутствии на скамьи своих ладей. Каждый из них нутром чуял в Рюрике грозную, несокрушимую силу, с которой бороться было уже теперь невозможно.

Сам же Рюрик после того, как ответил на приветствие послов, не сказал им более ни одного слова. Они как будто перестали существовать для него. Теперь князь ласково говорил с окружавшими его начальниками отдельных дружин.

Тем временем несколько ладей с вооруженными дружинниками обогнали ладью Рюрика и первыми пристали к пологому бе-

регу Волхова, откуда можно было войти прямо в Нов-город. Легко поднялись они в гору, не совсем вежливо расталкивая толпившийся народ. Сначала это не понравилось новгородцам, но вид закованных в железо варягов сразу же успокоил чересчур вспыльчивых.

Наконец наступил самый торжественный миг.

Первый русский князь сошел со скандинавской ладьи на ставшую ему вторично родной землю.

И Рюрик преобразился. Лицо его запылало восторгом, в глазах заблестел огонь радости.

– Родная страна, – воскликнул он вдохновенно, – приветствую тебя! Снова вступаю я на родимую землю. Не прежним изгнанником, не враждебным пришельцем прихожу я к тебе, а полновластным властелином твоего народа и верным твоим сыном. О всемогущие боги! Снова примите мою клятву, как некогда принимали вы другую. Клянусь я все силы свои употребить для блага ильменской страны. Клянусь возвысить ее на славу векам. И служить буду ей, насколько сил моих хватит. Не будет неправды при мне в родах славян-

ских, и засияет в них правда ярче солнца. Все, все тебе, родная страна. Отныне не варяг я, не норманн, не пришелец я тебе, а твой верный и первый слуга, преданный сын! Горе тем, кто осмелится обидеть тебя, – есть отныне у тебя защитник.

С изумлением слушали окружающие эту несколько беспорядочную речь; но более всего поразило всех горевшее восторгом и воодушевлением лицо Рюрика и крупные капли слез, навернувшиеся на его глаза.

– А теперь – на вече! – громко сказал, подавив волнение, Рюрик. – Пойдем, покажем лицо свое нашему народу.

Он бодро шагнул вперед.

Двое слуг расстилали перед ним богатый ковер, а вокруг, как гул морских волн, неслись восторженные клики:

– Привет тебе, солнышко наше красное, надежда наш, князь великий!

16. РУСЬ ЕДИНАЯ

Прибытие князя, его первое появление перед народом, обращение к вечу – обращение гордое, надменное, какого вечевики и вообразить себе не могли, произвели невыразимо сильное впечатление на народ приильменский и в особенности на новгородцев.

Они до последней минуты воображали, что князь будет для Нова-города тем же, чем были до тех пор его посадники, и вдруг пришлось жестоко ошибиться.

– Да он на вече-то и внимания не обращает, как будто и нет его совсем, – толковали и в самом Нове-городе, и в родах.

– Верно, что знать его не хочет!

Но и это вскоре обратилось в пользу Рюрика.

– Одно слово – князь самодержавный, кого призывали мы и кого нужно было нам. С ним много шутить не будешь! – стали отвечать на замечания о надменности князя.

– А зато, как шел-то он к нам! – восторгалось большинство. – Именно, что солнышко красное! Какие ковры пред ним расстилали,

чтобы ножек своих не запачкал.

– Так и быть должно. Не подобает князю нашему прямо по земле ступать сырой.

– А на вече-то? Ведь он один на помосте стоял.

– Верно, что один, у самого колокола!

– Наши старейшины на самой нижней ступени сбились и голоса подать не посмели.

– Где тут подать! Головой кивнул бы на виновного, и как не бывало его на свете белом!

– На то он и князь самодержавный! Никто ему перечить не смеет!

Этим последним доводом заканчивались обыкновенно все разговоры о новом князе. Новгородцы, а за ними и остальные ильменские славяне прониклись сразу же мыслью о неизбежной покорности единоличной власти, а так как это, по мнению большинства, могло вести только к общему благу, то особого неудовольствия в народе не было.

Но наибольшее впечатление произвел поклон Рюрика собравшимся славянам, а затем и то, что произошло после этого поклона.

В пояс поклонился князь своему народу.

– Народы приильменские, – сказал он, – к

вам обращаюсь я со своею речью. Добровольно, без всякого понуждения избрали вы меня своим князем, обещаю я послужить на пользу вам, но знать вы должны, что ни с кем никогда отныне ни я, ни приемники мои не разделят данной вами же власти. Только единой властью силен будет народ славянский. Только в ней одной его могущество, поколебать которое никто не может. Да исчезнет с приходом рознь между вами, и да будете вы все как один, а один – как все. Сплоченные, скрепленные, будете вы расти и усиливаться на свою славу, во веки веков.

Слова эти произнесены были с особым выражением.

– Что он говорит-то такое, как это все – что один?

– Что же, в родах наших старшего не будет?

– Все это совсем непорядок! – загалдело вече.

– Хотим жить по-старому, как отцы и деды наши жили!

– Князь над старейшинами только! Пусть их судит, а мы по-прежнему. К нему только

на суд идти будем.

– Пусть нас на войну только водит, да от врагов со своею дружиной обороняет, вот его дело.

– А в роды мы его не пустим!

– Не по-нашему – так и ссадим. Не таких выпроваживали.

– Сам Гостомысл нас уважал!

Вече забылось. Может, это была просто попытка крикунов заявить о себе, как это бывало раньше, при посадниках, может быть, и на самом деле вечевикам захотелось показать, что и они не последние спицы в колеснице нового управления, что они заставят князя разделить свою власть с вечем.

Но что произошло после этого, надолго осталось в памяти крикунов и послужило им хорошим уроком на будущее.

Рюрик, заслышав угрожающий гул голов, выпрямился во весь рост, чело его нахмурилось, в глазах засверкал гнев.

Он властно протянул перед собой руку и указал на толпу.

В тот же миг добрая сотня прекрасно вооруженных дружинников бросилась туда, ку-

да указал им вождь. Бряцая оружием, вклинились они в толпу. Натиск их был совершенно неожиданным. Вечевики растерялись и свободно пропустили их к тем, кто громче других выкрикивал угрозы князю. В одно мгновение крикуны были повязаны и подведены к помосту, где их ожидал уже Рюрик.

Их было около десяти. Они дрожали всем телом, ожидая, что вот-вот услышат роковое для них приказание из уст того, против кого они только что подняли угрожающий крик.

– Чего вы хотите? Чего вам надо? – возвысив голос, заговорил Рюрик. – Или вы не желаете подчиняться моей власти?

– Ничего, батюшка, так мы это, спроста, – нашел в себе силы, наконец, проговорить один из приведенных.

– Чего им! Известно чего! – загудело вече. – Думают они, что как прежде горланить можно. Теперь ведь князь, а не посадник.

– Так слушайте же вы все! – загремел Рюрик. – Прошлому более нет возврата. Не будет своевольтва в земле славянской – не допуская этого; сами вы меня выбрали, сами пожелали иметь меня своим князем, так и знайте те-

перь, что нет в народе славянском другой воли, кроме моей.

– Истинно так, батюшка князь, – снова загудело вече. – И нам всем эти буяны надоели. Они-то всегда и смуту затевали, благо горло у них широкое. Накажи их в пример другим.

Все вече было буквально ошеломлено быстрым натиском княжеской дружины. Да и среди вечевигов находилось много сторонников нового князя, даже довольных таким исходом дела.

– Ишь, сразу смуту затевать начали, – несло со всех сторон, – поучи их, батюшка-князь, поучи, чтобы и вперед не поваживались.

Рюрик снова сделал величественный жест рукой, и вече разом замолкло.

– Слушайте, вы! Должен наказать я примерно этих людей, но хочу я с милости начать свое правление, чтобы знали прежде всего, что милостив князь ваш. На этот раз отпускаю я этих людей, дарую им жизнь, хотя они заслуживают смерти! Пусть идут они в роды свои и возвестят там о новом князе своем, пусть скажут они, что отныне всякий

осмеливающийся с осуждением выступить против него, лютой смерти будет предан. А теперь я dokonчу то, что говорить вам начал. Нет и не будет отныне на Ильмене родов, каждый и все должны одним законом управляться, одной воле покорными быть, а поэтому приказываю я называть все роды, что окрест по ильменским берегам живут, одним именем – Русью. Нет более родов приильменских, есть одна на Ильмене Русь, как есть на Руси одна только правда и милость моя великокняжеская. Так знайте и помните это всегда.

Вече смущенно молчало. Старики недоумевающе переглядывались друг с другом. Приказание князя произвело на них удручающее впечатление.

– Что же, Русь, так Русь, это все едино, – раздались сперва робкие, неуверенные восклицания.

– А и в самом деле, будем Русью, если так князь наш батюшка хочет!

– Только бы правда одна на Руси была.

– Вестимо, так!

Крики эти были прерваны появлением

около помоста нескольких старейшин. Это были почтенные старики, убеленные сединами. Вид их был торжественно важен. Они смотрели на князя гордо и смело.

Рюрик величавым взором глядел на них в ожидании того, какую речь они поведут.

— Как сказал ты, батюшка-князь, — заговорил, поклонившись князю в пояс, самый старейший из них, — так пусть и будет. Видим мы, что ты действительно пользы желаешь народу славянскому и положишь конец неурядицам нашим. Ты один сумеешь сдержать нашу вольницу, верим мы этому, верим и надеемся, что светлое будущее ждет народ приильменский, чувствуем и верим мы, что и оборонишь ты беззащитных от нападков вражеских, и правого поправишь, и виновного покараешь. Потому и кланяемся мы тебе, клятву даем быть тебе верными, беспрекословными слугами, идти за тобой всюду, куда поведешь ты нас. Сами, своей волей, своим выбором свободным призвали мы тебя, так теперь не от добра же нам добра искать. Что здесь мы говорим, то и в родах наших думают; итак, прими ты привет наш, князь русский вели-

кий. Бьем тебе челом, княже, и владей нами со всем родом твоим во веки веков.

Лицо Рюрика прояснилось при этих словах.

– Добро говорите вы, старейшины, – сказал он, – и речь ваша мне приятна, вижу я, что искренни речи ваши, а потому пусть и от меня примет народ мой русский поклон приветливый.

Князь низко при громких приветственных криках поклонился вечу.

– А теперь пойдём, принесем жертвы Перуну и веселым пиром отпразднуем прибытие мое, – заключил Рюрик.

Обо всем этом долго-долго говорили на Ильмене, вспоминая первые шаги вновь избранного князя.

17. КНЯЖЬЯ ПРАВДА

*«Едино солнце на Небе – Божие,
Едина правда на Руси – княжая»
Из старинной рукописи.*

Сразу же почувствовал народ славянский, что как будто и дышать стало легче на Ильмене.

Точно другое солнце взошло над великим озером славянским. Взошло и озарило все своим благодатным, живительным светом.

Князь с супругой своей и ближайшими людьми поселился в старом городище. Здесь быстро срубили крепостцу, обнесли весь небольшой остров стенами, а для княжьей семьи и близких людей возвели хоромы.

Всякий, имевший нужду, – будь то простой родич, старейшина или боярин – свободно допускался к князю, и каждый уходил удовлетворенный, довольный. Для всех находилось у Рюрика и слово ласковое, и взор приветливый.

Были, конечно, на Ильмене и недовольные. Рюрик старался быть по возможности

справедливым ко всем; но в споре, в тяжбе одна из сторон даже и вполне справедливым решением оставалась недовольна. Так уж всегда бывает, так было на первых порах и на Ильмене.

Вздумал было какой-то род не подчиниться князьему приговору по тяжбе, не в его пользу кончившейся. Вздумал и отказался выдать обидчика из числа своих же родичей.

– Что он с нами поделает! Мы сами за себя постоять сумеем. Пусть-ка попробует заставить нас! – говорили в непокорном роду.

Послы князя были оскорблены, а тут обиженный снова ударил князю челом.

– Коли ты не справишься, за меня не заступишься, так мой род сам управу найдет, – говорил челобитчик.

Положение было затруднительное. Не удовлетворить обиженного – значило снова дать возникнуть на Ильмене разным неурядицам, но Рюрик быстро нашел выход.

Он решил пожертвовать одним непокорным родом, чтобы спасти остальные от всех ужасов нового междоусобия.

Послан был князем сильный отряд, отданы

были распоряжения наказать, как можно строже, непокорных.

Во главе отряда поставлен был даже брат великого князя – Трувор.

Трувор был молодец решительный, медлить он не любил, все окрестные леса и трющобы знал превосходно. Как снег на голову, явился варяжский отряд в непокорное селенье; прежде, чем родичи успели вооружиться и дать отпор, их хижины уже запылали.

Кое-кто из мужчин кинулся на варягов, но тех было много, вооружены они были прекрасно, и варяги подавили вмиг сопротивление.

Не удалось спастись и тем, кто попытался укрыться в дремучих окрестных лесах. Трувор послал за ними погоню, состоявшую из воинов, которым каждая тропа была известна. Всех настигли, всех истребили княжеские дружины, никому они пощады не дали, самое селение с лица земли стерли и, обремененные богатой добычей, вернулись в старое городище.

Так был приведен в исполнение княжеский приговор.

Добычу Рюрик частью разделил между всеми варягами, частью отдал обиженному, а женщины непокорного рода стали женами молодых варягов.

Этот пример подействовал.

Увидали в родах, как тяжело карает князь непокорных, и никто уже не осмеливался противиться его приговорам. Поняли родичи, что и в самом деле единая правда воцарилась на Руси, и, волей-неволей, приходилось ей подчиняться.

Впрочем, все этим были довольны. Ясно увидали люди, что и слабому есть на кого надеяться, есть у кого от сильного защиты искать.

Сила на Ильмене перестала быть правом.

Знал обо всех толках и Рюрик, знал и радовался. Понимал он, что доволен им и его правдой народ славянский.

Но, однако, нашлись и недовольные.

Однажды Рюрику сообщили, что к нему идет большое посольство от кривичей, веси, мери и дреговичей.

Слух оказался верным: посольство явилось и принесло князю обильные дары. Рюрик

встретил его с возможной пышностью, ласково и милостиво.

– Бьем тебе челом, княже великий! – повели свою речь послы, когда Рюрик допустил их к себе.

– Буду вас слушать, – ответил князь, – смело говорите все, чего ищете, и уверены будьте, что поступлю с вами по справедливости. Неправды ищете – вас покараю, за правдой пришли – за вас заступлюсь.

– Правды ищем мы, княже, твоей правды, за ней и пришли к тебе.

– В чем же ваше дело?

– Слушай нас, князь! От лица племен наших говорим мы с тобой. Забыл ты нас, все с одними ильменцами занят. А не одни они на Руси твоей.

– Знаю, что не одни. Знаю и об вас. Только чего вы от меня хотите?

– Когда уговорил новгородцев Гостомысл направить послов к тебе и наши старейшины вместе с ильменцами клятву тебе давали, и наши старейшины вместе с их старейшинами на поклон к тебе ходили, стало быть, и нам ты князь, а нет у нас твоей единой прав-

ды. Прежние смуты творятся в родах наших, а ты далеко от нас, некому виновных покарать, некому и суд между нами творить. Бьем тебе челом – дай и нам твою правду!

Рюрик надолго погрузился в глубокую задумчивость. Просьба посланников не удивила его, но заставила искать выход из нового тяжелого положения. Не удовлетворить посланцев четырех могучих племен, оставить их без «княжеской правды» было опасно. Если бы эти племена возмутились, они легко увлекли бы за собой еще не вполне успокоившихся ильменцев.

– Вижу теперь, в чем у вас дело, – заговорил наконец князь, – вижу, что и впрямь вы правды ищете. Только вот, как быть с вами, не знаю.

– Раздумай за нас, надежда наша, Слезно молим.

– Вот я и думаю. Сам бы я к вам пошел, да не могу быть среди вас. Лучше вы ко мне приходите.

– Далеко к тебе, княже, и не посмеем мы беспокоить тебя из-за всякой малости.

– И это верно вы говорите! Согласен с ва-

ми. Чувствую я, что должен дать вам правду, но как я вам дам ее, об этом узнаете после. А теперь покуда пойдите, отдохните с дороги и спокойно ждите моего решения.

Князь приказал возможно радушно принять и угостить послов, что и было исполнено. Старого меду для послов не жалели. Они опоражничивали кубок за кубком, славя при этом князя – «солнышко красное».

А пока пировали послы, в советной княжеской собрались вокруг Рюрика: его названный брат Олег, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир и другие ближние советники. Думали они глубокую думу, как им быть с делом посланцев, какую им правду дать.

– Вот, что я тебе скажу, мой Рюрик, – говорил Олав, прозванный на Руси Олегом, – и знаю я, что ты примешь совет мой. Одни ли кривичи, одни ли весь, меря, дреговичи под твоей властью? Вспомни ты, что есть, кроме них, и еще другие племена.

– Я понимаю, что хотел сказать ты, мой Олав. Знаю, есть еще поляне, дулебы, древляне, но те не клялись мне в верности и не ищут моей правды.

– Так надо заставить их искать ее, – пылко воскликнул норманн, – пусть наши ярлы Аскольд и Дир идут к ним и покорят их под власть твою.

– Но лучше ты сам, Олав! – воскликнул Дир.

– Я нет! Я останусь с Рюриком, так как дал клятву никогда не разлучаться с ним. А вы, ярлы, такой клятвы не давали. Идите и исполняйте важное дело.

Долго говорили о предложении Олава, и, наконец, решено было, что пойдут к полянам Аскольд и Дир, займут Киев и объявят все приднепровские славянские племена во власти великого князя русского Рюрика.

Надумали, как дать правду и кривичам с весью, мерью и дреговичами.

На другой день призвал послов к себе Рюрик.

– Исполняю я желание ваше, – сказал он им, – дам я вам свою правду! Сами понимаете, нельзя мне самому постоянно быть среди вас, так вот и посылаю я к вам братьев своих Синеуса и Трувора. Синеус пусть сядет в Изборске, а Трувор в Белоозере. И будут они пра-

вить вами именем моим. Если же ими в чем будете недовольны, тогда мне на них челом ударите.

Послы остались как нельзя более довольны таким ответом.

Спустя немного времени с Ильменя отправились в дальний путь две сильных варяжских дружины. Одна из них сопровождала Синеуса и Трувора к кривичам, другая с Аскольдом и Диром пошла на берега Днепра покорять под власть великого русского князя новые славянские племена.

18. ВАДИМ

Однако не все еще испытания кончились для Приильменья. Волею судьбы суждено было только что образовавшемуся княжеству еще одно, последнее, но зато и самое тяжелое.

Вадим, сын Володислава, храбро защищавшийся при набеге варягов, не умер на поле битвы. Он обессилел от ран, лишился чувств, видя своего врага победителем. Обморок был так силен, что подошедшие к нему скандинавы приняли его за мертвого.

Вадим же был жив и когда очнулся, то уви-

дал себя в лачуге болгарского кудесника Мала.

С поля битвы вынес Мал Вадима. Трудно было бы даже и предположить такую силу, какую выказал при этом дряхлый старик. Словно малого ребенка, почти на руках нес он Вадима до берега Ильменя, где у него припасен был легкий челнок. Вадим все еще не приходил в себя. Безжизненным пластом лежал он на дне челнока, беспомощный, бесчувственный.

Мал, легко управляя веслом, гнал челнок через озеро к дремучему лесу, где ютилась его берлога.

– Зачем я спасаю его? – тихо бормотал загадочный старик. – Какая сила заставляет меня делать то, что я теперь делаю? На что еще нужна жизнь высшим существам, управляющим всем в этом мире? Судьба бережет его. На что?

Вадим не приходил в себя даже тогда, когда Мал уложил его в своей лачуге. Как ни крепка была его натура, не выдержала она все-таки перенесенных потрясений и надломилась. Молодой старейшина в беспомощности

метался, стонал, и только снадобья, которые давал больному старый Мал, несколько успокаивали его.

Долго он был между жизнью и смертью.

Но крепкая натура, наконец, взяла свое и одолела недуг. Мало-помалу Вадим стал приходить в себя.

Мал без устали ухаживал за ним

– Вставай, вставай! – говорил он, когда Вадим несколько окреп. – Собери свои силы, тебе предстоит далекий путь!

– Путь! Куда? Я хочу остаться здесь, старик, я хочу умереть на родимых берегах.

– Нельзя! Здесь жизнь твоя подвергается опасности!

– Какой? Разве не все еще миновало для меня! Разве новые удары готовит для меня в грядущем судьба?

– Почему знать!

– О, старик! Я верю тебе! – вскричал в волнении Вадим. – Что ты сказал мне, исполнилось! Умоляю тебя, скажи еще раз, что ждет меня в грядущем? Молю тебя.

Мал усмехнулся и загадочно покачал головой.

– Пожалуй, я могу сказать тебе это! – отвечал он.

– О, скорее, не томи меня!

– Мне не надо даже спрашивать судьбу, чтобы ответить тебе на этот вопрос. Все ясно и так. В грядущем ждет тебя то же самое, что и всех других.

– Но что?

– Смерть!

Ответ был прост, но на Вадима он произвел ужасное впечатление. Со стоном опрокинулся он на свое ложе, бешенство отразилось на его лице.

– Или ты хочешь быть вечным? – спросил, заметив его волнение, Мал. – Напрасно! На земле все смертно!

– Не то, Мал, не то! – закричал Вадим. – Со всем не то! Но скажи мне, неужели я погибну от руки заклятого моего врага?

Старик снова покачал головой.

– Нет, высшие существа не судили тебе этого! Твой враг будет неповинен в твоей смерти.

Вздых облегчения вырвался из груди Вадима.

– О, тогда я не боюсь умереть! – произнес он. – Тогда я уверен, что найду случай отплатить врагу за все и насладиться его предсмертными мучениями.

– Не надейся на это! Не забывай, что я уже однажды сказал тебе. Твой враг – любимец судьбы, и она свято будет хранить его от всех несчастий. Не удастся тронуть волоса на голове его. Но перестанем говорить об этом. Помни, ты должен уйти отсюда, потому что жизнь твоя здесь не в безопасности.

В самом деле, Вадим прекрасно понимал, что остаться на Ильмене для него не было ни малейшей возможности. Господствовавшие тогда в Приильменье норманны не оставили бы в живых прославившегося своей храбростью князя.

Едва поправился он, сейчас же ушел с ватагой удальцов, которых собрал для него Мал, на Днепр, где и оставался до тех пор, пока туда не прибыли со своими дружинами Аскольд и Дир.

Опять явились ненавистные враги, и Вадим теперь спешил вернуться в Приильменье. Он слышал, что свободное вече призвало

из-за моря какого-то Рюрика с двумя братьями на княжение, но кто это был – он даже и не подозревал.

Пришел он как раз в то время, когда ильменская вольница воспрянула духом. Тяжела показалась ильменцам власть княжеская и вспомнили о Вадиме.

– Эх, когда бы был Вадим! – говорили в родах. – Справились бы мы с князем.

– Только Вадим против него и мог бы пойти!

– Немало бы народу за ним последовало!

– Воскресла бы вольность славянская!

Кое-где в родах прислушивались к этим разговорам, но пока что они велись втихомолку, шепотом, а потому и не достигали Рюрикова городища.

Очутившись в родимых местах, Вадим прежде всего позаботился о разведке. Он решил пока никому не объявлять о своем возвращении, а разузнать, кто такой Рюрик, какое положение занял он, велика ли его охрана и как можно было бы вести с ним борьбу.

Однажды, одолеваемый мрачными думами, Вадим на легком челноке подплыл к Рю-

рикову городищу и заметил, что около княжеских хором стояли толпы людей и по Волхову у берега островка зачалены были челноки и ладью. Среди них одна особенно выделялась убранством.

– Здесь кого-то ждут? – спросил Вадим у старика, сидевшего на корме лодки, к которой подтянулся на своем челноке.

– Князя нашего, солнышко красное ждем, – последовал ответ, – в Новгород на вече он отправляется пред отъездом своим к кривичам, так вот мы и собрались приветствовать его.

Вадим остался ждать появления князя.

Громкие радостные крики заставили его приподняться в лодке.

Из ворот городка, окруженный толпой дружинников, приветствуемый громкими восторженными криками народа, выходил тот, кого он считал своим заклятым врагом.

Кровь ударила в голову Вадима.

Да! Это – он, заклятый его враг! Как он статен, величав, могуч, как радуется при виде его народ. Но недолго! Вадим вернулся, и теперь между ними начнется последняя решительная борьба.

Крепко стиснув зубы, отчалил Вадим свой челнок.

А Рюрик, не подозревая, что его кровный враг так близко, сажился в свою ладью. Нехорошие вести принесли ему из земли кривичей. Нежданно умер в Изборске брат его Синус, и кривичи звали к себе князя, опасаясь, что, оставшись без правителя, они снова станут жертвами своих родовых раздоров.

Рюрик решил не медлить и оправился в путь, объявив о своем отъезде новгородскому вече.

Вадим видел, как поплыли по Волхову ладьи с князем и его дружиною, и скрежетал зубами, слыша громкие клики провожающего своего князя народа.

19. ПОСЛЕДНЯЯ ВСПЫШКА

«Вадим вернулся», – эта весть с быстротою молнии пронеслась по всему Ильменю. Такого известия было вполне достаточно, чтобы поселить надежду в сердцах недовольных.

– Будет дело мечам! Сумеет он отстоять страну родную! – говорили в приильменских селениях.

– Много за ним пойдет народу! Храбрый он вождь!

– Свой, настоящий, не чужой!

– Только бы Нов-город подался, в родах удальцы найдутся.

– Ладно ли только? Ведь снова польется кровь, – пытались вразумить более благоразумные.

– Польется в последний раз. Прогоним Рюрика, возьмем себе князем Вадима! Выберем его, как того выбрали.

– И он нам правду даст!

– Да какую еще правду-то – свою, а не варяжскую.

Заволновался, зашумел Ильмень, зазвенели мечи в родах славянских.

И время для возмущения было как нельзя более удобное. Князь отсутствовал, уехал он с дружинами своими к кривичам. Горе неожиданно подкралось к Рюрику. Узнал он теперь, что умер почти одновременно с братом Синеусом и другой его брат – Трувор; волей-неволей пришлось князю покинуть Ильмень.

Отправившись в далекий путь, Рюрик сделал ошибку, взяв с собой и единственного своего друга, который бы мог его заменить, – Олава. Впрочем, мог ли предвидеть он, что опасность для молодого государства была так близка?

Во главе оставшейся небольшой дружины был поставлен храбрый на поле битвы, но малоопытный в делах правления воин по имени Руар. По его мнению, все было спокойно на Ильмене, опасаться было нечего, а потому Руар с дружиной после отбытия князя повел довольно беспечный образ жизни.

Вадим, между тем, делал свое дело. Один, без дружины, без всякого приготовления являлся он в роды и повсюду говорил так убедительно, что не только юноши, но и старики

заслушивались его.

Заслушивались и вспоминали прежнее.

Как прежде-то жилось привольно! Каждый сам себе старший был и знать ничего не хотел, а теперь вот прислушивайся к тому, что на Рюриковом городище скажут.

Поэтому-то и находили себе отклик и сочувствие в сердцах славянских пылкие речи Вадима.

– Веди нас! Все за тобой пойдем, – слышались восторженные возгласы.

– Будь нам князем, дай нам правду не варяжскую, а родную, ильменскую.

Вадим, конечно, знал цену этим словам. Понимал он, что, свергнув одного князя, ильменцы не задумаются прогнать и другого, но какое ему было до этого дело?

Он чувствовал, что идет на отчаянное дело, что очень и очень мало у него средств для борьбы, но все-таки шел, шел напролом.

А в Рюриковом городище были беспечные пиры. Руар окончательно позабыл, что он не на родимых ему скандинавских берегах, а среди буйного, не смирившегося еще окончательно народа.

Эфанда более сознавала всю опасность положения, чем беспечный воин. До нее дошли уже слухи, что на Ильмене далеко не все спокойно. Те самые женщины, которым она всегда оказывала милость, и принесли первые тревожные вести.

Они сами были перепуганы за своих сыновей, служивших в варяжской дружине.

Что, как придется им идти смертным боем по приказанию князя на родимые селенья? Пролить кровь своих отцов и братьев? Ведь все они пойдут за князем, потому что преданы они ему, не оставят они его в дни тяжелого испытания.

– Мутит всех Вадим! Снова на Ильмень вернулся, проклятый! – передавали Эфанде. – Как бы какого греха не вышло, ты бы князю-батюшке весточку послала.

Эфанда припомнила рассказы своего супруга о том, какую роль играл Вадим в судьбе Рюрика, и поняла, что опасность действительно существует.

Она пробовала говорить Руару, но тот только рукой махнул.

– Да разве посмеют они вздохнуть гром-

ко? – говорил он в ответ на все доводы княгини. – Узнал я их довольно! Трусы они, и больше ничего! Чуть что – пятерых наших воинов достаточно, чтобы весь Ильмень с лица земли стереть!

Жестоко ошибался беспечный норманн. Волнения на Ильмене становились очень опасны для князя.

Вадим был настолько дерзок, что не задумался явиться даже в Нов-город и ударил в вечевой колокол.

В Нове-городе, конечно, знали об его появлении, поняли, зачем он и вече собирает. Горожане были всегда народом более благоразумным, чем полудикие обитатели берегов старого славянского озера, а потому, хотя и явились на вече, но с опаской, в очень небольшом количестве.

Самому Нову-городу, как торговому центру, новое правление доставляло такие выгоды, о которых раньше новгородцы и мечтать не могли. Прежде всего, благодаря сильной дружине Рюрика и прекратившимся неурядицам, отовсюду стали собираться в Нов-город люди торговые. Приходили часто и норманн-

ские гости, теперь уже не опасавшиеся вероломного нападения. Происходивший при этом обмен товаров был очень выгоден новгородцам, а потому они с большим неудовольствием узнали о возвращении Вадима. Кроме того, новгородцы прекрасно понимали, что сила все-таки остается на стороне их князя.

Дружина Рюрика не уменьшилась, а напротив, возросла; благоразумных людей, сочувствующих князю и новой власти, все-таки было много, и люди эти смотрели на затею Вадима как на новую попытку завести распри.

Поэтому и мало собралось новгородцев на собранное Вадимом вече. Пришли только отчаянные крикуны, любители смуты да распри, которым терять в них было нечего.

Но Вадим явился не один в Нов-город; вместе с ним пришла толпа его единомышленников, готовых теперь следовать за ним, куда бы он их ни повел.

Его отряду, очень плохо вооруженному, совсем не дисциплинированному, и не под силу была борьба со стройными варяжскими дружинами. Но Вадиму и не нужен был успех, он

по-прежнему жаждал только одного – отомстить своему врагу.

Он заговорил с новгородцами так, как прежде говорил с ними с вечевого помоста: вкрадчиво, несколько униженно, с поклонами. Это понравилось, но особого впечатления не произвело. Новгородцы начали уже забывать такие речи, а привыкли к другим, более твердым, более внушительным.

Кроме того, они понимали, что говорил с вечем не властный величавый человек, наделенный всеми знаками высшей княжеской власти, человек, по одному только слову которого двинулась, куда бы ей ни указали, могучая дружина, а бедняк, изгнанник, жизнь которого ровно ничего не стоила, мало того, враг правителя.

Среди благоразумных все-таки нашлись и такие, на которых не действовали никакие доводы, кроме показной силы. Поэтому и в Новгороде Вадим все-таки имел некоторый успех.

Беспорядочная толпа его приверженцев увеличилась прекрасно вооруженной новгородской молодежью, а это что-нибудь да зна-

чило. Стоило подняться Нову-городу, за ним пошли бы и другие.

На Рюриково городище немедленно пришли вести обо всем происходившем в Нове-городе. Теперь встрепенулся и беспечный Руар.

Встрепенулся, но было уже поздно.

20. ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Рюрик ничего не знал о том, что происходило на Ильмене. Он был далек от мысли о возможности мятежа и спокойно устраивал дела кривичей, пришедшие в беспорядок после смерти Синеуса. У веси и мери все было хорошо, и кончина Трувора не вызвала среди них никаких волнений.

Сам Рюрик был очень огорчен кончиной братьев.

В их преданности он никогда не сомневался, теперь же у него оставался один Олав, а Олав нужен был ему и на Ильмене.

Как ни удачно начал свое правление Рюрик, а существовало нечто такое, что мучило его и заставляло тревожиться за дальнейшую участь избравшего его народа. Эфанда была

бездетна и в будущем некому было передать великого дела объединения всех славян.

Некому, кроме Олава.

Поэтому-то Рюрик не отпускал от себя своего названного брата, желая приучить ильменцев к мысли, что после него их правителем явится Олав, и никто другой.

Молодой викинг знал о намерениях своего князя, понимал их значение для славянского народа, а потому и готов был принять на себя трудное дело правления.

Весть о возникшей на Ильмене смуте, как громом, поразила и Рюрика и Олава. Это Эфанда, потерявшая всякую надежду на благоразумие Руара, решила самостоятельно отправить гонца к своему супругу.

Снова пришлось Рюрику услышать о Вадиме.

То, что он всеми силами старался забыть, изгнать навсегда из памяти, снова встало, как неумолимый упрек минувшему.

– Вадим, Вадим! Опять он встал на моем пути! – воскликнул Рюрик, получив весть от Эфанды.

Рюрик и Олав поспешно собрали дружину.

Они даже взяли с собой тех, кто должен был бы оставаться с наместниками князя, но дело выглядело настолько серьезно, что мог пригодиться каждый человек.

Действительно, Ильмень взволновался не на шутку.

Возликовал бывший старейшина. Он не сомневался, что теперь исполнится задуманный план, тем более, что среди его сторонников царило полное воодушевление.

– Прогоним князя, не бывать над нами ничьей воли, кроме нашей! – кричали сторонники Вадима.

– Пусть Вадим будет нашим князем, его хотим!

Но главной целью Вадима был не Новгород, а Рюриково городище. Там жила Эфанда, ставшая недавно предметом всех его мечтаний. Никто в толпах мятежников и не подозревал о затаенной цели своего вождя.

Для всех он являлся поборником прежних вольностей. За ним шли не только те, кому терять было нечего, но также люди, действительно помнившие старый порядок и дорожившие им.

Собралось достаточное количество воинов, и Вадим решил начать мятеж.

– Что мы будем делать, братья, – говорил он, – так это пойдем и прежде всего разорим гнездо хищного сокола, не оставим там камня на камне, а тогда уже легче станет докончить остальное.

– Идем! Идем все за тобой!

Мятеж вспыхнул.

Руар понял теперь, что дело нешуточное. Приходилось уже думать не о том, чтобы подавить восстание, а как бы сохранить свою жизнь и продержаться до прибытия свежих дружин во главе с князем.

Рюриково городище, по тем понятиям, являлось хорошо укрепленной крепостью, и взять ее трудно было, но охраняла ее лишь небольшая дружина, а вольница Вадима была многочисленная, и воодушевлена жаждой норманнской крови и грабежа.

Медлить Вадим не любил. Он быстро окружил Рюриково городище. Руар, Эфанда и все варяги были отрезаны от Нова-города, где они могли бы искать защиты.

А Нов-город повел себя странно, что, впро-

чем, вполне объяснимо. Он не примкнул к мятежникам, но и не пошел против них. Это был достаточно ловкий ход: победит Вадим – и горожане ничтоже сумнящся переходят на его сторону, одолеет князь – они, вроде бы, и не при чем.

Таким образом, осажденным неоткуда было ждать помощи. Положение их было почти критическое. Съестных припасов осталось очень мало и не приходилось думать о том, чтобы отсидеться за крепкими стенами городища.

Да и осаждающие не ждали. Вадим понял, что борьба с княжескими дружинами ему не под силу, и торопился кончить свое дело до прибытия Рюрика.

Темной ночью повел он своих людей на приступ. Один за другим гибли защитники крепости.

Вадим вышел из боя победителем. С несколькими самыми отчаянными из своих воинов ворвался он в княжеские хоромы. Там, окруженная толпой беззащитных женщин и детей, ждала врага Эфанда.

Она готова была умереть. Смерть не пугала

ее, а на случай позора в складках одежд припасен был острый кинжал. Но Вадим так быстро кинулся на нее, что она не успела выхватить свое оружие. Один миг, и обезумевший старейшина подхватил несчастную женщину и с диким ревом выскочил с ней из княжеских хором.

Отчаянный крик Эфанды на мгновение заглушил вопли других несчастных.

21. КОНЕЦ ЗЛА

Предчувствие чего-то ужасного не оставляло Рюрика во все время обратного пути. Как он жалел теперь, что не оставил на Ильмене Олава, но сделанной ошибки уже нельзя было исправить.

Но еще более он был перепуган, перепуган первый раз в жизни, когда, совсем уже близко от Нова-города, узнал о дерзком нападении Вадима на его городище.

Некогда было раздумывать о том, виноваты или не виноваты новгородцы в этом мятеже, а приходилось спешить туда, где так необходима была его помощь.

Появление князя со свежими силами сразу

же нагнало ужас на мятежников. С громкими криками кинулись они было к Волхову, ища на его волнах спасения, но оттуда подоспели ладьи с остальной дружиной князя.

Никому не дали пощады, всех истребили ожесточенные дружинники. Как раненый лев, со стонами и проклятьями Рюрик искал Эфанду. Искал и не находил.

– Эфанда! Эфанда, откликнись! – напрасно звал он ее.

Наконец от одного из мятежников удалось узнать, что их вождь с лишившейся чувств княгиней переправился через Волхов и на лихом коне умчался по направлению к дремучему бору,

– Он увез ее к Малу, – воскликнул Олав, – там живет этот проклятый чаровник! Скорей туда!

Рюрик и Олав, не дожидаясь даже дружинников, вихрем помчались туда, где надеялись найти Эфанду.

Олав не ошибся. Вадим, действительно, увез похищенную им княгиню в лачугу Мала. Там он рассчитывал быть в полной безопасности.

Мал как будто ждал его.

– Видишь ты, старик, – кричал ему Вадим, – судьба еще не совсем оставил меня! Победа на моей стороне и в моих руках то, что заставит моего врага смириться предо мной.

– Да, ты быстро идешь к своему концу!

– Скажи – к моей мести! – захохотал Вадим и направился к Эфанде.

Но та как будто ожидала этого и быстро отскочила в сторону.

– Прочь от меня, презренный убийца! – воскликнула она. – Погляди, на тебе кровь беззащитных женщин и детей. Будь проклят!

– Пусть так! Но все-таки я отомщу врагу!

– Никогда – гляди!

Перед глазами Вадима сверкнуло лезвие кинжала. Он не успел удержать руки Эфанды, и она ударила им себя в грудь.

– Я в самом деле проклят! – дико закричал Вадим. – Судьба и тут помешала моей мести.

Он кинулся к телу Эфанды и, как малое дитя, разрыдался.

– Проклят, проклят! – говорил он. – О, хотя бы смерть теперь!

– Ты зовешь смерть, сейчас придет к тебе, –

прохрипел на ухо безумца Мал, – слышишь?

Конский топот и бряцание оружия раздались совсем близко.

– Кто это? – с ужасом вскричал Вадим.

– Это орел спешит на помощь к своей орлице, – ответил Мал. – Готовься, настало твое время, ты сейчас умрешь.

– Да, да! Я умру, но умру не от руки его! – иступленно закричал Вадим и схватил кинжал, которым ранила себя Эфанда, и высоко взмахнул им,

В этот миг двое всадников вихрем внеслись на прогалину.

– Вот она! – закричал Рюрик и, забыв о Вадиме, кинулся к Эфанде.

– А я к тебе, ты не уйдешь теперь от меня, презренный убийца! – бросился с поднятым мечом Олав на мятежного старейшину.

– Поздно! – крикнул тот и что было сил ударил себя ножом в левую сторону груди. – Ты на самом деле опоздал, проклятый враг, я умираю не от чужой руки.

Удар нанесен был верно.

– Прав ты, Мал, – произнес Вадим, – они сильнее.

– Добро всегда сильнее зла, – сказал Мал и обратился к Олаву: – Оставь его, витязь, для него все кончено на этом свете. Он был злом для народа славянского и заслужил свой конец.

– Собаке собачья и смерть! – закричал Олав.

– Все-таки он умер как храбрец, – возразил Мал, – но вместе с ним кончено и мое дело! Высшие существа связали его судьбу с моей судьбой. Он умер, теперь и я могу отдохнуть. Прощай, Вадим! Воля судьбы свершилась.

Мал наклонился над трепетавшим телом Вадима и нежно поцеловал его. Потом поднял голову и с радостной улыбкой устремил взор на небо.

– Да, да, сладкий миг наступает. И для меня все кончается здесь. Все, все. Как хороша смерть, как отрадна после стольких лет!

Он снова взглянул на Вадима.

Тот в последний раз вздрогнул всем телом и вытянулся.

– Все кончено, – прошептал Мал и опустился, уже бездыханный, на труп последнего поборника ильменской вольности.

Рюрик, между тем, пришел в себя. Рана Эфанды оказалась не опасною. Молодая княгиня пришла в себя и открыла глаза.

Быстро соорудили носилки, на которые положили раненую.

Перед уходом Рюрик подошел к трупам своего врага и долго-долго глядел на него.

– Оба умерли и пусть гниют здесь, – сказал Олав, – пусть их тела станут добычей воронов.

– Нет, Вадим был храбр, – ответил Рюрик.

Со смертью Вадима мятеж потерял свою прежнюю силу. Подавить восстание не представляло никакого труда.

Полное, ничем не нарушаемое спокойствие воцарилось на берегах великого славянского озера.

Рюрик до конца своей жизни не мог понять, о каком владычестве над полумиром говорила его ворожея.

Если бы он мог встать теперь из-под своего кургана и оглядеться вокруг, то убедился бы, что ворожея была права. Страна, первым единодержавным правителем которой он был, действительно, занимает полмира, и солнце

никогда не заходит в ее пределах.